

КАССАНДРА
ВАЛЕРИ

18+

ВОЗРОЖДЕНИЕ
ВЕЛИКОГО
ВУЛКАНА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Хроники Солама

Кассандра Валери

Возрождение Великого Вулкана

«Автор»

2026

Валери К.

Возрождение Великого Вулкана / К. Валери — «Автор»,
2026 — (Хроники Солама)

В мире, где политические браки решают судьбы государств, а любовь — лишь помеха, наступает час, когда всё меняется. Манриетта должна выйти замуж за Лоуренса — но их детская привязанность давно угасла. Он любит другую, она терзается сомнениями. А тем временем на континент обрушивается новая угроза - жуткие создания, порождённые детьми тьмы. Назревает великая война. Здесь всё не то, чем кажется. У каждого — своя правда и своя тайна. Доверие — роскошь, которую никто не может себе позволить. Каждому предстоит пройти сквозь боль, предательства и ненависть, чтобы понять, что важнее — долг перед народом или голос сердца? И смогут ли они остановить надвигающийся хаос, пока не стало слишком поздно?

© Валери К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава от автора	5
Пролог	6
Глава 1	7
Глава 2	9
Глава 3	10
Глава 4	12
Глава 5	14
Глава 6	18
Глава 7	20
Глава 8	24
Глава 9	27
Глава 10	33
Глава 11	35
Глава 12	39
Глава 13	41
Глава 14	45
Глава 15	48
Глава 16	51
Глава 17	54
Глава 18	57
Глава 19	66
Глава 20	71
Глава 21	75
Глава 22	78
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Кассандра Валери

Возрождение Великого Вулкана

Глава от автора

Добро пожаловать в Солам – континент слегка потрёпанный долгими годами кровопролития и лживыми правителями. Война наконец закончена. Сильнейшие торжествуют, а проигравшие давно гниют в земле. Наступил долгожданный мир. Мир, наполненный жадностью, жестокостью и слезами тех, кто потерял слишком много. Мир, в котором победители не в лучшем положении, чем проигравшие.

И как многим известно, рано или поздно приходит время платить за мимолётные минуты славы. Поэтому смерть в предвкушении подпиливает коготки и возвращается на едва ожившие земли.

Она коварно мстит за тех, кого обвели вокруг пальца. И пока одни поют оды победителям, только некоторые знают правду о том, кто на самом деле виноват во всех бедах Солама.

Остаётся вопрос, кто же из наследников спасёт континент от ошибок своих предков? А кому придётся пожертвовать им ради спасения себя... Так что, встречайте наших *“счастливых”*:

Трусиха

Манриетта – юная королева золотых берегов, долгожданная узница обязательств.

Изгой

Лоуренс – принц ледяных просторов, сломленный собственным отцом и любовью.

Лжец

Дарий – правитель потерянного королевства, чьи поступки не всегда чисты.

Чудовище

Сириус – король вечнозелёных долин, незаслуженный тиран или жертва ложных слухов.

Шлюха

Амалия – принцесса подводных глубин, ставшая марионеткой в руках матери.

Изгнанник

Дэймон – наследник воздушных замков, получивший в наследство тьму и позор.

Смогут ли они вернуть прежний мир, при этом не лишившись себя и того, что так близко их сердцу? Давайте-ка поглядим. Подготовьте себе что-нибудь потеплее, да повкуснее и приступайте за дело, дорогие читатели.

Пролог

Шаг вперёд... второй... третий.

В голове пронеслась вереница непонятных, жутких картин. Шум и много истерического крика вокруг. Почему? Почему сейчас? Стоило лишь задуматься об этом, как крики смолкли и внезапная тишина обрушилась на него тяжёлым грузом отчаяния.

Он бежал слишком долго в этой тишине, но всё же встал как вкопанный, достигнув главного коридора, ведущего в тронный зал. Тот полностью сгорел, покрывшись плотным слоем копоти и смерти. Пепел и кровь смешались и потянулись тонкой струйкой в нос, отчего его затошнило.

Двери в тронный зал были распахнуты, и он сразу встретился с двумя яркими янтарями пылающими в сумеречном зале. Они, такие манящие когда-то, были пусты и безжизненны.

Шаг назад... второй... третий. Беги... как бы он хотел сбежать. Но так и не смог.

Она сидела раскинув руки на подлокотниках высокого, хрустального трона. Яркий пожар разлился по её плечам и груди, сливаясь с длинным потоком крови на обнажённом теле.

– Нет... нет – слова тихим стоном пронеслись по мёртвому залу.

Мертвы... все они были мертвы. От людей во дворе остались лишь ошмётки и потоки чёрной крови. А в замке только копоть и пепел.

– Нет! – он впился руками в волосы, крича от отчаяния. Он должен был спасти их всех. семью, друзей, её... Её!

Глава 1

Манриетта

На золотых берегах Ливреса, окутанных дымкой бледно голубых волн, юная, но уже весьма решительная Манриетта, или как называли её близкие Манри, впервые встретилась со своим призванием, настолько близко, что непонятное волнение ходило за ней по пятам весь этот завораживающий день. Тринадцатилетие, с ума сойти можно! До этого рокового дня она и не подозревала о своей роли в старинном, покрытом крохотными пылинками интриг и разочарования театре под названием Королевство.

Не зная о существовании тёмной стороны своего дома, которая есть увы во всех, она любила свой дом. Не огромное здание, увенчанное тысячами завитушек зелени и цветов, сотнями драгоценных камней и металлов, а людей, что заполняли его стены. Именно народ был её домом, её семьёй. В других королевствах принцесс готовили с детства к браку, ей же любящие родители даровали свободу. И как бы ни был опрометчив этот поступок, он был самым правильным, ведь именно свобода слепила из неё истинную королеву для своего народа. Никто из сотен тысяч жителей этого райского клочка земли и думать не смел о покушении на жизнь малютки Манри.

Её крохотное сердечко с львиной долей храбрости трепетало от мысли, что вот-вот и волны лазурных вод унесут её далеко-далеко, к ледяным берегам жестокого Аргоса. Сегодня отец и матушка официально представят её будущему супругу, хотя они давно уже были знакомы.

Манриетта помнила Лоуренса ещё совсем мальчишкой, неуклюжим и худощавым. Он всегда грыз ногти и валялся в грязи на фермах, когда бывал у них в гостях. Но они были близки когда-то, ещё до того как война поглотила всё внимание их отцов. До того, как он исчез из её жизни, словно они никогда не дружили.

Сейчас ему уже шестнадцать и ей так хотелось, чтобы он снова обратил на неё внимание, как делал ещё несколько лет назад. Ведь она всё ещё любила его и возможно, когда они поженились он тоже снова будет к ней ласков и внимателен.

– Волнуешься? – Мать, такая прекрасная в своём воздушном платье цвета малинового джема, смотрела на неё с тёплой улыбкой на тонких, но очень выразительных губах. Её глаза походили на карамель с кофейными вкраплениями.

– Не совсем. Это же Лоу, он как был дурачком, так и останется им. Было бы сложнее, будь это Сириус. – При воспоминании о высоком и статном короле Мантолии, Манри залилась краской. Он был старше её на целых семь лет. Казалось, он совершенно несокрушим, но после того, как Манри увидела его плачущим над могилами родителей, ей так уже не казалось. Его мать убили в их собственном доме. От неё остались лишь ошметки плоти и платья из серого шёлка, покрытые таким количеством крови, что ни у кого не осталось сомнений, что прекрасной Катерины с ними больше нет.

Но, по поводу Лоуренса она лукавила. Когда отец предложил, да-да, не приказал, а предложил ей такую идею, как брак с аргоским принцем, она, еле скрывая бушующую в душе радость, конечно согласилась.

– Сириус был бы отличным мужем для тебя, но твой отец уже подписал соглашение, поэтому остаётся только надеяться, что у Лоуренса появилось больше извилин в черепной коробке. – Манри прыснула от смеха как раз в тот момент, когда чья-то рука коснулась её пухленькой руки.

– Рад видеть тебя в добром здравии и хорошем настроении. Я смотрю, ты совсем не изменилась, всё также пышешь... здоровьем, – Манри была так ошеломлена от увиденного, что случайно хрюкнула. Он стал таким высоким, что ей пришлось приподнять голову, чтобы

взглянуть ему в глаза. Лоуренс больше не был неуклюжим и хлюпеньким. Он окреп и держал себя очень грациозно. Его светлые, почти белые волосы вихрями разлетались на ветру, а глаза сливались с безмятежным небом. И всё было бы отлично, но тот холод, с которым он смотрел на неё был как ушат ледяной воды.

– Я тоже, очень рада видеть тебя. Надеюсь, тебе будет уютно у нас, – Манри старалась быть учливой и гостеприимной, чтобы растопить его холодный взгляд, но ей уже не нравилась эта идея.

– Вряд ли... хотя есть кое-что, что может скрасить моё нахождение здесь, – почти шёпотом произнёс Лоуренс.

Вот оно, сейчас он рассмеётся как раньше и скажет ей, что лишь она одна и будет ему отличной компанией все эти дни. Да, они несколько лет не общались, но раньше их невозможно было оторвать друг от друга, настолько они были близки.

– Что же? Ты только скажи и я позабочусь об этом, – затараторила Манриетта.

Лоуренс медленно наклонился к её уху, вдыхая аромат мандарина с её волос, отчего она почувствовала приятное волнение по всему телу, тихо сказал.

– Либо увидеть как ты валяешься среди свиней, либо компания вахильских шлюх. В них хотя бы жира поменьше, чем... в свиньях – Лоуренс так громко рассмеялся, видя как вся кровь мигом слетела с её лица, что в голове Манриетты зазвенело.

Мама не слышала его слов и мило улыбнулась ему, когда он как полагается галантно поцеловал ей руку, а следом и Манри, от чего её передёрнуло. Страх выбил из лёгких весь воздух, а ведь она никогда ничего не боялась. Но этот страх, такой тягучий и липкий проник в каждый сосуд её тела, смешался с кровью и застыл там навечно. Но она всё ещё верила в него, даже если вера эта была столь непрочной.

– До встречи, моя прекрасная невеста, – пропел Лоуренс, направляясь в сторону её дома.

Именно в этот момент Манриетта поняла, что её брак будет тернистым и болезненным. Но, к своему несчастью, она не перестала его любить. Ведь эта любовь крепла и росла в ней дольше, чем длились эти несколько минут унижения.

Глава 2

Этим же вечером

Ярко рыжие волосы разметались по подушке, словно неистовые змеи. В и так тесной комнате для слуг было ещё теснее от приглушенных стонов и непристойных звуков.

Она кусала и царапала его тело так по-хозяйски, будто уже владела им полностью, как когда-то, совершенно в ином мире.

Когда он убрал со лба свои мокрые от её любви волосы цвета слоновой кости, она любовалась тем, как же ярко переливались его голубые глаза в свете луны. Как же он был прекрасен.

– Я скучал по тебе, душа моя, – его сердце билось так быстро, будто пыталось сбежать из их тайного пристанища, а её тихо пело от воссоединения с ним.

– Я тоже, мой снежный лев, – она нежно гладила очертания его лица, ведь правда скучала, так сильно, что годами выла внутри себя каждую ночь.

Внезапные крики, заставили их опомниться. Её пальцы застыли над его губами, а после и вовсе исчезли в длинных рукавах из тонкого красного шёлка.

Они одевались в поспыхах, хоть и были готовы к тому, что последует дальше. Крики стали ещё громче. В коридорах послышались быстрые шаги.

– Ты готова? – Он ласково взял её за руку и поцеловал тыльную сторону ладони.

– Пора... – она освободила свою руку, поправила своё алое облачение и с поднятой головой вышла первой.

Глава 3

Манриетта

Шесть лет спустя

На фоне серебра и белила, в зал выплыло яркое, роскошное пламя. Золотые туфли мягко ступали по хрустальному полу, обдавая всех таким жаром, что все до одного притихли, лишь бы на секундочку послушать звон тонких каблучков.

Гости ожидали диковинку, подарок для будущего короля, но то, что они увидели, посеяло в их сердцах сомнение. Ярко красная вуаль, сшитая из тончайшего кружева, закрывала её с головы до ног. Лишь остановившись у подъёма к монаршему трону, эта таинственная пташка, с минуту насладившись своим триумфом, плавно подняла руки.

Все с замиранием сердца наблюдали, как тонкие пальцы расстегнули брошь на груди и вуаль, словно поток крови растеклась по белоснежному полу.

– Ваше Высочество... – глаза её покрытые золотой пылью, медленно открылись и взглянули на будущего супруга. Два янтаря, такие чистые и яркие, как и сама их хозяйка, служившие её украшением, заставили аргосского короля вскочить и подойти к ней.

– Как же вы прекрасны, дитя моё, – король, как и все, любовался ею. – Мы так долго ждали вас.

Красное кружевное платье, обрамлённое золотой вышивкой, открывало изящные плечи. Её ровную спинку, оголённую до поясницы, покрывала мелкие крупинки чистого золота. И конечно же волосы, служившие её гордостью. Крупные кровавые волны, усеянные мелкими гранатами, свисающими словно паучки на тончайших золотых нитях, пышным облаком окружали её голову.

– Для меня честь слышать такое от Вас, Ваше Величество! – Она кротко улыбнулась, изящно преклонив голову.

– Достоянная невеста, для моего шалопаю. Не был бы я женат, милая моя, я был бы без ума от такого дара, – Кристоф смотрел на Манриетту как хищник на свою добычу. Она могла бы поклясться, что услышала, как он с придыханием прошептал, что она копия своей матери, но, словно опомнившись, тряхнул головой и громко рассмеялся.

– Прошу прощения за моего сына, дорогая. Он совсем забыл о манерах. Лоуренс, почему ты ещё не прикрыл плечи своей невесте? Морозы у нас довольно лютые, мы ведь не хотим, чтобы принцесса заболела?

Лоуренс, недовольно хмурясь, медленно спустился к Манриетте и, сняв с себя белоснежные меха накинул их на тёплые плечи будущей супруги. Подняв на неё взгляд, он поразился тем, с каким восхищением и любовью эта девчонка, нет, уже молодая женщина смотрела на него. Её любовь будто копилась все эти годы в хрупком сердце, и вот-вот выльется на него самым сладким вином.

– Я безумно... безумно рада снова видеть Вас, – вымолвила она с придыханием. Манриетта медленно подняла руку к его щеке и бархатными пальцами провела по ней, – Вы совсем не изменились. Так же прекрасны.

Буквально на мгновение он забылся и приблизился ближе, замороженный теплотой её прикосновения, нежностью в её глазах и запахом неведомых ему фруктов. Сколько он себя помнил, ещё с детства она пахла мандаринами и жасмином. Лоуренсу хотелось обнять её, такую нежную и утончённую, прикоснуться губами к кончикам её бархатных пальцев. Томящая тишина обволокла его и она же насторожила. Он очнулся заметив, что все с неподдельным изумлением рассматривали принца, которому неведомы такие интимные повадки. Сердце Лоуренса замерло от страха. Что же он наделал?

– Не могу сказать того же. Прошу простить меня, – он резко оборвал её прикосновение и не взглянув даже на родителей вышел из тронного зала.

Глава 4

Манриетта

Дворец не был таким, каким описывала его матушка. Она рассказывала, что когда-то его холодные полы из белоснежного мрамора обжигали ей босые ноги, которыми она оббегала сказочные коридоры. Манриетта не видела в нём ничего сказочного, возможно лишь крупицу роскоши. Резные колонны держали тяжёлые белые потолки, украшенные различными созвездиями и снежными горами. Громоздкие шерстяные гобелены, расшитые серебром и ливреским золотом рассказывали многовековую историю Аргоса и Солама. И, если идти по замку в правильном направлении, можно было даже не посещать уроки по истории.

Дворец казался Манриетте пустым и одиноким, несмотря на воздушность огромных окон, открывающих вид на весь город и покрытые горстками сахарной пудры пышные леса. Множество белого цвета, а также немыслимые картины, которые поселились на каждой стене. Они были живыми, в прямом смысле слова. Магия поддерживала в них жизнь и порой можно было заметить, как милые овечки перебегают из одной картины в другую, а уставший за сотни лет их скитаний одинокий пастух гоняется за ними и кричит что-то бранное вслед. Магия... как жаль, что в мире осталось так мало волшебства.

Несмотря на всю суровость аргосского климата, что-то поддерживало тепло в замке. Поговаривали, Теон Аргоский, дед нынешнего короля Кристофа многое отдал за волшебную машину, которая меняет температуру в комнатах и тронном зале. Никто не знал что это за диво, но были и те, кто делился догадками.

В давние времена подобную работу выполняли потомки драконов. Они дарили людям огонь и свет, обогревали свои жилища и города. Но, их всех перебили ещё в первой великой войне более тысячи лет назад. Тогда же пал и Костис, настоящее пристанище драконов – ещё одно королевство, чьи руины до сих пор покоятся на границе Сатания и Аргоса.

Поговаривали, что драконы и фениксы произошли от Фай, богини света и огня, поэтому и их потомки обладали магией огня. Они умели производить огонь одним щелчком пальцев. Как раз одним из них был и основатель родины Манриетты. Но, к сожалению, нынешние жители Ливреса сохранили лишь способность переносить высокие температуры. Они мало, чем отличались от всех остальных народов.

Как же Манриетте хотелось, чтобы Ледовый дворец был хоть капельку похож на то место, где жила она. Солнечный замок с живыми источниками, комнатами без окон, чтобы палящее солнце и аромат спелых фруктов всегда могли долететь до королевских покоев на крыльях морского бриза.

Все вокруг бурно беседовали, особенно король, который не отходил от её матери, своей давней подруги. Танцы и громкая музыка, вино и аргосские нектары. Пир продлится до утра, а она уже изрядно подустала. Хотелось снять с себя всю одежду и развалиться на морском берегу. Но увы, его тут не было.

– Ваше Высочество, рад приветствовать Вас, – учтиво произнёс молодой человек, который определённо отличался от всех в зале. Он казался даже выше Лоуренса, но более крепкий и широкий в плечах. Возможно, это какой-то военачальник. Но, не это удивило её, а его волосы цвета жжёной карамели и светло зелёные глаза. Возможно, кто-то из его родителей был монтолийцем.

– Надеюсь, что так, – улыбка тронула её алые губы, а рука машинально поднялась.

– Меня зовут Антонио, я лучший друг его высочества Лоуренса и по совместительству его правая рука, – поклонившись, он осторожно прислонил её руку ко лбу в знак уважения и улыбнулся, искренне.

– Рада знакомству, надеюсь мы тоже подружимся. Я бы на самом деле не отказалась от друга... – еле уловимая грусть в её голосе не ускользнула от внимания нового знакомого, и он явно понял причину её печали.

– Он не всегда такой. Возможно ему просто нужно время. Всё таки вы давно не виделись, – от этих слов Манри стало как-то теплее, ведь этот совершенно незнакомый ей человек был к ней намного добрее, чем её будущий муж. Манриетта улыбнулась ему, хотя сама готова была разрыдаться посреди всех этих разряженных кукол.

– Нам обоим оно нужно, но мы будем стараться, – на какое-то время ей показалось, что Антонио растерялся, услышав её слова, что не могло не озадачить. – Вас что-то тревожит?

– Ах, нет. Просто я хотел бы чтобы первый день здесь не был для вас таким... удручающим. Я хотел бы видеть вашу улыбку чаще. Она Вам очень идёт, – мимолётная мысль промелькнула и засела у неё в голове.

– Вы можете.

– Что?

– Вы можете поднять мне настроение. Помогите мне сбежать.

– Меня казнят, да и Лоуренс не такой уж и ужасный. Я уверяю вас, он, конечно, ещё та заноза в заднице, но это же не значит, что из-за этого стоит сбежать, – она не была уверена, что именно рассмешило её больше, то, что Антонио подумал о том, что она решила сбежать насовсем или с каким отчаянием, словно мальчишка, он пытался её отвратить от этой задумки. Он был так растерян, что она машинально дотронулась до его руки, чтобы хоть немного его успокоить.

– Я не собираюсь сбежать со свадьбы, только сегодня ночью, утром я буду завтракать со всеми за одним столом и делать вид, что мне всё это не чуждо. Мне душно в этом месте, я не привыкла к такому... пиршеству. Дома, в Ливресе, я была сама по себе. Я завтракала в тавернах, помогала на фермах и засыпала в чарующих садах. Когда мой отец умер, я стала королевой и уже не могу себе этого позволить так как раньше, но всё так хочется почувствовать эту свободу перед тем, как выйду замуж и засяду с фрейлинами в чайной, – смотря в глаза цвета ортских вод, Манри впервые за несколько месяцев почувствовала себя собой. Она с лёгкой тоской говорила ему о своих тяжбах, будто у неё появился брат, которого у неё никогда не было, или же друг, которого она давно потеряла и снова обрела. И он сдался. Конечно же сдался.

Через полчаса Антонио вёл Манри по подземным коридорам к выходу в город. Они одолжили у слуг одежду и плащ. Как же было прекрасно чувствовать такую свободу впервые за последние несколько месяцев. Да, она не была свободна, долг перед народом и семьёй никогда не даст ей предать отца и его соглашение, но хотя бы на одну ночь, она будет просто собой.

– У Вас есть буквально несколько часов. Как только начнёт светать вы уже должны быть в своей постели. Марко, мой друг, будет поджидать вас у входа и проведёт Вас в ваши покои, а я буду отвлекать вашу матушку, чтобы она ни в коем случае не заметила вашего отсутствие.

– Благодарю Вас, Антонио. Вы даже не представляете, какое счастье я сейчас испытываю, – она улыбалась ему так искренне, совсем как ребёнок, что он не выдержав, нежно сжал её ладонь и улыбнулся.

– Я рад вам служить, Ваше Высочество.

Отпустив его руку, она сбежала в темноту, еле озарённую светом звёзд, совсем не ведая куда и зачем бежит.

Глава 5

Манриетта

Ночь, такая холодная и манящая казалась подарком после всех тех недель, что Манриетта провела в тусклой каюте корабля, когда направлялась в Аргос. Она вдыхала морозный воздух, наполняющий её лёгкие мелкими иголочками и ликовала. Наконец, она сможет побыть просто обычной девятнадцатилетней девчонкой. Пусть и несколько часов.

Луна как яркое зарево освещало путь. Было так тихо, что она слышала, как постукивают от холода зубы, ведь плащ не был обшит мехом, как у знати. У слуг не хватало денег на такую роскошь как тепло. Внезапно ей стало не по себе от такой тишины. Казалось, ночь, принявшая в свои объятия жителей Аргоса, упокоила их навсегда. Даже животные и птицы ушли на покой.

И лишь дойдя до середины пути, что-то поменялось. Сначала она услышала свист, а следом не поняла, как упала и ушибла и так измученный от долгого пути зад.

Открыв глаза, Манриетта заметила между ног кинжал с костяной ручкой. Он так переливался в лунном свете, что, если бы не надвигающаяся опасность, Манри залюбовалась бы его красотой. Она была готова поклясться что, перелив кинжала напомнил ей оттенки самой прекрасной зари.

– Кто здесь? – Вскрикнула Манриетта.

Едва уловимое прикосновение к волосам заставило её подскочить на ноги и вытянуть из косы замаскированный под шпильку маленький нож.

Лёгкое хихиканье начинало действовать ей на нервы. Оно колокольным звоном раздалось в её голове.

– Какая яркая пташка. Что ж ты потеряла в этих одиноких краях? – Смех пронёсся по всей улице, отскакивая от разрисованных окон.

– Принцесса напугана. Где же ваши манеры? Мы же не хотим, чтобы Её Величество обмочилась, – голоса...они не звучали враждебно, но всё же было в них что-то такое, что пробрало до костей.

Снова свист, но в этот раз она была готова. Отбив ещё один кинжал, Манриетта резко развернулась и ударила кого-то по ноге. Если бы не выучка Торса, она бы давно отправилась встречать звёзды, как говорил ей наставник. Послышалось лёгкое кряхтение. Ещё одно ловкое движение, и она уже держала в захвате тайного врага. Но... это было не то, чего она ожидала.

– Ещё раз сделаешь мне подножку или влепишь мне по заднице, я вырежу тебе глаза, мелкая поганка, – присмотревшись она уже поняла, что её смушало.

Этот тайный враг оказался простой девчонкой ниже её на полголовы. Манри оттолкнула её и присмотрелась повнимательнее. Возможно ей было лет пятнадцать, волосы чёрные как вороново крыло переливались в свете луны, оттеняя бледную кожу. А зелёные глаза так и пылали ехидством и лёгкой издёвкой. Девушка скрестила руки на груди и лениво улыбнулась.

– Что ж, неплохо для дворцовой мышки, – она театрально поклонилась Манриетте и звонко рассмеялась. В её больших глазах так и пылала жажда приключений, но было ещё что...

– Алисана, хватит мучать нашу гостью. От тебя и так много неприятностей, – голос, которого Манри ещё не слышала, прозвучал у неё прямо за спиной отчего Манри передёрнуло. Повернувшись, она встретилась с глазами цвета шоколада с медовыми переливами. Девушка, казалась спокойной, но несмотря на отчитывание подруги, всё же улыбалась ей, отчего в уголках её добрых глаз сгустились мелкие морщинки.

– Ой, Нанни, может хватит уже строить из себя сестру милосердия. Она забрела на нашу территорию, вдруг эта миледи донесёт ублюдскому королю о нас, – слышалось вдалеке.

Закатив глаза, Нанни шутливо надула свои пухлые губы и перекинула косу за спину, оголяя незнакомую Манри отметку на левой ключице в виде крыльев и рифлёных ушек.

– Рада, что ты вспомнила о доме, Лина, но мне кажется наша гостья не похожа на шпиона, – пропела Нанни.

Девушка по имени Лина вышла из тени деревьев перекидывая знакомый уже кинжал из одной руки в другую. Она была выше своих подруг. Её голубые глаза блестели, как и кинжалы в свете звёзд, а волосы цвета Ливреских берегов переливались всевозможными оттенками золота. Несмотря на такую явную красоту, смотрелась она враждебно и холодно в отличие от своих подруг.

– Ах ты ж... – Манри чуть не кинулась на неё, так зла она была на эту статую превосходства. – Это ты меня чуть не заколола.

– Ой нет, – наконец губы Лины растянулись в хитрой улыбке, – если бы это была я, тебя бы уже не было в живых. Она намного милосерднее меня, ну или не такая меткая.

Взгляд Лины переместился на что-то за спиной Манриетты и неприятный холодок прошёл по всему её позвоночнику. Резко развернувшись, Манри встретила нос к носу со светловолосой девой. Её глаза были так невинны, что на секунду Манриетта немного успокоилась, но после этого девушка оскалилась, и видят боги, Манриетта реально чуть не обмочилась.

– Бу... – зубы светловолосого ангела были так заточены, что могли бы раскромсать ей горло за считанные секунды. Она не была человеком, так как глаза цвета лазурных вод стали темнеть, погружая Манриетту в пучину безумия. Ещё немного и её бы затянуло до конца.

– Фиса! А ну перестань! – Нанни хлестнула косой подругу по заднице, и та недовольно фыркнув отпрянула.

– Не может быть... – Манриетту будто ударили под дых.

Фиса была зачарователем, таких почти не осталось в мире. Когда-то они жили в глубинах Орты, но были так опасны, что почти всех поубивали. Нанни же, судя по всему была фурией, таких тоже боялись, так как за прекрасной мордашкой таилось опасное существо. Они могли летать и впиваться длинными когтями в тело человека, наполняя его ядом. Фурий осталось совсем мало, но их ещё можно было найти.

Чаще всего их нанимали для расправ над врагами, когда хотели, чтобы человека убрали без лишних подозрений.

Манриетта очнулась от мыслей, лишь услышав звонкий смех Алисаны. Она так громко хохотала, что даже хмурная Лина немного расслабила плечи и слегка улыбнулась.

– А ты умна, девчонка, – Алисана подала Манри руку и крепко её пожала, – будем знакомы, мы представительницы Бастинского клуба. Ну, или как говорят в народе, Отверженные наёмницы.

Алисана снова поклонилась и теперь Манри поняла, что же ей вначале показалось таким странным. Несмотря на её звенящую энергию и театральность, она была очень умна и движения её явно не соответствовали обычным наёмникам.

– Что вам от меня нужно? – Едва слышно спросила Манриетта.

Эта неловкая ситуация уже давила ей на виски. Манри не могла себе признаться в том, что бояться их. Несмотря на определённую любезность с их стороны, она знала, что просто так её в покое не оставят.

– Твоё согласие, – пропела Алисана.

Сначала Манри подумала, что она над ней издеваются, но заметив слегка недовольное лицо Лины, Манри заподозрила, что всё намного сложнее.

– Согласие? На что? – Манриетта напряглась, когда Алисана, скучающе взмахнув рукой, подошла к ней вплотную.

– Видишь ли, тот на кого мы работаем, точнее с кем мы работаем... короче, он взял с нас слово, что мы проведём тебя в таверну только по твоему согласию. А так как мы тут уже

довольно долго сидим, так долго, что Фиса уже успела отморозить свою филейную часть, мы были бы тебе премного благодарны, если бы ты пошла с нами добровольно. Не хочется потом получать люлей от Дария.

– Послушай сюда, мелкая засранка, я может кажусь тебе глупой дурочкой, но что я хорошо усвоила, так это то, что с незнакомцами не стоит иметь дел, особенно с такими как ты, – Манри чувствовала, что не стоит сейчас выпячивать гордость, но к сожалению, остановиться уже не могла.

– И кто же я по твоему? – Алисана, словно озадаченный ребёнок, приподняла изящную бровь.

– Шило в жопе! – Не успела она опомниться, как было уже поздно. Лицо Алисаны приняло уже совсем иное выражение, близкое к еле сдерживаемой ярости. Судя по всему, ей это не первый раз говорили.

– Никто... слышишь? Никто не смеет так меня называть, кроме моего брата! – Защищала Алисана. Манри почувствовала лёгкий укол на затылке, а следом и густой туман накрыл тонкой вуалью её глаза. Ноги её подкосились и уже через секунду, она начала падать. Голова потяжелела, а веки как по заказу медленно закрылись.

– Ну, а что? Мы бы так долго её уговаривали. Я уже сикать хочу...

Проснулась она от того, что ей было нечем дышать. Не от яда или ещё чего-то подобного, нет... В комнате было так жарко, что Манриетте в прямом смысле нечем было дышать. Открыв глаза она аж подпрыгнула от изумления. Напротив неё, в большом кресле, ядовито жёлтого цвета сидел такой же большой мужчина. На вид ему было не больше двадцати семи. Пряди тёмных, почти угольных волос были аккуратно уложены. Широкая рубашка расстёгнута, оголяя покрытую редкими тёмными волосками гору мышц. И всё бы ничего, если бы не его насто-роженный взгляд, розовый фартук с кроликами, повязанный на бёдрах, и огромная кружка в руках с чем-то дымящимся.

– О! Нанни, она проснулась. Передай Лине, что они могут не ставить деньги на её смерть! – Крикнул кому-то мужчина. От последних слов Манриетта опешила, выпучив на него глаза. – Бедненькая, ты наверное пить хочешь, глотни идра, хорошо приводит в чувства.

Манриетта не собиралась ничего от него принимать, но его щенячий взгляд и уже протянутая кружка не оставили ей выхода. И, если признаться, у неё в горле будто ежи свили гнездо. Ей пришлось это отпить, от чего по телу будто табун лошадей прошёлся, норовя вытеснить её ужин.

– Что это за гадость? – Манриетту чуть не стошнило на его милый фартушек с рюшами.

– Отвар из куриных лап, чеснока и яиц дриколы, – и тут случилось то, что она ещё надолго запомнит. Манри вывернуло на мужчину всем, что она успела съесть на пиру.

– О! Я смотрю вы уже успели мило побеседовать. Честно признаюсь, меня тоже иногда из-за него тошнит. Диро ещё тот неприятный фрукт, – услышав знакомое хихиканье, Манри чуть не заехала в Алисану кружкой.

– Алисана, имей совесть. Он же твой двоюродный брат! – послышался позади девчонки совсем незнакомый голос.

Молодая женщина вошедшая в комнату была невысокой и полноватой. Её каштановые волосы волнами ниспадали до самой поясницы. Она была ненамного старше Манриетты, может лет на десять, но казалась мудрой и по-матерински ласковой. Она уже несла Манриетте стакан воды, по крайней мере, она надеялась, что это просто вода.

– Хорошо мамочка, – Манриетта устремила на Алисану удивлённый взгляд, от чего та лишь приподняла брови.

– Она твоя мать?! Во сколько же она тебя родила?

– В двенадцать. Оттуда, откуда мы родом, женщины рано рожают. У меня вот уже двое, – Алисана так спокойно говорила, ни капли издёвки и подтрунивания, что Манриетта действительно ей поверила, пока вошедшая Нанни не двинула Алисане затрещину.

– Не слушай её, она на девяносто процентов состоит из обмана. Как ты себя чувствуешь? – Это был настоящий конфуз. Манриетта даже не могла ответить на вопрос, настолько всё казалось нереальным.

– Прости за выходку Алисаны, она крайне нетерпелива. Это Диана, кузина Алисаны и Диро, также она наш лекарь, повар, домоправительница и просто замечательный друг.

Нанни указала на женщину с пышными формами и улыбнулась. Говоря о Диро, Нанни немного покраснела и отвела от него взгляд. Пока она объясняла Манриетте то, чего она просто не могла ещё понять, та разглядывала комнату.

Огромный камин был сердцем небольшого пространства. Он так сильно горел, что в комнате казалось выжгло весь кислород. Диана заметила то, что Манри сложно дышать и поспешила открыть огромное окно, впуская в комнату морозный воздух. Вместе с ним пришла и способность мыслить.

– Поэтому мы тебя сюда и привели. Дарий, хотел, чтобы сначала ты увидела это место, а потом и весь город, – Нанни не находила себе места, видно было, что она не знает как ещё объяснить весь этот абсурд. Возможно Манри выслушала бы её ещё раз, но заметила, что рассвет был не за горами и ужас от осознания того, что мать не застанет её в постели, пронзил тело Манриетты мириадами мелких иголок.

– Который час? – Слова вылетели так быстро и громко, что бедный и так расстроенный из-за испорченного фартука Диро, подскочил на кресле.

– Четыре часа утра, – услышав это, Манри вскочила как ужаленная.

– Мне срочно нужно быть во дворце, иначе меня просто убьют.

– Закидают булками на завтрак? – По-кошачьи потянувшись в кресле, Алисана ухмыльнулась. Видимо действительно представила эту картину. Манриетта была так зла, что подошла к ней и дёрнула её за косу.

– Ты даже не представляешь, что со мной сделают, если я не приду на этот завтрак, мелкая поганка, – Манри заметила лёгкую тень понимания в глазах Алисаны, но как быстро она появилась, также быстро и исчезла.

Голос Нанни вытеснил всё негодование из комнаты.

– Мы проведём тебя туда за пятнадцать минут.

Спустя пять минут, они всей, крайне нелепой компанией: пышная дама с факелом, убийственные существа, хмурый метатель кинжалов, надоедливый подросток и здоровенный мужик в рубашке канареечного оттенка, провожали её по подземному туннелю во дворец. Манриетта была уверена на тысячу процентов, что сейчас кто-то из них повернётся и вонзит ей в сердце острый нож. Но, этого так и не случилось. Ровно через пятнадцать минут они вышли в коридор подземного этажа дворца. Их встретил миловидный мальчишка лет шестнадцати. Он поклонился Манриетте как подобало его положению и наконец у неё на сердце отлегло. Она в безопасности.

– Ваше Высочество, через два часа будет подъём. Вам пора в покои, – и Манри уже поспешила в сторону покоев, когда услышала звонкий голосок.

– Ой, да не благодари! Если что, ты мне тоже очень нравишься, – повернувшись, Манриетта встретила весёлый взгляд Алисаны, которая так рьяно махала ей рукой, что у королевы возникло опасение, что она сейчас оторвётся и покатится к её ногам. Мерзость. Нанни ласково улыбнулась, и все они пошли обратно, оставив Манриетту в полном недоумении. Вот тебе и свободное плавание.

Глава 6

Амалия

В сгущающейся тишине своих временных покоев, Амалия маялась от тревоги. Сжимая кулаки до боли, она кусала губы, лишь бы не заплакать.

Он обещал ей, что Амалия станет его женой. Что эта ливреская шлюха не встанет между ними. Она доверилась ему полностью и безоговорочно.

Амалия уже примеряла свадебный наряд, будучи уверенной, что брак с Лоуренсом уже решённый вопрос. И что? Несмотря на поддержку его матери, на обещания Лоуренса, даже не беря во внимание его холодность к Манриетте, Амалия уже слышала шаги приближающегося провала. Мать убьёт её, да и сама она не простит себе такого позора. Теперь она точно никому не будет нужна, после всего что было.

Нет! Лоуренс точно с ней так не поступит, ведь он обещал, он точно обещал ей будущее, их совместное будущее. Шаги всё громче отдавались в её голове и на долю секунды, Амалия понадеялась, что вот сейчас к ней прибежит её любимый, обхватит её лицо широкими ладонями и смотря ей в глаза, скажет: “Я всё решил, милая моя. Её больше не будет в нашей жизни. Я обещаю...и я обещаю...”

– Прости меня, я так тебя подвёл, – услышав это, она перестала сжимать до боли ладони и мучать свои нежные губы.

Амалия медленно повернулась на его голос. Она видела как ему было больно, но всё же ей было больнее, ведь он не терял ничего, а она потеряла всё. В Орте принцесс, потерявших честь до брака топили в Озере Печали. Последней была родная сестра её прабабки, которой вздумалось бежать с каким-то стражником. Парнишку убили на границе с Монтолией, Нинэль же пытались выдать замуж, но она отказалась и добровольно пошла на смерть, как полагалось обычаям.

– Ты ведь обещал. Ты дал мне слово, Лоуренс... – её слова безжизненно падали вместе со слезами на мягкий, белоснежный ковёр. Она знала, что никто ей больше не поможет.

Лоуренс так осторожно подошёл к ней, что Амалия даже не заметила, как он обрамил её хрупкое личико в свои широкие ладони. Посмотрев в её глаза, цвета аквамарина, он уверенно сказал.

– Я сделаю всё, что от меня зависит, чтобы она сама отказалась, Амалия. Больше я ничего не могу поделать, это оказалось не в моей власти, – измученно произнёс любовник.

Её мир рухнул. Никаких больше обещаний, лишь надежда. Амалия знала, что теперь она сама по себе. Она поняла, что если эта рыжеволосая ведьма не сбежит, Амалию посадят в карету и через пару дней её мягкое, безжизненное тело опустится на дно озера. Мать пойдёт на это, ей нечего терять, ведь сестра уже признана наследницей престола и в течение года, если выйдет замуж, станет править.

Мягкие ладони оторвали руки Лоуренса от своего заплаканного лица. Гордо подняв взгляд на своего возлюбленного, Амалия заговорила чётко и твёрдо.

– Ты обещал мне, и я поверила. Мне не в чем тебя обвинять. Но, если моё тело опустят в холодные воды Озера Печали, я потяну на дно и твою душу. И она никогда не найдёт покой в этом мире и ином тоже.

Амалия видела, как глубоко она его задела, ведь Лоуренс правда её любил. Она знала, как он старался отречься от своего долга. Но, как оказалось, делал он недостаточно. Либо, его любовь не была такой всепоглощающей, как он ей твердил все эти годы, либо изначально они ошиблись.

Любовь! Знала бы Амалия, что действительно означает эта любовь. Когда-то она посмела полюбить, но это оказалось так же лживо, как и нынешнее чувство.

Сжав складки непривычно тяжёлого серебристого платья, она твёрдо прошагала мимо Лоуренса, оставляя его наедине с охватившим его ужасом.

Она шла так быстро, что быстрее был лишь хаос в её голове. Нужно что-то придумать, иначе всё рухнет. Воздух... Ей был необходим этот обжигающе холодный воздух.

Перейдя на бег, Амалия блуждала сквозь тишину и темноту лестничных пролётов.

“Ты позор нашей семьи.”

“Глупышка Амс, ты думала, что он женится на тебе. Тебе никогда не стать королевой. Смирись.”

“Я ничего не смог поделать...”

Голоса съедали всю её жизнь. А теперь и его голос, словно пчела присоединилась к общему рою, жалит её сердце и разум.

Амалии нужна была помощь... Плотный корсет сжимал её тело, и последние глотки воздуха покидали его со свистом. Вдох... выдох. Пальцы машинально начали царапать жемчужную отделку на груди, пытаясь вызволить лёгкие.

“Я так люблю тебя... ничто так не радует меня как твоё прекрасное тело.”

Любовь... была ли она?

Дверь со стуком отворилась, и Амалия, словно выброшенная на берег рыба, упала на каменную площадку, яростно вдыхая колючий морозный воздух.

– Вы в порядке? – Незнакомый голос якорем вытянул её из паники, охватившей весь разум. Открыв глаза, Амалия встретила с зелёными как летняя листва глазами. Взгляд незнакомца не был страшен или тревожен. В них текло молочной струйкой тепло и покой.

– Кто... кто Вы? – Прохрипела Амалия.

Амалия не могла сфокусироваться на лице незнакомца, только на взгляде, который подарил ей тепло. Прикосновение его пальцев к её спине заставляло Амалию не погрузиться в вязкое забытьё.

Сначала, она подумала, что незнакомец пытался её облапать, но через минуту, Амалия поняла, что он делал. Шнуровка на спине ослабла, и сладкие глотки воздуха сильнее обожгли её гортань.

– Ваш друг, моя королева.

– Но, я... – Амалия не успела договорить, как глаза её закрылись от недостатка кислорода, и она, как мешок картошки, навалилась на незнакомца, уходя в чарующую темноту.

“Моя королева...”

Глава 7

Манриетта

Тени так плотно обволокли её тело, что Манриетта даже не могла увидеть собственных рук. Пронзительный холод, звон мечей, свист пролетающих стрел и крики сбивали с толку, зарождая в глубине души леденящий ужас.

Где-то неподалёку кричала женщина на незнакомом Манри языке. Она так громко рыдала, словно хоронила кого-то близкого, а вместе с ним и саму себя. Манриетта никогда не слышала такого жуткого воя. Мышцы сводило от страха, ноги не шевелились. Да и куда ей идти? Она ничего не видела, даже землю под собственными ногами. Запах гари и крови смешивались в тошнотворный коктейль.

Звук, такой невесомый на фоне завываний и стенаний, пронёсся так близко к её уху, что лёгкий укол боли оказался единственным доказательством его присутствия. Стрела... Паника уступила место инстинкту, выработанному годами тренировок, поэтому следующую стрелу Манриетта поймала уже в миллиметре от своего плеча. Что-то было странным в технике лучника. Манри ясно понимала, что он не промахнулся ни в первый, ни во второй раз. Когда шум резко утих, она поняла, по глухому звуку и неприятно теплым каплям на затылке, что стрелы предназначались не ей.

– Я сплю... я просто сплю, и мне срочно нужно проснуться, – собственный голос казался Манриетте чужим, более взрослым и в то же время уязвимее чем обычно.

Она видела смерть, и не одну, когда мать отправляла её на обучение в Мехасу, крошечный городок на юге Ливреса. Там тренировали лучших воинов во всём королевстве, а его правительница должна быть сильной и проворной. Страх противоречил всему, что принадлежало её семье. Но, это место доводило её до паники, как же хотелось вдохнуть, но воздух всё не шёл и Манри начала задыхаться.

– Манри? – Сильные, немного шершавые ладони схватили её за руку и развернули совершенно в другую сторону. А после и вовсе обхватили её горячие щёки. Манриетта испугалась бы ещё сильнее, если бы не этот мягкий и успокаивающий тон.

– Манриетта! Солнце моё, что ты здесь делаешь?! – Голос был мужским, молодым и таким знакомым. Когда-то голос отца был таким же, пока война и болезнь не сломали, а потом и вовсе не забрали отца у дочери.

– Папа?! Папочка, это ты? – Манриетта хотела бы, чтобы это был он. Увидеть его, почувствовать тепло его рук. Пусть это будет в пропитавшейся кровью колыбели смерти, но она же его дочь, она не будет бояться.

– Нет, моя атель. Я не твой отец, но я также как и он оберегаю тебя, – тепло от его рук разнеслось вниз по шеи Манри, разжигая крохотный огонёк внутри её груди. Она ещё ни разу такого не чувствовала. Огонёк был живым и бился от каждого поглаживания грубых пальцев по её мягким щекам.

– Кто Вы? – Манриетта не могла понять, почему её мысли начали путаться. Она хотела бы сбежать от незнакомца, но ноги её не слушались. Даже руки висели безвольными мертвецами. Внезапно, вдалеке завывли, но уже не люди, и она инстинктивно прижалась к нему, вцепившись руками в крепкие предплечья.

– Мы ещё не знакомы так как следовало бы, но знай, когда придёт время, я встану перед тобой на колени и буду служить одной тебе.

– Но... я не понимаю, – тревожные нотки в голосе незнакомца, его дрогнувшие пальцы немного отрезвляли. Но его слова – совершенная бессмыслица. Он говорил с ней так... интимно, даже Лоуренсу не полагалось говорить ей такие вещи. А они были помолвлены.

– Ты поймёшь, но не сейчас. Я обещаю, скоро ты узнаешь меня. А теперь проснись, закрой дверь в этот мир и вернись в свой, моя пташка. Лети обратно в свою безмятежную реальность.

– Я... я не знаю как, – крики стали ещё громче. Топот тысячи пар ног, нет... больше, их было намного больше. Всё это давило на неё, возрождало ярость и дикую жажду убивать. Откуда это в ней? Да, она видела, как убивают других, но самой убивать ей никогда не хотелось.

– Главное не бойся... доверься мне, – незнакомец прижал Манриетту так крепко, что каждый сантиметр его крепкого тела оставил на её коже свой след. Запах, он пах кровью и чем-то ещё. Чем-то таким отрезвляющим и родным... Пепел, он пах пеплом, но не тем, что падает из сигар, а таким, который остаётся в очаге поутру, заполняя комнату теплом и запахом нового дня. Но что, самое странное. К нему примешивался аромат жасмина. Запах дома.

Сильный толчок разбудил её от нахлынувшего дурмана. Глаза непроизвольно открылись, но она была всё там же, в объятиях незнакомца, которого не могла даже рассмотреть в этой непроглядной тьме. Сначала Манриетта подумала, что она просто не заметила, как расплакалась и намочила его грудь, но нет. Глаза её были сухи, даже чрезмерно от резкого, удушающего жара. Но всё же под щекой она отчётливо чувствовала влагу. И запах. Запах крови....

– Тебя ранили! – Она не понимала, почему её охватил такой дикий страх. Манри не знала этого мужчину, но почувствовала, если он умрёт, она потеряет часть себя.

– Я не умру... немного поцарапали. Ты ещё меня не знаешь, а уже переживаешь, душа моя? – Игривым тоном, промурлыкал незнакомец.

Манри чувствовала его улыбку у своего виска. Как он может шутить в таком хаосе? Топот стал ещё громче, казалось люди пробегали мимо них, но Манриетта не чувствовала их. Новый шквал криков и стонов царапал нервы, подводя новый поток паники к горлу. Ещё немного и она сама начнёт кричать от этого кошмара, царящего вокруг неё.

– Дарий, может перестанешь милиться со своей дамочкой и поможешь нам? Мой зад уже прилично так в мыле, а ей следовало бы вернуться обратно в постель! – Голос был очень знакомым, Манриетта уже слышала этот шутивно-издевательский тон, но не могла вспомнить чей он.

– Я не знаю как мне вернуться! – Он снова обнял ладонями её лицо, делясь остатками покоя и о чудо, Манри действительно стало немного легче. Через пару секунд, незнакомец коснулся мокрым и горячим лбом её лба, а губы Манриетты начали пылать от его жаркого дыхания. Буквально на пару секунд, она увидела его глаза, причём очень ясно, они блестели чёрными угольями, обрамлёнными длинными и густыми ресницами.

– Запомни Манриетта, ты делаешь всё правильно. Я безумно горжусь тобой, любовь моя. Эти звери будут рвать тебя, мешать твоим планам, но ты справишься. Даже если будет мучительно больно и стыдно, не сдавайся. А я буду постоянно рядом с тобой, даже тогда, когда не хочу быть рядом и видеть то, на что твоё сердце тебя подталкивает. Я буду твоей тенью, твоим неммым спутником. И ещё. Когда придёт время, все ответы ты найдёшь в библиотеке под золотым солнцем. Ты поймёшь, дорогая. А теперь, мы должны вернуть тебя домой. – Он ласково погладил пальцем её щеку и она чуть не заплакала, не понимая даже от чего.

– Дарий, мать твою, ты что издеваешься?! – Голос юной девы разрывался до хрипоты. Он насквозь пропитался усталостью и тревогой.

– Ладно, надеюсь я не получу по своей прекрасной физиономии за это, когда мы снова встретимся.

– За ч...? – Она не успела договорить, когда почувствовала его тёплые губы на своих.

Этот совершенно незнакомый наглец её целовал. Манриетта даже не могла оттолкнуть его, так как что-то намертво их притянуло и не отпускало. Когда его губы освободили её, она невольно потянулась к нему, получив в ответ тихий, хриловатый смешок.

Что же происходит? Манриетта искренне любила своего жениха и всё, что происходило сейчас разрывало её сердце на части, и, несмотря на то, что это было неправильно, что-то внутри подсказывало, что она на верном пути.

– Ммм, даже слаще, чем я думал, – не успела Манри возразить, как он взмахнул чем-то холодным у неё за спиной и толкнул её. Не успев опомниться, она упала, но не на землю как ожидалось, а куда-то очень глубоко. Она падала и падала, втягивая глотки воздуха, ставшего неожиданно морозным.

– Миледи! – Что это за звук? Что-то знакомое.

– Ваше Величество! – Мисси? Что она тут делает? Манриетта потянулась к возникшему из ниоткуда свету и моментально открыла глаза, встретившись с давно уже знакомыми карими глазами её служанки.

– О Боги! Вы меня так напугали! – Мисси так резко спрыгнула с кровати и начала благодарить богов, что у Манриетты помутнело на секунду в глазах. Вероятнее всего она даже никуда не уходила, ведь перед глазами были всё те же холодные стены её новых покоев, украшенные белоснежными гобеленами и серебряными рамами картин.

– Мисси... – служанка всё продолжала молится, сложив полные руки на груди, – Мисси!

– Ах да, простите, госпожа, но вы так меня напугали, – Миссида побежала закрывать на распашку открытое окно. Странно, но Манри не помнила, что оставила его открытым.

– Мисси, ты открывала окно, пока я спала? – Служанка, поправив плотные шторы, озадаченно посмотрела на Манриетту.

– Нет, миледи, я думала это вы открыли, поэтому и испугалась. Подумала, вы поэтому такая бледная, может окоченели от холодрыги этой. Вы словно покойница лежали, никак не могла разбудить вас. Уж хотела маменьку вашу звать, – Мисси, подхватив свои тяжёлые юбки, подбежала к ничего не понимающей Манриетте и помогла ей встать. По обычаю, обхватив копну кровавых локонов, служанка обвязала их тугой лентой в пучок, чтобы не мешались во время купания.

– Ох... Ваше Высочество, где ж вас так угораздило? – Только сейчас Манри почувствовала, как пухлые пальчики Мисси прикоснулись к её уху, от чего лёгкая волна боли прошлась по всему уху.

– О чём ты?

– Ушко Вы поранили, видать сильно приложились. Где ж Вы так? Вчера этого не было, – озадаченный тон служанки заставил Манриетту вспомнить эпизод из сна, когда стрела пролетела мимо, задев её ухо именно в этом месте. Но, этого не могло быть, сны не оставляют отметин... Если только...

– Мисси, промой рану и на завтраке её не должно быть видно. Маме даже не смей говорить об этом. Поняла? – То ли странный приказ, то ли тон совершенно несвойственный юной госпоже, заставили Мисси молча кивнуть. Она проворно сняла промокшую ночную сорочку, вымыла Манри в горячем источнике, который располагался лишь в личных покоях правителей Ливреса. Небольшой, но довольно вместительный водоём, окружённый зеленью и рубинами на золотых цепях. Тот, кто создавал это чудо, был мастером своего дела. Вода источника никогда не охлаждалась, отчего пар заполнял всю купальню как дымовая завеса.

К сожалению, Манриетте пришлось пройти к источнику несколько метров, так как он располагался в покоях, которые ещё не успели подготовить к её приезду.

Позже Мисси проворными движениями вплела серебряные цепочки, на которые были нанизаны бриллианты и крупные жемчужины, в уложенные локоны Манриетты, придавая им подобие порядка. Миссида нанесла ей полный макияж, а припухшее, но уже отреставрированное ушко прикрыла закрытым кафом. Серебро тяжёлого платья удушливо стягивало довольно объёмную грудь. Корсеты, меха, которые не носили в Ливресе были своего рода наказанием для свободолюбивой королевы. А тяжёлые жемчужные браслеты и кольцо – кандалами. Манри

любила Лоуренса всей душой, но до сих пор не могла принять тот факт, что всю оставшуюся жизнь, будет мучиться этими оковами. Но, как говорила матушка, за всё в этой жизни нужно платить, даже за любовь, поэтому Манриетта терпела.

– Миледи, Королева Мать ждёт вас в обеденном зале вместе с гостями и вашей матушкой, – Манри подняла глаза на рыжеволосую Мисси, та явно была довольна своим творением, и медленно подошла к встроенному в стену зеркалу. Она себя не узнала. От привычных красок своей породы, она отметила лишь копну волос цвета спелого граната, алые губы и янтарные глаза. Даже кожа, обычно слегка золотистого оттенка на фоне серебра стала непривычно бледной.

– Дай мне пару минут, Мисси. Подожди меня за дверью, мне нужно побыть одной, – Манри была благодарна Мисси, своей постоянной спутнице за её чуткость и нежелание нажить себе проблем. Та молча поклонилась своей госпоже и тихо вышла из комнаты, оставив Манри возможность, хоть и самую маленькую, побыть в одиночестве.

– Кто же ты такой? – Прошептала Манриетта. Она заворожённо смотрела на свои губы, которые, она готова поклясться припухли за ночь. В голове гудело, но очнувшись, Манриетта приложила ладонь к крохотному огоньку в груди и приподняв увесистые полы платья уверенно прошагала на встречу своей судьбе.

Глава 8

Лоуренс

Каждый взмах меча отсекал напряжение в теле и рассеивал хаос в голове. Как же он сейчас ненавидел их всех, отца за то, что он не принимал в расчёт мнение Лоуренса; безвольную мать, которой не хватало духа защитить своего единственного сына; Манриетту, за то, что как бы он ни старался причинить ей боль, она всё равно шла к нему на встречу, за её слова и взгляд полный обожания в тот день. Зачем она приехала? Почему не повелась на его грубость и мерзкие замечания? Даже самому Лоуренсу становилось тошно от тех слов, которыми он поливал её в их последнюю встречу.

Он ненавидел даже Амалию. Почему она не попыталась его понять? На его плечах тяжким грузом лежала ответственность за будущее Аргоса и шаткого мира между всеми королевствами. Амалия хотела стать королевой, он обещал ей это много лет назад, когда впервые позволил себе вольности в её сторону. Он не был готов править тогда, не был и сейчас. Но, он хотел тепла, хотел просто почувствовать что, у него есть кто-то, кто принадлежит ему, кто любит только его.

Капли холодного пота бисером рассыпались по спине, шее и лбу. Лоуренсу было так жарко, словно он не тренировался на заснеженной площадке, а бултыхался в чане с кипящим маслом. Несмотря на высокий рост и широкие плечи, ему явно было ещё куда расти. Бой давался ему с натягом. Лоуренс не мог понять то ли это из-за нехватки сил и ловкости, то ли из-за страха убить кого-то.

Когда Кристоф, отец Лоуренса, рубил на куски врагов во время военных сражений, Лоуренса заставляли наблюдать. Мальчик, которому дали в руки меч и заставили убить первого пленного, до сих пор сидел глубоко внутри его памяти. Он всё ещё помнил, как тяжело входило лезвие в грудь запуганного солдата. Он захлёбывался слезами и нахлынувшим потоком крови. Лоуренс плакал вместе с ним, за что потом был жестоко наказан и следы после этого урока до сих пор покрывали его лопатки.

Отец порол его железным кнутом часами. А после посыпал пеплом от сожжённых останков врагов глубокие раны сына, чтобы он надолго запомнил урок: “Убивать нужно быстро и хладнокровно – трусость может стоить тебе жизни.”

С того дня Лоуренс перебрался в собственные покои. Мать больше не утешала его, поглаживая по головке. Её мягкость и доброта стала ему омерзительна, ведь теперь он понял, почему она так часто болела, особенно когда, набравшись храбрости, заступалась за сына перед мужем.

Несмотря на мерзкое поведение отца, Лоуренс научился его уважать, закрывать глаза на его жестокость, а также холодно относиться к его вечным пассиям. Возможно, если бы в Аргосе права на престол могли бы наследовать бастарды, как это делалось в Ливресе, Лоуренсу было бы легче отказаться и сбежать с матерью и младшей сестрой, ведь бастардов у отца было как минимум несколько десятков.

Но таких правил в его владениях не было, а он остался один. Мать больше не могла иметь детей и слава богам за этот дар, ведь отец перестал посещать её покои, удовлетворяя свои прихоти в “покоях радости” своего огромного дворца. А любить женщин Кристоф умел. Он и этому старался учить сына.

Первую женщину отец привёл Лоуренсу ещё в одиннадцать лет. Он так перепугался, что чуть не заплакал, когда наложница отца, скинув отороченный мехом халат из красного бархата, осталась совершенно голой.

Её полные груди мерно колыхались, когда она медленно, словно змея плыла к кровати, на которой Лоуренс едва дыша от страха и молил о пощаде. Возможно, она думала, что он просто поражён её красотой, раз едва сдерживал воздух в своей крохотной груди. Что ж, красива она

действительно была, широкие бёдра, мягкая кожа и огненно рыжие волосы, которые водопадом рассыпались по груди и спине, когда она уверенно встала перед ним на колени. Лоуренс знал, что будет, если он встанет и убежит. Попытка уже была, а спина ещё долго будет помнить эти минуты храбрости. Поэтому он молча зажмурился и дал ей сделать то, за что отец потом хорошо её отблагодарил.

Поединок резко остановился, и холодное остриё меча Антонио обожгло кожу под левой грудью наследного принца.

– Спице, Ваше Высочество, – широкая улыбка единственного друга вмиг отогнала неприятные образы в голове Лоуренса.

– Да, плохо спал этой ночью. Не могу сосредоточиться, – спал Лоуренс не то чтобы плохо, он вообще не спал. Ему казалось, что если он закроет глаза, то когда их откроет всё решиться за него безвозвратно.

– Мирились с леди Амалией? – Антонио игриво подмигнул другу. Тони знал о том, чем же закончился разговор влюблённых, но всё равно пытался поднять Лоуренсу настроение своими порой неприличными шутками и намёками.

– Она не пришла сегодня ночью, хоть я и посылал за ней. Видимо мне придётся попотеть, чтобы она хотя бы поговорила со мной, – губы Лоуренса скривились от мысли, что Амалия может просто исчезнуть из его жизни.

Лоуренс не простит себе, если Амалию сошлют со двора. Отец уже месяц намекал, что в поисках лучшей партии для неё, но дальше разговоров ничего не шло. Это давало Лоуренсу надежду, ведь отец не мог так поступить с ними. Она племянница его жены и любимая женщина его сына.

Несмотря на все попытки избавиться от тревоги, чья змеиная голова уже подкрадывалась к его сердцу, Лоуренс знал, что отец может так поступить с кем угодно. Он был мил и приветлив с гостями и теми, от кого зависело будущее королевства. Но, как только дело касалось его смиренной жены и глупого сына, он не знал, что такое жалость.

– Всё будет хорошо, Лоуренс. Возможно, Манриетта не такой уж и плохой вариант, – похлопав друга по плечу, Антонио собрал холодные мечи и направился в сторону дворца.

– Неплохой вариант? Мы что о выборе кобылы сейчас говорим?

– Нет конечно, но она лучше, чем те, кого посылает ваш отец вам каждую ночь. Видит Хорос, они уже порядком поистаскались. А она? Она свежа как роза, умна, молода и что самое главное, хороший союзник. Она может стать вам хорошим другом и возможно, разрешит вам держать при себе Амалию, – Лоуренс понимал, что Антонио не имел ничего дурного, но при мысли о такой перспективе, гнев волной накрыл Лоуренс.

– То есть, ты хочешь сказать, что я женившись на этой пиявке, буду унижать Амалию, подарив ей статус королевской шлюхи?

– Что вы, милорд, я просто... – Антонио выглядел таким растерянным и виноватым, что Лоуренсу стало ещё хуже.

– Я не такой как мой отец, я держу своё слово и никогда не стану унижать любимую женщину. Я обещал ей, когда ложился с ней в постель в первый раз, обещал, что она станет моей женой и всё это будет иметь вес. А сейчас что? Наше будущее ускользает сквозь пальцы, словно песок лишь потому, что какая-то девка хочет выйти за меня замуж. Это не имеет смысла!

Лоуренс понимал, что Манриетта не виновата в сложившейся ситуации. Всё было решено их отцами. Но, сейчас легче всего было найти хотя бы одного виноватого, и им оказалась эта хрупкая, нежная девушка. Он не мог признаться себе, что мысли его спутались не только из-за возможной потери Амалии, но и из-за того взгляда, который подарила ему Манриетта на приветственной встрече.

Лоуренс на долю секунды растворился в её медовых глазах. Ещё немного и он пошёл бы у неё на поводу. Возможно, где-то глубоко внутри он боялся, что ошибся и всё было зря, что он не сможет выполнить обещание именно по своей вине.

– Вы не виноваты, – голос друга якорем вернул Лоуренса на берег реальности. – Вы пытались. Просто поговорите с ней. Я думаю её светлость поймёт вас и пойдёт вам навстречу.

Лоуренс ещё долго думал над словами Антонио. Думал, когда вычищал грязь и пот со своего уставшего тела; когда слуги проворными движениями наряжали его, как куклу к завтраку. Также думал он, когда длинными коридорами, на ватных ногах шёл в обеденную. Но, как только, открыв двери, он вошёл к ожидающим его гостям, идея показалась ему ничтожной и не потому что Манриетта, дева золотых песков, была так категорична и грозна. Наоборот, её глаза блестели жизнью и желанием, алые губы подчёркивали красоту глаз и россыпь золотых веснушек на лице и плечах.

Серебро совершенно не шло ни в какое сравнение с алым одеянием вчерашнего дня, но как же она была хороша. Манриетта держалась как королева, так словно уже обладала этим дворцом и сердцем его будущего короля.

Нет, ничего не получится. И это не из-за Амалии, в прекрасных глазах, которой пылала паника и мелкие бисеринки затаившихся слёз, руки её слегка подрагивали, как и тонкие, слегка розоватые губы. Да, серебро шло ей больше, её светлые волосы прекрасно контрастировали с переливами серебра на тугом корсете и плотных манжетах. Нет, Амалия тут ни причём. Лишь сомнение, которое поселила в его мыслях и сердце, эта пышущая жизнью дева.

– Ваше Высочество, мы Вас уже заждались, – голос матери отрезвил его моментально.

Отца ещё не было за столом, да и вряд ли он присоединится. Это было ещё одно испытание для будущего короля, и Лоуренсу потребуется много сил, чтобы его пройти.

Глава 9

Манриетта

Несмотря на всё, что было этой ночью, при взгляде на своего будущего мужа, что-то внутри у Манриетты взлетело и забило. Она любила его, сама не понимая почему и за что. Когда-то, будучи ещё детьми они были так близки, что он делился с ней самыми сокровенными своими секретами. Она знала о нём всё, ведь они были знакомы практически с младенчества.

Несколько раз в году он прибывал к ней в Ливрес с радостью на устах. Лоуренсу было всего восемь лет, когда он начал вставать рано-рано утром и искать для неё бурьки, её любимые цветы. Их нежные лиловые лепестки дарили ей радость одним своим видом, а чарующий, слегка медовый аромат щекотал ей маленький, загорелый носик.

Он всегда менялся, когда приезжал к ней в гости. Проведённое в её доме время дарило ему свободу и покой. Он засыпал на её коленях, когда они прибегали в тайное место у бухты торговых кораблей. Он спал так безмятежно, что Манри не могла удержаться и гладила его по волосам. Она пела ему, отчего напряжение с него сползло, как воск по зажжённой свече. Всё это закончилось, когда ему исполнилось одиннадцать. Манри узнала от матери, что Лоуренса готовят к престолу, так как его старший брат Гидеон погиб.

Ей было грустно, но она знала, что как только он приедет, она поможет ему излечиться от этой боли. Но, он не приехал ни в том году, ни в последующие.

Единственный раз, когда они пересеклись за эти года был день рождения Амалии, через несколько месяцев после смерти его брата. Манриетта не узнала его в тот вечер, он будто за год вырос на десятки лет и отказался от детства, дружбы и неё. В тот день он чуть не оставил её насовсем. Вернувшись в Ливрес, Манри писала ему каждый день в течении нескольких лет. Но, он не ответил ни на одно её письмо.

Она плакала каждую ночь на протяжении полугода, ведь её маленькое сердечко, которое птичкой порхало при виде него, перестало летать. Он был её другом, её самым близким человеком после родителей и Мисси. Поэтому, хоть она была ещё ребёнком, но она чувствовала, и ей было очень больно.

“Либо увидеть как ты валяешься среди свиней, либо компания вахильских шлюх”

Вспомнив эти слова, Манриетту передёрнуло. Что-то тягучее и неприятное проползло в её сердце и мерзко захихикало.

– Манриетта! – Мать смотрела на неё улыбаясь, но лёгкое раздражение в её глазах не осталось без внимания дочери.

– Да, матушка?

– Её Высочество Вилария задала тебе вопрос. Не хочешь на него ответить? – Манриетта поняла, что слишком погрузилась в воспоминания. Она машинально взглянула на Лоуренса и застала его врасплох. Они встретились взглядами и удивительно, он даже не отвёл глаза, как делал раньше. Лоуренс смотрел на неё с вызовом и чем-то ещё, чего она не могла распознать.

– Прошу прощения, Ваше Высочество. Я плохо спала и видимо немного рассеяна сегодня утром.

– Ох, как же так? Вам не подходят ваши временные покои? Может слишком холодно для Вас? Я сегодня же распоряджусь, чтобы монаршие покои подготовили поскорее. Видите ли, в них очень давно никто не жил, мы успели подготовить только несколько комнат.

– Не стоит беспокоиться по этому поводу, я забыла принять лекарство на ночь, поэтому сон не шёл, – частично это было правдой. Она забыла принять микстуру на ночь. Она пила её уже столько лет, что обычно делала это автоматически. Видимо она так переволновалась, что забыла. Мать начала выдавать ей лекарство, когда ей исполнилось шесть. Её частенько мучили кошмары. Теперь она вообще ничего не видит по ночам.

– Я же просила тебя не забывать её принимать. О чём ты только думала? – Мать, слишком переживала, когда такое происходило. Она улыбалась, но Манри знала, что это не единственный

упрёк, который она выслушает сегодня. Порой ей казалось, что лекарство было нужнее её матери, чем ей самой.

– Вы чем-то больны, Манриетта? – Встревоженно спросила Вилария.

Ни одному двору не понравится больная невеста, но вопрос прозвучал искренне. Королева действительно волновалась.

Сколько Манри помнила себя, Вилария не вписывалась в стандартный мир дворцовых интриг. Она любила своих детей, была нежна и добра, но всё чаще казалась одинокой и несчастной.

– Нет, что Вы, она абсолютно здорова. Иногда ей снятся кошмары, вот я и прошу её не забывать принимать микстуру, – мать сжала руку Манриетты так сильно, что костяшки побелели. Она всегда так делала, когда начинала нервничать. И не для того, чтобы сделать больно дочери, а оттого что ей самой было больно.

– Элиза, мы так давно не виделись, года тебя совсем не берут, – несмотря на такую откровенную лесть, мать сжала руку ещё сильнее. Манриетта не понимала, почему мать не любила королеву Виларию, но это отчётливо чувствовалось.

– Как и тебя, дорогая. Ты всё также прекрасна, как в день вашей свадьбы. Кристофу очень повезло с супругой, я всегда ему это говорила, – Элиза улыбалась королеве искренне и добродушно, но лишь Манри могла заметить в этой улыбке толику нервозности, и то, потому что слишком хорошо знала свою мать.

Но она была права. Вилария была не просто красива. В её чертах сочетались мягкость и воздушность. Длинные волосы цвета сгущённого молока оттеняли васильковые глаза. Пухлые губы и бледная кожа придавали ей молодости какой-то чистоты. Но самое главное – её взгляд, всегда открытый и искренний. Именно он приковывал взгляды всех, кто впервые встречал её, да и тех, кто знал давно.

Вилария восседала напротив Элизы, как полная её противоположность. Светлые волосы, будто сотканые из лунного света и яркий пожар солнечных лучей. Белое платье с изящной серебряной вышивкой на пышных рукавах и плотном корсете против ярко красного бархата с золотыми цветами на груди. Наивный, почти печальный взгляд и гордый, бунтующий.

Мать говорила, что до замужества все они дружили, но стоило Виларии выйти замуж за Кристофа, дружба начала давать трещины. Отец Манриетты всегда шутил, что они перестали дружить из-за куска земли. Мама вымученно смеялась, но Манриетту было сложно провести. Она не понимала, была ли эта шутка своего рода метафорой, либо они действительно не поделили какое-то определённое место.

– Ты льстишь мне. Моя племянница превзошла меня. Вот у кого вся молодость и красота, – Вилария искренне улыбнулась Амалии, ободряюще пожимая её дрожащую ладонь. Благодаря этому Амалия наконец улыбнулась и мягко пожала белоснежную ладонь своей тётушки. – Но я уверена, что Манриетта затмит всех нас в день их с Лоуренсом свадьбы. Я жду не дождусь, когда мы сможем начать приготовления.

В зале воцарилась гробовая тишина. Манриетта заметила как Амалия позеленела, что показалось крайне странным. Лоуренс сжал плотно губы, борясь с собой. А Элиза наконец отпустила руку дочери.

– Боже, к чему весь этот фарс, матушка? – Прошипел Лоуренс. Вся шаткая идиллия дала крупные трещины, когда он, уронив вилку и откинувшись на спинку стула, устало посмотрел на свою мать, а потом перевёл полный злости взгляд на Манри, будто это она подняла тему свадьбы.

– Что случилось, милый? Разве я что-то не то сказала, – замешательство королевы было так ощутимо, как запах надвигающейся беды.

– Сначала эти улыбки и любезности, потом комплименты и конечно же все закрыли глаза на тот факт, что эта грёбаная свадьба нужна только вам, а мы с Амалией лишь зрители, которых пригласили понаблюдать!

– Лоуренс... – тихий голос Амалии разбавил внезапно нагрянувшую бурю. Она смотрела на него с толикой надежды в грустных глазах. Было видно, что ей некомфортно от всей этой ситуации и его тона. К сожалению, Манриетта ничего не понимала.

– Думаю, нам не помешает прогуляться с Лоуренсом в вашей чудесной оранжерее, Ваше Высочество, – Манри даже не поняла, как её язык начал ворочаться и вот, наконец, комок в горле прошёл, и она смогла хоть что-то сказать, – я была бы рада посмотреть на ваши знаменитые кристалловидные розы.

На самом деле Манриетта действительно хотела посмотреть на это чудо природы. Розы были живыми, переливались на солнце различными цветами, но выглядели, как хрусталь. Лоуренс обещал показать ей их, в последний день их дружбы, в той, прошлой жизни.

– Отличная идея! Дорогой, мог бы ты сопроводить свою невесту в мою оранжерею? Отец скоро присоединится к завтраку, не хотела бы вас задерживать. Мы как раз его подождём, – мать мягко сжала его ладонь, и Лоуренс наконец немного сдал назад.

– Как пожелаете, матушка, – Лоуренс поцеловал матери руку и резко встав, пошёл к массивным дверям. Он даже не обернулся к Манриетте, лишь сказал ей, – пошли уже.

Ком вернулся на своё законное место и камнем перекатился в сердце. Прошло уже шесть лет с их последней встречи, а он всё также наказывал её за что-то, чего она до сих пор не поняла.

Приподняв полы жутко тяжёлого платья, она поспешила за ним. Как же она скучала по своим ливреским нарядам из невесомого тюля и лёгкого шёлка. В них так легко дышалось.

Лоуренс был выше Манриетты на полголовы, и хотя сейчас она была в лучшей своей форме, бежать за ним было безумно тяжело, и дело было даже не в корсете и ткани.

– Подожди, Лоу, я не успеваю за тобой, – они уже дошли до выхода из главной части замка, когда он резко остановился и посмотрел на неё полными злости глазами.

– Шевелись, иначе я пойду по своим делам. Я не обязан с тобой нянчиться, глупая девчонка, – взревел Лоуренс.

Это было больно. Больнее чем, когда год назад на охоте чья-то стрела попала ей в бедро и она потеряла много крови. Манриетта не чувствовала себя слабым человеком, но сейчас, этот молодой мужчина, которого она так хорошо знала раньше, делал её такой незначительной и мелкой.

– За что ты меня наказываешь Лоуренс? Разве я когда-либо делала тебе больно? Или может предавала тебя? Мы всегда хорошо ладили, что же произошло? – Манриетта подошла к нему вплотную и мягко, почти невесомо положила руку ему на грудь. Там, где когда-то так громко билось его сердце.

Сначала, он будто растерялся и на миг в глазах промелькнула тоска, но потом, будто бы вспомнив что-то, он с отвращением убрал её руку, словно грязную тряпку и прохрипел, будто ему не хватало воздуха.

– Не смей трогать меня, поняла? Я никогда по своей воле не дотронусь до тебя... Ты и весь твой род – просто грязные и испорченные ведьмы. Шлюхи, которых готовят ублажать глупцов. Но, заруби себе на носу Манриетта, я никогда не буду смотреть на тебя так, как ты того желаешь, и уж тем более не возлягу с тобой по собственной воле. Хочешь выйти за меня? Валяй, но ты годами будешь спать на холодных простынях в полном одиночестве. А твоё тело, что ж, могу признать, ты стала выглядеть намного лучше, но нет, его мне видеть не хочется под собой. Конечно мне придётся разок, другой сделать это, дабы обеспечить Аргос наследником. Но, я постараюсь, чтобы всё произошло быстро, иначе я не вынесу этой пытки.

Лоуренс ещё много чего говорил ей жёстко, тихим скрежетом уже окрепшего голоса. Но, она уже не слушала. Все её мечты, надежды и вера в него рассыпались мелкой стеклянной крошкой прямо в горло, отчего Манри стало тяжело дышать, а слёзы, такие горячие, так и норовили окропить пылающие от стыда щёки.

– Я пошёл к себе, а тебе если надобно вдыхать ароматы этих стекляшек можешь пройти налево. Оранжерея там, – указав рукой направление, он выдохнул и ушёл в противоположном.

Манриетте осталось лишь пройти туда, куда её послали. Она молча, будто оглушённая его признанием, прошла в роскошную оранжерею, чьи стены, созданные из прочного стекла пропускали еле виднеющиеся лучи солнца.

Она долго блуждала по окутанным зеленью проходам, наблюдая и потихоньку оттаивая от ступора. Там было всё, и пышные деревья, облюбованные жёлтыми цветками и различные цветы, которых она никогда в жизни не встречала, но были среди них и близкие её сердцу розовые бутоны ливреских лилий и роз. Они так ярко пахли, словно звали её домой. А недалеко от них пышно разрослись бурьки. Те самые, которые Лоуренс собирал для неё в свои восемь лет. Что же с ним случилось, раз он превратился в такое чудовище?

Манри легонько погладила мелкие лепестки и с первым шумным выдохом заплакала.

– Тяжёлый день? После вчерашней ночи, я надеялся увидеть вашу улыбку, а не горькие слёзы. Вы мне обещали чаще улыбаться, Ваше Высочество, – сказал Антонио. Он улыбнувшись присел напротив Манриетты, протянув ей мягкий носовой платок.

– Простите, просто мне дали понять, что мне тут не так рады, как я надеялась, – тихо, глотая подступающие слёзы обиды, произнесла Манриетта.

Внутри всё горело от едва сдерживаемой злости. А ведь она даже не поняла, как вместо дикой боли в душе поселилась и свесила ножки коварная ярость. Она злилась на себя, что так глупо и наивно полагала, будто может что-то поменять. Злилась на мать, за то, что отчитывает её как маленькую за такой пустяк как микстура. Грёбаная микстура! Надо было сказать матери, что она больше не будет её принимать. Но больше всего она злилась на этого засранца в роскошных серебряных доспехах. *Что он о себе возомнил, паскудник?!*

– Ваше Высочество? – Тут Манриетта очнулась и, посмотрев в нежно зелёные глаза нового друга, постепенно начала успокаиваться.

– Простите, я просто не привыкла чтобы кто-то был груб со мной. Лоуренс дарил мне такие цветы, когда мы были детьми. Он очень изменился с тех пор.

– Да, он рассказывал. А ещё он рассказывал, что привез саженцы этих цветов матери, чтобы она посадила их в своём волшебном саду. Видимо, для того чтобы когда его подруга сердца придет, он сможет каждое утро дарить их ей.

– Знаете, Антонио... – у Манри защипало в носу, и слёзы снова норовили выплеснуться из берегов.

– Тони, для близких я Тони, – он широко ей улыбнулся своими слегка полноватыми губами, и встав, протянул руку. Манриетта с радостью приняла его помощь и уже через несколько секунд ровно стояла на окрепших ногах, отвечая на его улыбку своей.

– Тони, зовите меня просто Манри, – она не отпускала его руки, словно держалась за последний якорь в этом бушующем океане ненависти.

– Манри... – Манриетте понравилось, как прозвучало её имя, вылетевшее из его уст. Это не было что-то вызывающее, скорее просто лёгкое и тёплое. Когда-то так звал её отец. Отец и... Лоуренс.

– Спасибо Тони.

– За что же? Я только вошёл и уже излечил ваши раны? Ничего себе, я волшебник, – он явно пытался её развеселить, и почти в этом преуспел, лёгкий смешок покинул грудь Манриетты, – так то лучше, больше смейся, юная королева. Слёз в этом королевстве и так немало.

– Что-то случилось в Аргосе? В Ливрес не приходило срочных новостей.

– Давайте-ка пройдемся. Королева-Мать обожает свои чудные розы, и я был бы рад вам их показать, – Тони явно что-то скрывал, но Манриетта всё же не отказалась от его руки, и они болтая продолжили изучать все укромные места этого волшебного сада.

Антонио рассказывал ей смешные истории о юношеских годах Лоуренса, отчего ей стало намного легче дышать, ведь со слов Тони он был прекрасным человеком и другом. Он часто помогал простым людям в тайне от отца, так как тот этого не поощрял; дурачился с Тони и обычными крестьянскими ребятами из ближайших деревень и городков, куда они сбегали по потайным коридорам. Именно по тем, через которые, он провёл её вчера.

Коридоры! Наёмники... Манриетта совсем забыла о них из-за выходки Лоуренса.

– Тони, – Манриетта резко остановилась и начала вглядываться в глаза друга. – Вы что-то знаете об отверженных наёмниках?

Тони задумался, словно слышал об этом впервые, либо пытался вспомнить. Но так и не найдя ответа, покачал головой и нахмурил брови.

– К сожалению, я никогда не слышал о таких. Почему Вы спрашиваете? Хотите кого-то заказать? Прошу только не Лоуренса, он проспорил мне сто золотых. Прискорбно будет их так и не получить, – он пошутил, и Манриетта не сдержавшись, рассмеялась. Но что-то всё равно не давало ей покоя. Что-то было не так. Не складывалось в идеальную картинку.

– Вы говорили что, о том месте знают немногие.

– Да, именно так. Мы с Лоу нашли его лет семь назад, – Тони резко остановился и, бережно коснувшись рукой её предплечья, повернул Манри к себе, чтобы лучше видеть её лицо. – Сегодня ночью что-то случилось? Почему ты так обеспокоена?

– Твой человек, который встречал меня, хорошо его знаешь?

– Марко? Да, он старший конюх, часто натаскивал нас с Лоу в уходе за нашими лошадьми. Он хороший человек. Он что-то сделал Вам? – глаза Тони застыли от беспокойства. Было заметно, что он переживал за неё. И это было искренне.

– Но, подожди, меня встретил паренёк на пару лет младше меня, что-то я не понимаю... – что-то не сходилось. Тот парень не был удивлён увидев банду за её спиной.

– Манри... – Тони весь напрягся и пристально всмотрелся ей в глаза, – Вы ничего не путаете? Марко уже старик, у него внуки в этом году в школу пошли.

– Я не понимаю... – Тони осторожно взял Манриетту за плечи и очень тихо начал расспрашивать. Так тихо, будто эти хрустальные на вид стены и пышущая здоровьем зелень могла их услышать и выдать. Он почти незаметно перешёл на ты, будто они были с детства знакомы, и Манриетта поддержала эту вольность.

– Ты можешь рассказать мне, что случилось в городе? На тебя напали? Послушай, сейчас очень беспокойное время. В городе ввели комендантский час с девяти вечера и там словно всё вымирает после этого времени. Люди боятся, хотя опасаться им нечего, просто пересуды и глупые слухи. Но, если ты действительно кого-то видела, ты должна мне сказать. Я личный секретарь Лоуренса, я должен его предупредить, его и короля, конечно же.

Манриетте показалось, что она может ему доверять, и что было такого в том, чтобы выдать эту кучку ненормальных. Они и вправду могут быть опасны. Но, что-то не давало ей выдать из себя эту безумную историю. Возможно это был слишком напряжённый взгляд Тони, или же жуткая обида на Лоуренса и всё его семейство. А может дело было в том, что ей не сделали ничего дурного, и люди в этой компании были так добры, не все конечно, но большая часть. Вдруг она своими словами сделает им только хуже.

Пальцы Тони сильнее сжали её предплечье, и Манриетта почувствовала себя в тисках, словно жертва, пришедшая на допрос. Ей осталось лишь улыбнуться так искренне, насколько могла.

– Ничего, всё было в порядке. Просто была удивлена, что в городе не оказалось людей. Плюс, может Марко было нехорошо и он отправил кого-то вместо себя, – Тони ещё минуту смотрел в её глаза, и видимо не встретив в них обмана, существенно расслабился и убрал руку, от чего Манриетте стало легче дышать.

– Я удостоверюсь в этом. Прости если напугал тебя, просто мы следим, чтобы в замке всё было спокойно.

– Я не думала, что в Аргосе может быть опасно. Война уже лет шесть как окончена. Все соглашения подписаны, – Антонио хмыкнул на её слова так, словно она совсем ничего не понимала в политических играх.

– Всё так, но видишь ли, не все люди смирились с потерей домов, семей и родных земель. Они... скажем так слегка заиклились на идее отомстить королю, – они продолжили идти по саду, но уже не держась близко. Тони будто бы чувствовал вину за свою несдержанность, а Манриетте не хотелось опровергать её.

– Хочешь сказать в Аргосе есть мятежники? И насколько всё плохо? – Её пугала сама мысль, что всё ради чего отец отдал свою душу богам, было напрасно.

– Не совсем, скорее просто недовольства. Не переживай об этом, – Тони устало улыбнулся Манриетте, а затем что-то заметив, указал на это. Чудо. Она никогда не видела столь прекрасных цветов. Полупрозрачные розы переливались всеми цветами радуги на солнце, а их стебли были покрыты серебряными шипами. Они занимали огромную часть сада, отчего казалось, что всё это иллюзия, игра света.

– Они прекрасны. Не могу поверить, что такая красота вообще может существовать, – сердце запело от такого завораживающего вида.

– Так же прекрасны как и ты, – Антонио улыбался ей так искренне, что вокруг слегка потемневших глаз появились мелкие морщинки. – Роза золотых песков.

– Ты мне льстишь, – Манриетта понимала, что он не пытается добиться её расположения. Просто пытался помочь, вернуть хорошее настроение. И ему удалось. Несмотря на всю боль и тревогу того дня, Манриетта ещё долго смеялась над его шутками. Тони уделял ей много внимания и на душе от этого становилось всё легче. Но, несмотря на всё это, что-то гудело внутри её груди, словно намекая на то, что Манриетта упускает нечто важное. Поэтому она просто обязана во всём разобраться.

Глава 10

Лоуренс

Лоуренс ещё долго пыхтел и дулся в своих покоях после инцидента с Манриеттой. Если бы она только знала, как ему страшно даже смотреть на неё. На её длинные вишнёвого цвета кудри, на пухлые, созданные для любви губы. Впервые за десять лет от вида ливреской женщины у него потемнело в глазах не от страха боли и стыда, а от страха не удержаться и что-то сделать с этими чёртовыми губами. *Стоп, почему он вообще о них подумал?*

– Ведьма! – От всплывающих в голове образов, гнев в его сердце разгорался всё больше и больше, и вот он уже не может дышать.

Он не такой как его отец. Он верен своему выбору и не готов изменять своей женщине. Амалия. Её нежные, тонкие ручки, хрупкие черты и изгибы. Она почти ничего не ела, поэтому всегда была невесомой и совсем не походила на это порочное создание с её объёмами и чувственным взглядом.

– Ааааа!! – Лоуренс с размаху влепил кулаком по зеркалу, и то, будто и не весило целую тонну, с лёгкостью повалилось и разбилось на мелкие осколки.

– Я смотрю ты очень рад приезду твоей милейшей невесты, – от этого голоса у Лоуренса по спине табуном пробежали мурашки, переходя на голову, отчего волосы будто ожили. Страх и дикая паника сковали его цепями.

Лоуренс медленно повернулся в сторону двери, где огромной горой стоял отец. Он будто совсем не менялся с годами: каждый раз, когда Кристоф заходил в его покои для очередной взбучки, на нём была просторная белая рубашка и тёмные охотничьи брюки, с которых с осуждением глядела на Лоуренса огромная серебряная бляшка ремня. Всегда одного и того же. Всегда жутко тяжёлого.

Отец был до жути спокоен, и от этого Лоуренсу хотелось сбежать, ведь он знал, что последует после спокойного разговора отца и сына.

Никто во дворце не знал, что происходило за дверями покоев принца. Все думали, что отец и сын так хорошо ладят, что им хватает лишь переговорить, и все вопросы решались в мгновение ока.

Но Лоуренс знал, знала и мать, которая молча пролиwała жгучие слёзы на последствия этих тёплых бесед. И если до одиннадцати лет он бежал к ней и прятался в тёплых объятиях, в которых поскуливая плакал вместе с матерью, то после он уже молча глотал слёзы и терпел.

Он знал, что если обратиться к ней, она заступится, а после вернётся к сыну вся в ссадинах, на трясущихся ногах. Поэтому он старался быть хорошим сыном, примерным наследником. Никогда не перечил, хорошо учился и всегда был на стороне отца. Что угодно, лишь бы не очередные слёзы матери и её болезни в виде выкидышей или очередного мёртворождённого малыша после таких наказаний.

Но сегодня он не стал молчать.

– Я не женюсь на ней. К чёрту это соглашение! Ты не заставишь меня отказаться от своего слова отец, – сжав кулаки он впервые за десять лет смотрел в холодные глаза отца.

– Вот как... И каково же было слово? – он знал об их отношениях с Амалией. Да они особо и не скрывали свою любовь.

– Я женюсь только на женщине, которую люблю. Я дал Амалии слово и сдержу его.

– Ах вот как. Знаешь сын, всё было бы именно так, если бы не одно но. Я уже два года веду переговоры с правителем Монтолии. Он давно хотел жениться на принцессе Ортских земель, но если раньше мы думали о сестре Амалии, так как она главная претендентка на трон, то буквально вчера я подписал разрешение на брак Сириуса с... Амалией. Очень кстати, скажу я тебе. Но крайне неожиданно конечно, почему именно она. Да и положение у неё после ваших

игр в любовь скажем так, не лучшее, – отец был так доволен собой, что до Лоуренса не сразу дошёл смысл его слов. А когда дошёл, у него, как выражается Тони, слетела фляга. Его нежная фея, такая хрупкая и беззащитная, выйдет замуж за этого дикаря из топей.

– Я уничтожу тебя... – Лоуренса так трясло, что ещё немного и он бы рассыпался как ворох сухой листвы.

Гнев переполнил его до краёв, и он впервые в жизни накинулся на отца с кулаками. Лоуренс уже не был хрупким мальцом. Он был почти так же огромен как отец, но всё же не дотягивал до его силы и стойкости. Не успел он занести руку и ударить отца, как тот будто предугадав движения сына быстро завалил его на пол и с такой силой сжал его шею, что в глазах Лоуренса моментально потемнело.

– А теперь слушай сюда, сосунок. Через три дня у тебя свадьба с ливреской королевой и если не дай тебе боги она откажется из-за твоих выходок, я сверну твою шею, мать твою припадочную сотру с этого мира, а сестру твою выдам замуж за какого-то старого лорда. Мне плевать, что ей только тринадцать, в таком возрасте уже могут плодиться. И если вдруг в твою тупую голову взбрёт гениальная идея сбежать с твоей девкой... Я найду вас. Тебя похороню заживо, а её отдам матери в Орту, пускай топят её в этом озере печали. Усёк?

Лоуренс весь багровый от нехватки воздуха слегка кивнул и уже через несколько секунд грубые тиски освободили его шею, дав дорогу такому сладкому воздуху.

Он знал, что отец сделает всё так, как пообещал, поэтому мог, лишь молча, глотая стыд и слёзы, смотреть, как тот спокойно идёт к двери, запирает её на замок, а потом с пылающими от гнева глазами, молча снимает с себя ремень. Разговор был окончен. Начинаются последствия.

Глава 11

Манриетта

Снова темнота. Вроде бы привычная, ведь Манриетта обычно не видит снов, но в этот раз, как и прошлой ночью она была иной. Манриетта ничего не слышала и не видела, но вскоре почувствовала чьё-то присутствие.

Она стояла в одной ночной сорочке из полупрозрачного паучьего шёлка, но ей не было холодно, да и темнота не особо пугала. Скорее любопытно и тепло от такого уединения.

– Снова ты, моя алая пташка. Прекрасно выглядишь, – Манриетта напряглась от знакомого голоса, приглушённого с лёгкой хрипотцой. Он пронёсся буквально в сантиметре от её уха, от чего мелкие мурашки проложили свой рисунок по всему телу Манриетты. Этот мерзавец глумился над ней.

– Чего тебе нужно от меня? Ты просто иллюзия, – она понимала, что это всего навсего часть сна. Очень... напрягающего сна. Но, если и вчерашняя их встреча была сном, откуда же порез на её ухе?

– Мне так нравится видеть как ты напрягаешь свой чудесный мозг. Ты знала, что когда думаешь, слегка поджимаешь губы? Это так... притягательно, – как только Манриетта услышала его замечание, еле уловимое касание прошлось по её губам, словно лепесток цветка упал на них и сразу же слетел. Следом появился аромат, которого Манриетта совершенно не ожидала услышать ВО СНЕ. Незнакомец пах жасмином и пеплом, он пах её домом.

– Ты грязно играешь. Я не вижу тебя, а ты виляешь своим задом вокруг меня, – боже мой, слышала бы Манриетту её матушка, сразу бы выдавила из себя тот свистящий звук, который вылетал из её рта каждый раз, когда она делала что-то не так.

– Ух ты, не думал, что ты так умеешь, – в его голосе так и искрились смешинки. Ему нравилось, что она может быть такой. А вот Манри даже не понимала, почему совершенно незнакомый человек вытягивает из неё самые грязные повадки.

– Так, это как? Давать отпор некультурным ублюдкам? – снова Манриетта почувствовала едва уловимое прикосновение, но уже к руке. А потом услышала, как он смеётся буквально за её спиной, от чего сама того не ведая, резко развернулась и вздёрнула голову, чтобы он мог смотреть ей в глаза, а она точно знала, что он смотрит. Он видит её. Видит её настоящую. Видел очертания её голого тела. И осознание этого заставило её поёжиться.

– О да, я ещё тот ублюдок, дорогая. Но тебе ведь это нравится, душа моя, ведь со мной не нужно притворяться, – она почувствовала его тёплые пальцы на своём подбородке. Они пахли шоколадом и кофе.

Незнакомец медленно провёл ими по линии её нижней челюсти к уху и дальше почти невесомо проделал небольшую дорожку по шее и ключицам. Манриетта задохнулась от жара под его пальцами. Разум и здравый смысл покинул её. Но, когда он остановился у ложбинки меж её грудей, она словно очнулась. Ярость влилась в её вены бурным потоком.

– Да как ты смеешь меня трогать, ты... – крикнула Манриетта. Она пыхтела как закипевший чайник.

– Слушаю очень внимательно, – он мягко чмокнул её в губы, и Манриетта почувствовала его улыбку на своих губах. И то, что она ощутила в этот момент, заставило её в ужасе отступить.

– Прошу тебя, не делай так больше, – прошептала она.

Манриетта не была уверена, что его действия ей не нравились, особенно после слов Лоуренса о том, что она так и останется старой девой до конца своих дней. Но, ей казалось неправильным любить одного человека и позволять другому делать подобные вещи со своим телом. Плюс ко всему, этот странный человек украл её первый поцелуй. Пусть и во сне, но всё же, это должен был быть Лоуренс.

– Прости, я не хотел тебя обидеть, – в его голосе послышались нотки сожаления, и оцепенение потихоньку отпустило её тело. Она только сейчас поняла, что всё это время нервно теребила подол сорочки. – Правда Манриетта, я не хотел тебя обидеть. Я в принципе последний человек, который мог бы на это решиться. Просто... ты такая красивая, что я не могу остановиться. Я так давно этого ждал.

Его ладони едва уловимо обхватили её лицо и мягкие, чувственные губы поцеловали её в лоб. В этом жесте не было ничего интимного, лишь теплота и защита. Когда она была маленькой, так делал её отец. Он каждую ночь целовал её в лоб перед сном. Но он не был её отцом. Судя по голосу, он был молод, и от его слов уже слегка израненное сердце Манриетты начало со скрипом биться всё быстрее и быстрее.

– Я не знаю тебя, поэтому, как минимум не могу в это поверить. Я даже не знаю как тебя зовут, – пелена тьмы слегка растворилась, и Манриетта увидела его улыбку. Слегка полноватые, скорее даже чувственные губы обрамляли белоснежную улыбку. Манриетта ещё никогда не видела, чтобы кто-то так красиво улыбался. Кожа его, как кофе с молоком, делала улыбку ещё белее и выразительнее.

– Дариус, но можешь звать меня Дарий, – он отдалялся от неё, пока она не перестала чувствовать его присутствие.

“Дарий”, она уже слышала это имя от напавших на неё девушек. Если этот парень и есть их предводитель, то у Манриетты определёнno проблемы.

– Постой! – Манри машинально попыталась схватить его и... схватила за руку, отчего он удивленно втянул воздух. Она сразу поняла, что сделала что-то такое, чего точно не должна была.

– Ты можешь меня коснуться.

– Да, как и ты меня. Или что, тут всё идёт только по твоим правилам?

– Дело не в этом, милая. Просто, ты не... – Дарий резко закрыл рот, будто едва не выдал чью-то тайну, – просто обычно те, к кому я прихожу не могут.

– Так я обычная, а по твоим словам, вроде как особенная, – Манриетта окончательно расслабилась и сама не заметив того, начала его дразнить. Она уже и не помнила, когда так спокойно чувствовала себя в обществе мужчины. Было в нём что-то такое успокаивающее, когда он не пытался её облапать.

– Поверь Манриетта, обычной я тебя точно назвать не могу, – загадочно произнёс Дарий.

Он легонько сжал её ладонь, отчего Манриетта, на удивление, не облила его потоком проклятий, а лишь слегка вздрогнула. Когда он её касался, внутри что-то загоралось, в прошлый раз была дикая злость, потом трепет и даже лёгкое вождление. Сегодня же были волнение, а потом покой. То, что Манриетта чувствовала, казалось принадлежало больше ему, чем ей.

– Скажи мне, ты как-то связан с повстанцами? Люди, которые напали на меня упомянули твоё имя, поэтому признавайся, ты пытаешься навредить королю через меня? – глаза Манриетты так и сверлили его через пелену вязкой, как мёд тьмы. Она так хотела, чтобы он ответил, что не знает о чём она говорит и всё это его никак не касается. Но, получила лишь уклончивый ответ.

– Я не пытаюсь тебя использовать Манриетта, и вредить тебе уж точно не в моих интересах. Больше я ничего не могу сказать тебе.

– Не можешь или не хочешь? - *что она делает? Допрашивает потенциального убийцу, преступника короны? Почему она его не боится? Да что вообще происходит?*

– Не могу. Если бы ты знала, сколько всего я бы хотел тебе рассказать и показать, но к сожалению, пока не произойдёт всё, что должно, я в заложниках печати молчания. Я правда не могу, хотя очень хочу, – его голос, пропитанный насквозь отчаянием усмирил Манриетту. Он правда не мог, – совсем скоро ты сама всё узнаешь и поймёшь. Обещаю, пташка.

– Как ты себя чувствуешь? – Манри протянула руку в сторону его ранения и наткнулась на твёрдую грудь. Голую грудь. Она резко убрала руку и почувствовала как ей стало слегка душновато, – ты что голый?! Фу!

– Со мной всё хорошо Манриетта. Я очень живучий. И да, я голый, потому что, вообще-то я спал. В этот раз ты ко мне пришла, – чушь собачья, она не могла ходить к кому-то во снах. Либо ей реально это всё чудилось, либо Манриетта совершенно ничего о себе не знала. В ней не было магии, она не ночница, их вообще уже не существуют, так как обычно эти существа рождались от детей тьмы. Получается...

– Ты Дитя тьмы?! Твою ж мать! – Она так подорвалась с места, оттолкнув его руку, как дохлую крысу, что немного не рассчитав, упала на свой довольно мягкий зад. Дикий хохот разнёсся в её голове.

– В какой-то степени. Мои предки ими были, но у меня нет таких могущественных способностей, как у них. Но да я могу блуждать в чьи-то умы и слегка менять свою внешность. Но, только немного.

– То есть, ты можешь быть кем угодно? – От мысли, что он может блуждать по дворцу в любое время суток и, возможно, нести определённую угрозу королю, Лоуренсу, да и ей в том числе, заставило Манриетту поёжиться от страха.

– Я же сказал, что обладаю крайне ограниченными способностями. Я могу выбрать лишь один образ на смену своему реальному и не более. Дети тьмы сейчас большая редкость в их чистом виде. Можешь не переживать, я не превращусь в паучка, чтобы подглядывать, как ты переодеваешься. Хотя... был бы этому невероятно рад, – он снова её дразнил, и к счастью, это не задело её так, как в первый раз. – Да, и с твоими ночными нарядами...

– Это какими такими? – Манри нахмурилась и быстро осмотрела свою сорочку.

– Манриетта, душа моя, ты почти голая. Твоя сорочка вообще ничего не оставляет воображению, зачем ты мучаешь своё тело? Спи голой, – его слова начали кусать её щёки, отчего они покрылись густым, красным румянцем. Проблема заключалась в том, что в Ливресе никто не стыдился ходить в прозрачных, невесомых одеждах. Там было очень жарко, и её народ привык не чураться наготы. Ей никогда не приходило в голову, что это может быть проблемой для кого-то другого.

– О нет нет нет, даже не думай, – он одёрнул её руки, которыми Манриетта инстинктивно начала прикрывать налитую грудь, – я лишь хотел сказать, что не вижу смысла в одежде, когда телу нужен отдых. И да, твоё тело прекрасно, нет смысла его скрывать от меня. От кого-то другого можешь, но точно не от меня.

– Ты мне не муж, чтобы такое говорить, – Дарий действительно разговаривал с ней так, будто она принадлежала ему. В его голосе читалась уверенность в этом.

– Почему бы и нет, душа моя? Мне был бы по душе такой расклад, – снова дразнит, говнюк.

– Только через мой труп, – Манриетта потупила взгляд и снова услышала его слегка смех. Ему определённо нравилось, что она играет с ним.

– Почему же? Чем я тебе не мил? Я умён, красив, у меня прекрасное чувство юмора, – Манриетта против своей воли слегка улыбнулась его самомнению, но почувствовав прикосновения его пальцев на своей спине шумно вздохнула.

– Во мне нет ни одного изъяна. И я уж точно не оставил бы тебя одну в постели, в отличии от твоего глупого женишка, – гнев от его слов резко затопил рассудок, и когда пальцы Дария опустились к бедру Манриетты, она схватила его за руку и тихо, но очень чётко прошептала.

– Ты ему и в подмётки не годишься, шут. Не трогай меня и больше не приходи ко мне! – Манри почувствовала как напряглась рука Дария от её гневных слов, но, несмотря на это, она толкнула его и крикнула, – пошёл вон из моей головы и не возвращайся больше!

Сначала Манриетта не поняла что сделала, но когда его удивлённый взгляд появился на секунду и пропал, а после этого и ощущение его присутствия, она поняла, что возможно совершила огромную ошибку.

Звук захлопнувшейся двери заставил её открыть глаза. Она была в своих покоях. Луна покрыла полы пеленой нежно молочного тумана, а Мисси размеренно сопела на соседней кровати. Что-то натянулось в груди и оборвалось. Ей стало так одиноко, словно из её сердца вырвали кусок. Что же она наделала?

Глава 12

Лоуренс

После визита отца Лоуренс сутки не выходил из своих покоев. Он просто не мог. Спина горела так, что больно было даже перевернуться на бок. Самое забавное заключалось в том, что буквально через несколько часов раны затягивались и на спине не оставалось ни одной ярко красной полосы.

Дело было не в Лоуренсе, а в том самом ремне. Когда-то этот трофей, а нынче предмет пыток, подарил отцу его отец. Он привёз его из очередного похода, после которого, существенная часть восточных земель присоединилась к ненасытному Аргосу, в качестве подарка любимому сыну. Лоуренс ненавидел его, ведь каждый раз, после того, как отец разрывал кожу на его спине, расплёскивая кровь по всей комнате, на утро не оставалось ни одной улики на его горячей коже. Но спина болела, и с этой болью ему приходилось вычищать комнату от следов своих же страданий и позора. Ведь ни одна живая душа не должна была знать, что произошло.

Стук в дверь заставил его, постанывая от боли, встать на ватные ноги и накинуть на тело рубаху, а на лицо маску спокойствия. Он догадывался, кто мог прийти к нему в такое раннее время и не хотел, чтобы она увидела его страдания.

– Входи же, это и твои покои тоже, Амалия, – тихонько приоткрыв дверь, она проскользнула в покои Лоуренса, как делала каждую ночь и раннее утро в течении почти пяти лет. На самом деле последние два года она уже не была так осторожна, так как была уверена, что всё окончится свадьбой. Она оставляла у него свои вещи, принимала ванну в его покоях и звонко смеялась с его шуток, не боясь, что слуги могут их услышать.

– Тебя не было на завтраке сегодня и я начала беспокоиться, – её тонкие пальцы сжали плотную ткань платья, и Лоуренс в очередной раз задумался, как сложно ей носить всё это богатство на своём хрупком теле.

На её родине, Орте, люди ходили в лёгких одеждах, свободных платьях из льна и хлопка, а также струящихся тканях прикрывающих лишь интимные места. Она часто жаловалась ему, что мех, шерсть и парча вместе с плотными корсетами не давали ей дышать полной грудью. И в отличии от привычных ей голубых и синих тонов, белый и серебро делали её и так бледную кожу почти мертвенно-бледной.

– Мне нездоровилось, поэтому отец разрешил мне сегодня не спускаться. Амалия я... – Лоуренс попытался подойти к ней и взять за руку, но после первого же шага мышцы на спине натянулись, и он не сдержавшись нахмурился и замолчал, лишь бы не простонать от боли. Лоуренс никогда не рассказывал Амалии о зверствах отца, не хотел показаться слабым. Поэтому она неправильно истолковала выражение его лица.

– Ты злишься на меня? Ты?! – Прошипела Амалия, глотая невидимые слёзы – что со мной будет Лоуренс? У тебя свадьба через пару дней. А что будет со мной?

– Отец сказал, что скоро тебя выдадут замуж за правителя Монтолии, и если я сбегу с тобой или откажусь от брака... Я не могу отказаться Амалия, я проиграл, – сокрушённо ответил Лоуренс. Он всю ночь обдумывал слова отца и рассматривал десятки возможных сценариев, но в конце концов ему пришлось смириться с неизбежным.

Сначала она побледнела, потом посерела и в конце этой оттеночной эпопеи покрылась яркими красными пятнами. Амалия молча, борясь с ужасом, села в его мягкое кресло, где часто раньше читала перед сном, и подняв на него полные слёз аквамаариновые глаза, прошептала будто самой себе, а не ему.

– Ты позволил отдать меня этому дикарю? Ты же понимаешь, что если верить рассказам о нём и его... королевстве... Он жестокий человек, после смерти родителей его никто не видел. Он не посещает других правителей. Отшельник и дикарь, который закрылся в своём мирке на

этих болотах. Да он будет терроризировать меня. Я не выживу там Лоуренс, я не привыкла к таким спартанским условиям и неуважению к себе. Плюс ко всему, когда он поймёт, что я не чиста, он просто убьёт меня или отдаст матери, пристыженную и облитую с ног до головы позором. Ты... ты уничтожил меня.

– Я ничего не могу сделать, понимаешь? У меня нет власти. Если бы брат был бы жив, я бы ушёл с тобой, я никому кроме тебя не был бы нужен. Но сейчас я один и не могу оставить семью.

– Ты говорил, что я тоже часть твоей семьи, – взгляд Амалии потух. Она уже не боролась и не пыталась добиться ответов. Амалия поняла, что этот мужчина, который много чего обещал ей, не сможет её защитить, поэтому глухо спросила – когда?

– Что?

– Когда меня сошлют?

– После моей свадьбы, отец сказал, что договор о браке уже подписан. Так как у тебя нет отца, а мой является твоим опекуном, он имеет право решать такие вопросы. Всё законно, и я не могу ничего сделать.

Лоуренсу было больно смотреть, как она молча заламывает руки, переваривая услышанное. И будто смирившись с неизбежным, Амалия встала и подошла к нему вплотную.

– Ты никогда не будешь счастлив, ведь сломав чью-то душу, твоя будет в вечном хаосе до конца твоих дней, – Амалия поцеловала его в щёку на прощание и молча ушла, тихо закрывая за собой дверь.

Он не увидит её ни завтра, ни даже через неделю, когда она должна будет уехать. Позже он узнает, что Амалия сама попросила Кристофа, чтобы он отправил её в новую жизнь в тот же день, в день их прощания. Она не могла смотреть, как человек, который пять лет купал её в любви и обещаниях, связывает свою жизнь с другой. Это было выше её сил и понимания. Они увидятся лишь тогда, когда оба создадут свою жизнь, в которой не будет ничего общего, в которой не будет их.

Глава 13

Манриетта

Манриетта искала Лоуренса в этих белоснежных коридорах почти пол дня. Поначалу она хотела сходить в оранжерею, чтобы возможно прогуляться там с Антонио. Он нравился ей, как друг конечно же. Но слуги сообщили ей, что королевский секретарь уехал в соседний город на собрание старейшин.

После завтрака матушка исчезла, возможно пьёт чай с королевой. Поэтому Манриетта осталась совсем одна. А когда это происходит, к сожалению, она слишком много думает. За несколько дней пребывания в этом ледяном аду, она поняла следующее:

1. Никому нет дела до ливреской дурочки;
2. Лоуренс где-то прячется от неё, паршивец;
3. Нельзя бродить по дворцу одной, иначе можно обнаружить такое, чего не хотелось бы;

Она уже так долго блуждала по всем коридорам и этажам, что когда перед ней осталась лишь одна неизведанная дверь и то, та находилась в подземных коридорах. Манриетта уже и не ожидала найти ни Лоуренса, ни кого-либо ещё, кто мог бы составить ей компанию.

Открыв тяжёлую дверь, Манриетта обнаружила вместо принца, другой подарочек. В широком кресле, полулежала безумной красоты дева. Она так не вписывалась в этот траурный пейзаж, что сразу привлекла к себе внимание. Тёмные, длинные волны волос, с еле проявляемой проседью, спадали на хрупкие плечи.

Так как она читала, Манриетта не сразу рассмотрела разрез и цвет глаз. Но как только дева обратила на Манриетту свой взор, она вся похолодела.

– Не может быть... – её миндалевидные, серые глаза были совсем как у истинной представительницы сатанийского народа. Эта необычная смесь покоя и чего-то устрашающего пригвоздила Манриетту к полу.

– Прошу прощения? – Недовольно произнесла дева, приподняв бровь, якобы намекая на то, что Манриетта отвлекла её от чего-то крайне важного, и ей это явно не нравится. Манри, как рыба на берегу, просто стояла и то открывала рот, то закрывала.

– Манри? – Этот голос...он обеспокоен или раздражён? Какой сюрприз на этот раз?

– И-извини. Я искала тебя и видимо потерялась, и побеспокоила твою... гостью, – позади послышалось что-то наподобие смешка.

– Гостья? А эта малышка меня явно поражает своей наглостью, – незнакомка, спустила свои тонкие ноги, которые минутой ранее она по-хозяйски взвалила на массивный письменный стол. Она вальяжно, по-кошачьи потянулась и проплыла к Лоуренсу и сладко улыбнулась ему. Но внезапно случилось то, чего она точно не ожидала. Темноволосая дева пнула его, а потом, схватив за ухо, потянула на себя, он был слишком высок для неё.

– Эй! – Завопил Лоуренс. Он так резко согнулся, что Манриетта аж втянула в себя приличное количество воздуха. Из-за того, что гостья была очень маленькой по сравнению с высоким принцем, лёгкая паника в глазах Лоуренса казалась комичной.

– Ах ты засранец! Опять водишь своих баб в мой дом?! Сначала эта белобрысая швабра, а потом какой-то рыжий комок нервов! Говорила я тебе, если хочешь строгать детишек, делай это вне стен моих покоев, – когда она ещё раз замахнулась на него, Манриетта инстинктивно схватила её за руку. Её напрягли слова о какой-то там белобрысой, и неожиданная догадка выбила из её лёгких весь воздух.

– Я не баба. Меня зовут Манриетта. Я королева Ливреса и его будущая жена. Вы не могли бы... не бить моего жениха? – Брови девы так быстро поползли вверх, что Манриетта так же внезапно отпустила её руку, приготовившись к нападению. Но дева не напала. Наоборот она застыла в изумлении и отпустила Лоуренса.

– Вот оно как? То есть ты здесь не для того чтобы...

– Не для этого. Мы ещё не женаты. И если Вы позволите, я бы предпочла не знать подробности личной жизни Лоуренса, – тихо пробубнила Манриетта.

Незнакомка так звонко расхохоталась, что казалось будто прошлой сцены совсем не было. Такая маленькая, хрупкая женщина, а жути наводит как настоящий воин.

– Тогда добро пожаловать, Ваше Высочество. Хотите чаю? – Женщина, задорно улыбаясь, отряхнула руки и проплыла вглубь своих покоев, приказав обоим присаживаться на мягкие подушки тёмно зелёного цвета.

– Какое интересное место, – Манриетта с удивлением отметила стены, покрытые мхом, пол, обитый деревом и очень мягкий ковёр, зеленью раскинутый по всей комнате. Всё это, как и дубовый чайный столик у ног Манри, приводило её в недоумение.

Дело было не в антураже, а в цвете. Каждое королевство придерживалось своих цветов. Ливрес пестрил всеми оттенками красного и золотого, Аргос естественно белый и серебро, Орта все производные синего и светло-зелёного, Сатаний не отличался пышными фейерверками, лишь чёрный, серый и иногда тёмно синий, а вот Монтолия, царство зелени и земли во всех её ипостасях. Когда-то было ещё одно королевство, Костис, пределы Великого вулкана. Люди мало что знают о тех землях, только сказки, которые остались потомкам обитателей тех мест, но поговаривают, что цветом того королевства были оттенки пышного заката.

– Если ты хоть одной душе расскажешь об этом месте, я тебя придушу, – как бы между прочим, произнёс Лоуренс. Несмотря на то, что он говорил тихо и спокойно, Манриетте стало не по себе. Она прервала воображаемый урок по истории континента. Ох, как же она обожала эти уроки. Манриетте показалось странным, что сатанианка выбрала для интерьера цвет не свойственный её дому.

– Напомни мне почему я выхожу за тебя? – Манриетта хотела пошутить, но видимо Лоуренс с утра был не в духе.

– Потому что ты дура, в ином случае уже бежала бы из этого дворца со скоростью света, – его слова больно задели Манриетту. Но, видя как Лоуренс периодически шипит, меняя положение тела, ей стало его жалко. Мама сказала ей, что принц всю ночь промучился от неизвестного ей недуга. Возможно, этот недуг всё ещё приносит ему боль. Но ей было больнее, поэтому язвить Манриетта всё же продолжила.

– У тебя, что, черви в заднице? – Лоуренс так опешил, что перестал елозить и уставился на неё, как на умалишённую. Манриетта так и видела, как шестерёнки в его голове со скрипом начали двигаться.

– Что ты сказала? – О боги, он скоро доведёт её до приступа бешенства. “

Он же не Дарий. Шутки шутить явно не его конёк.

Тихий голос снова напомнил Манриетте о её ночном фиаско, и неприятное чувство начало слегка стягивать ей грудь. Да он не Дарий, он намного лучше. Просто нужно дать ему время вспомнить, как хорошо им было когда-то. Время, чтобы вновь привыкнуть к ней, а потом полюбить.

– Лоуренс, тебе не надоело наводить на меня ужас? Я не сбегу и не выброшусь из окна из-за твоих хамских замечаний. Что за драма? Ты когда превратился вот в это? – Манриетта нахмурилась, указывая на что-то в воздухе.

– Что ты несёшь? – Лоуренс кипел от бешенства, и Манриетте не могло это не нравиться. Реванш.

– А она интересная штучка. Прошлая тихо молилась на тебя, – хозяйка-кошка, пока Манриетта могла её называть только так, несла поднос из тёмного дерева, заставленный фарфоровым сервизом и различными сладостями. Чай пах жасмином и Манриетта, выпив несколько глотков, почувствовала себя как дома. Жасмин. Так пахло в садах около её дома, а также в

любой чайной лавке на базарах Ливреса. А ещё... так пахло от Дария в последнюю их встречу. Да, что ж такое, почему этот дурак лез ей в голову? Он и не уходил отсюда. Снова этот голос...

– Простите, если потревожила Вас. Я пока что тяжело тут ориентируюсь, – Манриетта не лукавила.

Дворец был вдвое больше её дома, хоть и не такой роскошный, ведь её родина не зря славилась золотом и драгоценными камнями. У неё не было такой огромной армии, как у Аргоса, но казна Ливреса превышала в сотни раз.

– Ничего страшного, милочка, – женщина удобно устроилась в своём огромном кресле и, ловко поджав под себя ноги, в чёрных, облегающих штанах из тонкого хлопка, начала лакомиться малиновыми тарталетками. – Но знай, если кто-то узнает, что я нахожусь тут, это человек случайно может исчезнуть. А так как обо мне знают только Лоуренс и ты, а принц боится меня как огня, думаю я сразу пойму, что за птичка нашептала.

– Намёк понят, – теперь уже Манриетта будто с чем-то в заднице, нервно заёрзала от такой неприкрытой угрозы.

– Прекрасно! Люблю понятливых людей. Кстати, я Кора, – улыбаясь, она протянула Манри лимонное печенье, и та, поблагодарив с настороженностью, приняла его, но есть не стала. Мало ли Манриетту сейчас отравят, и на ней род благородного королевского рода окончится. Заметив её настороженность, Кора расхохоталась и махнула в её сторону рукой.

– Это просто печенье Манриетта, никто не отравит тебя... пока что, – юмор конечно у Кору сомнительный, сразу понятно на чём они с Лоуренсом сошлись, но Манриетта всё же слегка расслабилась.

– Прости Кора, она вечно суёт свой нос куда не надо, – Лоуренс устало потирал переносицу и Манриетта сразу поняла, что в его голове со скоростью света образовывается план по её истреблению.

– Всё в порядке, малыш Ло, мне бы не помешала компания человека, обладающего чем-то иным, чем эти ваши причиндалы в штанах, – Кора слегка выпучила глаза так, что Манриетта волей неволей не смогла сдержать смешок.

– Боги, и ты туда же. Я годами привыкал к её непристойным шуточкам, – Лоуренс негодовал, благодаря чему Манриетта поняла, что этот день будет сложно чем-то испортить.

– Но, почему Вы здесь? Разве...

– Да милочка, мне как и многим представителями моего народа не следует тут быть, но видишь ли, у меня нет больше дома. Моей семьи больше нет, муж погиб на войне и на родине меня не особо жалуют, так что этот прекрасный молодой человек был так любезен, что помог мне, так скажем, спрятаться, – Кора смотрела на Лоуренса с толикой материнской ласки в серых, как ртуть глазах. Это было так странно, ведь на вид ей было не больше двадцати восьми.

– Простите, но сколько же Вам лет?

– Манриетта! Некультурно такое спрашивать, – Лоуренс, сам того не ведая, как в детстве, когда она говорила какие-то глупости, дёрнул её за манжету платья из белой парчи с замысловатой серебрянной вышивкой, и этот жест заставил её улыбнуться.

– Ничего страшного нет в таких вопросах, если их задаёт женщина, дорогой. Мне сорок восемь, милочка.

– Сколько?! – Манриетта поперхнулась чаем и слегка облила им корсет.

– Видишь ли, жители Сатания стареют довольно медленно. Мы и живём дольше. Но, опережу твой вопрос, мы не бессмертные. Просто чуточку везучее вас, – Манриетте нравилась эта немного странная, но такая весёлая дамочка. Она чувствовала, что, если и могла подружиться с кем-то в этом куске льдины, то только с ней. Ей не нравился темперамент здешних придворных дам. Она видела в их глазах осуждение и отсутствие веры в то, что спустя столько лет, Ливрес и Аргос снова пробуют создать такой разрушительный союз.

– Ты ведь тоже переживаешь, – не отрываясь от чашки с чаем, спросила Кора. Манриетта напряглась от её вопроса. А та даже не подняла на неё глаза. Она, допив уже вторую чашку ароматного чая, ловко заплетала волосы в длинную косу.

– О чём Вы?

– Ты и сама знаешь. Ваш брак, слегка нестандартен. Когда Лоуренс впервые рассказал мне о соглашении, я подумала, что это шутка ваших слегка взбалмошных отцов. Но, вот прошло уже лет шесть и вы сидите рядом, как два мученика, ожидающих своей участи. Лоуренс в ужасе от одной мысли о браке, ты в ужасе от Лоуренса, точнее от того каким он стал, ведь так? Ещё и этот его скелет на ножках, господи, Лоуренс, заставь уже эту девицу есть, иначе от неё совсем ничего не останется.

– О ком она говорит, Лоуренс? – Манриетта почувствовала, как от слов Кору волосы на руках встали, а под рёбрами стало так горячо, что они могли бы расплавиться. Пожалуйста, только не это...

– Как же? Он не сказал тебе? Как же её... хम्म.

– Амалия! О боги, Кора, сколько раз я говорил тебе о ней, а ты никак имя запомнить не можешь? За что ты её так не любишь?! Что она вам всем сделала?! – Лоуренс аж подскочил от злости. Его белоснежные щёки покрылись алыми пятнами и, бросив на дам гневный взгляд, он направился к двери, напрочь позабыв о застывшей от шока невесте. Он так и ушёл без неё, громко хлопнув дверью.

– Давно я его таким не видела. Какой же он темпераментный, очень напоминает мне моего сына лет в двенадцать. – Кора, как ни в чём не бывало, выдала лёгкий смешок и продолжила возиться с косой, вплетая в неё тонкие серебряные цепочки. Но Манриетта всё же заметила лёгкую грусть в её глазах. У неё был сын. Что же с ним стало? Манри стало так жаль эту женщину. Она была скрыта тут и, возможно, потеряла не только супруга, но и своё дитя. Но Кора будто не замечая её жалости, подняла глаза на Манриетту и продолжила уже серьёзно.

– Все люди, которые принимали участие в том, что привело вас к алтарю, мертвы либо телом, либо душой, дорогая. Будь осторожна. В этом месте столько тайн, что никому нельзя доверять, даже самой себе, – она смотрела некоторое время на Манриетту своими серебряными глазами, а потом снова улыбнулась и встала.

– А теперь ступай, мне ещё нужно заняться кое-какими делами, – Манри резко встала и, попрощавшись с хозяйкой, уже почти ушла, когда Кора вымолвила ей вдогонку, – я всегда буду рада выпить с тобой чаю и ответить на твои вопросы, если они у тебя возникнут. Ты очень похожа на своего отца. Надеюсь, твои поступки окажутся куда благоразумнее, чем его. Ступай, дорогая.

Глава 14

Амалия

Неделей позже

Монтолия немногим отличалась от Орты. Конечно, здесь не было могучих водопадов, а зелень, густо раскинутая по полям и горам, не была такой как в родных краях. Но, это вовсе не те жуткие болота, которыми в детстве пугала её мать.

Амалия была в дороге уже неделю и жутко устала как от духоты тесной кареты, так и от резких смен температуры и климата. Голова её гудела, а задница так затекла, что хотелось выть. Чёртов Лоуренс и его обещания. Она должна была нежиться в горячих источниках во дворце Аргоса, а не ночевать в крохотных комнатных изредка попадавшихся постоялых домов.

Когда они пересекли границу и попали на территорию её будущих владений, Амалия поначалу ужаснулась, встретив густой туман и почти пустые зелёные поля. Лишь овцы изредка попадались её уставшим глазам. Но, чем ближе они приближались к столице, тем сердце Амалии всё чаще делало кульбиты от невероятной красоты, встретивших её густых садов и лесов. Солнечный свет просачивался сквозь пышные кроны деревьев тонкими струйками, отчего лес казался просто волшебным.

– Ваше Высочество, удивлены?

– Это место не такое, каким я его воображала. Матушка говорила, что здесь одни болота да мёртвые земли.

– Это не совсем так. После войны, всё вокруг было разворовано и разрушено. Нынешнему королю пришлось очень тяжело, так как он буквально собственными руками возродил города и деревни из пепла и руин. Он вместе со своим народом сеял поля, ухаживал за скотом. Его Величество не боится запачкать руки, – Амалию передёрнуло от мысли о неотёсанном невежде, за которого ей придётся выйти замуж. О боги, пусть делает всё что угодно, лишь бы в постель приходил вымытым и её саму не тащил в свинарник. От этой мысли Амалия задрожала. Ей придётся делить с ним постель.

– Вам холодно, госпожа? – Колет, маленькая, кругленькая девушка, которую к ней приставили на границе в сопровождающие, уже два дня трещала без передышки. И вроде бы Амалии она была по нраву, но голова болела, и усталость давила на плечи всё больше и больше.

– Нет, просто подумала, что нам будет сложно найти с ним общий язык. Разные нравы. Сложно представить его таким великодушным, как ты его описываешь.

Амалия не могла оторвать глаза от пестреющих разными оттенками зелёного маленьких домиков в столице, куда они наконец прибыли, отчего давление на плечи стало всё ощутимее.

Везде было очень чисто, дорога ровная и ни одной дыры в ней Амалия не почувствовала. Дома были усеяны украшениями и яркими огоньками, хотя никаких праздников в королевстве не намечалось. Это она уж точно знала. Люди сновали по чистым и аккуратным улочкам, а из магазинов и пекарни доносились всевозможные манящие ароматы. Ей так сильно захотелось остановить карету и выбежать в булочную, чтобы купить себе крендель с коричневым сахаром. Но оставалось только сжать ладони и подождать, пока она не доберётся в свой новый дом.

– Он не такой, каким его хотят выставить другие правители. Они знают, что у него нет времени развеивать слухи, вот и говорят о нём всё, что взбредёт в голову. Мы очень благодарны Его Светлости за всё, что он сделал для нас. Я уверена, что вы поладите.

– Надеюсь... – сокрушённо ответила Амалия, а булочная так и осталась позади, как и всякая надежда на бегство.

Каждое движение отдавалось пронизывающей болью, словно мириады иголок пронзали изнеженную шелками и сатином кожу. Она не привыкла к корсетам, туфлям и жёстким тканям. Даже прожив больше пяти лет в Аргосе, так и не смогла привыкнуть.

В Монтолии мода была иной, корсеты потуже, ткани жёстче. Чтобы не расплакаться, она смиренно закрыла глаза, пока шла по коридорам небольшого старого замка, увитого плющом и клематисом.

Амалия широко открыла глаза, лишь когда ей помогли переступить порог тронного зала. От страха и тугого корсета, она ничего не видела. Лёгкая пелена окутала её аквамариновые глаза, и лишь силуэт высокого деревянного трона вырисовывался из общей картины. Приподняв свою руку, она пошла на встречу к тому, кто поднявшись с трона, пошёл ей навстречу, громко позвав по имени.

– Её Светлость, Амалия Катерина Ортская, принцесса водных королевств и покровительница живых вод. Поприветствуйте невесту короля!

Множество тёмных пятен поднялось, увеличиваясь в размерах, что заставило Амалию пошатнуться и замедлить шаг.

Я не должна показывать свой страх. Я ведь почти дошла. Вот он, мой будущий муж, мой личный ад.

Резко остановившись, Амалия почувствовала на своей руке прикосновение его руки, вдвое больше её собственной. То, с какой нежностью и лёгкостью он сжал её ладонь, заставило Амалию слегка расслабиться. И тут же она начала чувствовать как, душа покидает её тело, ноги подкашиваются, а в лёгких не хватает воздуха.

Одним движением, Сириус разорвал на ней корсет, впуская в лёгкие кислород. Глаза широко распахнулись, встретив два ярких изумруда, а руки инстинктивно схватились за декольте ярко-зелёного платья, которое было совершенно испорчено.

– Вам лучше? – Амалия почувствовала боль в ладони, которой сама не ведая того с размаху вlepила Сириусу по лицу.

– Что Вы себе позволяете?! – Взревела Амалия.

Под взволнованный гул многочисленных зевак, он сначала ошарашено уставился на неё, а потом широко улыбнувшись, будто ничего и не случилось, снял с себя тяжёлый плащ и накинул его на хрупкие плечи белокурой принцессы. Сириус был очень высок, широкоплеч. Густая, но аккуратная борода обрамляла его лицо. Он был очень красив. Каштановые волосы с золотыми переливами завивались и подчёркивали ярко-зелёные глаза.

– Ваше тело не привыкло к здешним нарядам, поэтому Вам тяжело дышать и передвигаться. Плюс ко всему, думаю Вы устали и не в духе от голода и отсутствия надлежащих условий, например горячей ванны – он что, намекает что от неё воняет?! Хам эдакий.

– Отведите королеву в её покои и помогите ей переодеться во что-нибудь более удобное. Риз, будь так добр, передай придворной швее, чтобы к завтрашнему утру было готово несколько платьев и сандалий из ортских тканей: Её Величество не обязана носить наши наряды, если ей от этого нездоровится. После ужина Её Высочество сама выберет всё, что ей нужно и уже лично переговорит со швейей. А также, передайте Колет, чтобы немедленно приготовила ванну с благовониями и солью, а поварихе, чтобы предоставила Её Высочеству пищу, да пожирнее и повкуснее. Моя благоверная приехала домой, и её должны встретить как хозяйку этого дома.

– Слушаюсь, Ваше Величество, – слегка коренастый старичок, к которому обращался Сириус, поклонился сначала ему, а потом и ей. А после, как семилетний мальчишка, моментально вылетел из зала.

Что здесь вообще происходит?

– Добро пожаловать домой, мой ангел. Я так давно тебя ждал, – как-то знакомо произнёс Сириус, отчего Амалии снова стало тяжело дышать.

Почему же снова стало так тяжело дышать?

Глава 15

Амалия

Нетвёрдыми шагами Амалия молча следовала за Колет по длинным, но довольно уютным коридорам. В отличие от Аргоса и Орты в этом замке не было большого количества роскошных элементов. За последние полчаса она насчитала только три: вазу с позолотой, в которой нежными оттенками розового переливались маленькие тюльпаны; расшитый золотыми нитями гобелен из зелёного бархата, на котором очень детально вырисовывалась битва на топях, произошедшая шесть лет назад, именно там для Монтолии война была окончена победой; ну и огромная картина в резной золотой раме, её Амалия заметила напротив двери в свои покои.

На картине была изображена семья Сириуса, по крайней мере, так сказала Колет. Маленький Сириус лет пяти ласково обнимал мать за шею. Катерина, пример истинной красоты, смотрела на сына любящими глазами. Как и все представительницы, разорванного на клочки Сатания, она обладала слегка раскосыми глазами цвета неба во время грозы и длинными чёрными волосами. Отец семейства, почивший король Амос, выглядел почти также как и взрослый Сириус сейчас. Только волосы его были слегка светлее. Он с любовью смотрел ярко-зелёными глазами на свою прекрасную супругу, облачённую в пышное платье из атласа малахитового цвета. Картина несла в себе столько любви и нежности, но почему-то Амалии от взгляда на неё стало как-то тоскливо и некомфортно.

– Госпожа, проходите. Его величество дал распоряжение, что если вам не понравятся покои, Вы вольны выбрать любые другие. Но скажу вам по секрету, эти самые лучшие. Он самолично выбирал ткани для облицовки стен и балдахин, – заговорщицким тоном произнесла служанка. Рассказывая это, Колет с горящими глазами чуть не взлетела. Возможно, она думала, что принимает участие в очередной истории любви. Но, к сожалению, ею тут и не пахло.

Переступив порог своей будущей клетки, Амалия ахнула от увиденной красоты. Стены повторяли пейзаж ночных берегов её родины. Приглушённо-голубоватый берег опоясывал плитуса на полу, покрытого мягким светло-серым ковром. Далее берега переходили в переливающуюся водную гладь, которая в конце сливалась с тёмным небом, усеянным мелкими звёздами. Ночь плавно перетекала на потолок, в середине которого вырисовывались все фазы луны. Мебель в спальне была отделана светло-голубыми тканями, а кровать покрывали полосы тончайшего тюля. От всей этой красоты у Амалии перехватывало дыхание, ведь это так напоминало ей о доме, в котором она не была уже очень много лет.

Колет помогла Амалии помыться в огромной, покрытой розоватым перламутром ванне. Если бы не накопившиеся за последние несколько недель стресс, гнев и усталость, Амалия уснула бы в этой чистой воде, источающей её любимые ароматы лимона и соли.

После всех процедур, которые Амалия так любила у себя дома, но так не хватало в Аргосе, её усадили за круглый стол из белого дерева и оставили наедине с невероятным количеством разнообразных блюд. Их было слишком много: суп из морских тварей, запечённая свиная лопатка в мозальских травах на подушке из ароматного риса, салаты из всевозможных свежих овощей, курица, тушённая с чесноком и розмарином, слабосолёная форель и даже её любимый молочный пудинг. А также на стол подали хрустальные графины с вином и холодной водой.

Если бы мать Амалии увидела, что дочь уплетает всё это, убила бы её на месте. Принцессам негоже много есть. Они должны быть хрупкими и нежными. Вспоминая наставления матери, Амалия в очередной раз давась слюной, отодвинула тарелку, съев только немного салата, запив его прохладной водой с лимоном. Тяжело вздохнув, Амалия поправила невесомый халат из нежно-голубого шёлка и молча уставилась в открытые двери балкона.

Позади громко отворили дверь, отчего она слегка подскочила и, повернув голову в сторону тяжёлых шагов, напряглась от встречи с уставшими зелёными глазами.

Сириус, как ни в чём не бывало, уже расстегнул манжеты свободной рубахи, чтобы закатать рукава. Он направлялся в её сторону так, будто это она ошиблась покоями и сидела за его столом.

– Смотрю, ты уже освоилась и отдохнула. Прекрасно выглядишь, ангел мой, – он невозмутимо подошёл к Амалии, по-хозяйски поцеловал её в макушку и сел напротив. Он пах сеном и землёй, а грязь под его ногтями и на костяшках пальцев давала чётко понять, чем он был занят после того, как она оставила его.

– Вы ничего не перепутали? Это мои покои и мы ещё не женаты. Так что будьте добры, освободите их сейчас же, – её глаза так и пылали от его невежества. От того, как нахально он вёл себя в её присутствии, притом что они даже не были знакомы.

– Почему ты ничего не ешь? – Сириус уставился на её почти чистую тарелку и, схватив миску с курицей, начал есть напрямик из неё. *Фу, дикарь какой-то.*

– Я не голодна. Да и не стоит леди много есть. Это плохо влияет на фигуру, – он, на минуту перестав жевать, уставился на Амалию, а потом обвёл в воздухе ложкой её силуэт и чуть не подавился, сдержав смехок.

– Ты тонкая, как папиросная бумага. Кто вообще вбил тебе такую глупость в голову, Амалия? Ты можешь... нет, ты должна есть столько, сколько хочешь. Даже, если от этого у тебя появятся пышные формы. Ты женщина, а не скелет на верёвочке. Женщинам можно всё. А теперь будь добра, у меня был тяжёлый вечер, и я был бы безумно тебе благодарен, если бы ты помогла мне это всё уничтожить.

Наблюдая за тем, как опешившая Амалия, молча накладывает себе рис и небольшой кусочек мяса, он налил ей хорошего медового вина, от которого, ей потом стало так спокойно и хорошо, будто все тяжести многих лет и все её невзгоды вылили в отхожее место. Она всё ещё ненавидела его всем сердцем, и то как он, не обращая внимания на манеры, уплетал все эти яства приводило Амалию в ужас. Этот человек будет с таким же аппетитом пожирать и её в любое время дня и ночи, а она, как всегда, должна будет терпеть и ждать, когда же всё это закончится. Ведь, как повторяла ей мать, словно молитву, Амалия создана быть идеальной женой, покорной и послушной. Всегда молчать и слушать. Мало есть и много отдаваться. “Неважно, как больно будет, терпи и жди.” Самое смешное, что сама мать никогда такой не была.

– О чём ты думаешь? – Амалия вздрогнула от его слегка грубого голоса и посмотрела на Сириуса, на то, как он, закончив есть и вытерев начисто руки, поставил локти на стол и, скрестив пальцы, опёрся на них подбородком. Он смотрел на неё с таким интересом, будто она была чем-то диковинным. Хотя по сути, она и была, – только честно, Амалия, я не потерплю вранья.

– О том, что я снова продана и...мне опять придётся перекраивать всю свою жизнь, – Сириус нахмурился и резко поднялся, слегка задев бедром стол, отчего прозрачные бокалы задрожали и опасно накренились.

Он подошёл к ней и, схватив за плечи, поднял как куклу. А после того, как она почувствовала босыми ногами мягкие ворсинки ковра, приподнял ей подбородок, чтобы взглянуть в полные отчаяния и страха глаза. Амалия молила богов, чтобы когда он возьмёт её, пусть даже грубо, ей не было больнее обычного. Она была в ужасе от того, что это произойдёт так быстро, и она не успеет подготовить своё лоно. Благо за несколько лет она научилась смягчать и увлажнять кожу у входа так, чтобы не плакать, как в первые разы.

– Пожалуйста, не надо... дайте мне хотя бы подготовиться, – Амалия даже не поняла, как её руки от страха сжали его рубашку, и от этого красноречивого жеста брови Сириуса резко поползли вверх. Он отпустил её руки и отошёл на пару шагов назад.

– Что они сделали с тобой? – Сириус смотрел на неё как на раненого зверя, и в глазах его читался такой гнев, что Амалия вздрогнула. Он всё понял. Он понял, что она не чиста. Сейчас он отправит её к матери, а там и до казни недалеко.

– Я не понимаю о чём Вы, – Амалия попыталась взять себя в руки и посмотреть в его глаза без стыда.

– Амалия, Лоуренс что-то сделал с тобой? Напомню, я не приемлю вранья, – она не могла ему соврать, ведь он всё равно всё узнает, но и сказать ему тоже не могла. Поэтому, Амалия молча смотрела ему в глаза, в которых полыхала дикая ярость, и нервно теребила подол халата.

Она любила Лоуренса, по крайней мере, так думала и не жалела о том, что было между ними. Но, порой, он будто отключался во время занятия любовью, и это таинство превращалось в лёгкую пытку. Ей в принципе никогда не нравился этот процесс, только то, как он смотрел на неё. Будто она могла его спасти своим телом.

Сириус разъярённым зверем подлетел к ней вплотную. Он всё также молча вглядывался в её стойкий взгляд, чтобы найти в нём ответ на мучивший его вопрос, и, видимо, всё поняв, громко ударил рукой по столу, отчего стол перевернулся, и вся посуда с грохотом разлетелась по мягкому ковру.

Он резко развернулся и, громко хлопнув дверью, оставил Амалию со своими мыслями. Дрожа от страха, она опустилась на пол, так как ноги её не держали и, слушая, как его яростный крик разнёсся по всему коридору, обхватила колени руками и начала молиться всем богам, чтобы завтра её не выслали домой.

Глава 16

Манриетта

Манриетта всю ночь не спала от потока информации, который снежной лавиной обрушился на неё после прибытия в этот хрустальный замок. Она пробыла в Аргосе всего пару дней, а уже познакомилась с группой повстанцев; поняла, что в её голове периодически блуждают опасные типы; в замке живёт враг, которого укрывает наследный принц и к которому у Манриетты больше симпатии, чем опасений.

Но самое поражающее это то, что за пару дней она даже не поняла, как этот предатель за её спиной обзавёлся любовницей. О боги, они конечно почти не общались все эти годы, и Манриетта подозревала, что у него могли быть увлечения. Но любовь... Эта мысль острым лезвием прошлась по сердцу.

Завтра у них свадьба, а она совершенно не понимала, что делает в этом одиноком замке, если занимает чужое место. Манриетта всё утро в полуживом состоянии наматывала шаги по просторным покоям, которые наконец ей выдали. Теперь она обитала в некоем подобии ливресской обители. Всевозможные оттенки красного переплетались с золотом и мелькали на гобеленах, покрывалах и коврах. Огромный камин с выбитыми по его периметру неизвестными ей символами мог бы сжечь её целиком.

Манриетта любила огонь. Он успокаивал её, и ей никогда не было жарко от него. Она всегда купалась только в обжигающе горячей воде. Ей нравилось, как покалывало кожу, когда вода принимала её тело в свои нежные объятия, а густой пар наполнял и согревал её лёгкие. Поэтому, когда Мисси открыла перед Манриеттой двери в личную купальню с небольшим горячим источником, сердце Манриетты запело от мысли, что теперь этот волшебный мир в полном её распоряжении. Она тут же разделась и погрузилась в глубокий источник. Накупавшись вдоволь, она откинула голову на выступ, позволяя своему телу втягивать жар в каждую клеточку. Открыв свои отяжелевшие веки, Манриетта встретила с невероятной позолоченной лепниной на потолке в виде яркого солнца. Этот знак был ей уже знаком, такой же находился над тронном её отца в Ливресе. Над её тронном.

Она долго ещё наслаждалась нескончаемым жаром, но пришлось вернуться к своим обязательствам. Пока Мисси завершала все приготовления, в покои тихо постучали и, не дождав ответа, открыли двери. Стройная служанка, а потом ещё одна, вплыли в комнату Манриетты, двигаясь как туман над рекой.

Одна несла массивное белоснежное платье из атласа и парчи, чей длинный шлейф чуть не выпал из её рук. Вторая несла небольшой сундучок в одной руке и пару покрытых мелкой алмазной крошкой туфель.

– Что это? – Манриетта догадывалась для каких целей наряд, но не понимала зачем. Она привезла с собой свадебное платье из золотого шёлка и все необходимые аксессуары к нему. Матушка несколько месяцев занималась приготовлением её наряда.

– Её Величество приказала доставить Вам ваш свадебный наряд, госпожа, – девушки улыбались ей как-то натянуто, но вели себя учтиво, отчего Манри стало не по себе.

– Передайте Её Величеству, что у меня уже есть всё необходимое. Но я благодарна за её внимание ко мне, – Манриетта уже повернулась обратно к зеркалу, когда поняла, что девушки продолжают молча стоять, сверля испуганным взглядом её спину.

– Что-то ещё?

– Простите Ваша Светлость, но Её Величество настояла, чтобы вы прислушались к её просьбе и почтили законы Аргоса. Король не любит, когда пренебрегают обычаями нашего королевства. А по обычаю, невеста, чьей семье она бы не принадлежала в прошлой жизни, в новую входит в белом. Надев это платье, она почтит род своего мужа и получит благословение

богов и господина нашего – Короля. – Манриетта застыла как изваяние, а потом медленно перевела взгляд на вошедшую в покои мать. Та сияла, как начищенный до блеска золотой. Но, встретившись взглядом своих медовых глаз с пылающими от злости глазами под нахмуренными бровями дочери, слегка опустила на землю.

– Что случилось, дитя моё? – Она как бабочка, вся в струящихся серебряных одеждах, проплыла к дочери и, поцеловав Манри в макушку, повернулась к служанкам королевы.

– Они не позволяют мне выходить замуж в своём платье, это абсурд.

– Милая... может не стоит так переживать на этот счет? Это ведь просто платье, – Элиза нервно улыбалась, понимая, что все присутствующие в покоях люди легко могут донести королю их разговор. А так как они с дочерью были не на своей территории, проявлять нетерпимость было как минимум опасно.

– Ты не понимаешь! Это не просто платье, это ограничение моей свободы. По соглашению я выхожу замуж как правитель Ливреса. Я не принцесса, у которой нет никакой власти, которая после замужества сливается с мужем и теряет как свой голос, так и какие-либо права. Отец обещал, что я не потеряю свой титул, свое королевство, что мы будем равны. А раз мы равны, я надену СВОЁ платье!

Манриетта тяжело дышала, будто часа два провела на тренировочных матах. Она не понимала, почему в ней кипит такая ярость, раньше злость не проявлялась таким взрывом.

По Лоуренсу она уже отплакала своё, прибыв вчера в свои покои. И дело было действительно не в платье, а в том, что она все еще безумно любила человека, который её отвергает, а также в том, что она уже напрочь лишилась гордости. А может ещё и в том, что начала осознавать, что у нее нет дороги назад. Она сотню раз читала соглашение, мечтая, как в скором времени снова станет центром вселенной этого чуткого мальчика. Но мальчик вырос, полюбил другую девочку, и Манриетта осталась с переполненным любовью сердцем, которую много лет бережно копила для него. А оказалось, что она ему совершенно не нужна.

Если кто-то из них разорвёт помолвку, вторая сторона имеет право запросить треть общего имущества короны, земли, казна, люди. Всё это перейдёт в руки того, кто терпел дольше. Никто не пойдет на такие убытки. В случае отказа, официально объявляется военное положение. Что же будет с ее людьми? Манриетта даже не думала о возможном отказе, когда в тринадцать лет мелким, но изящным почерком ставила свою подпись в документе.

– Прошу простить меня, но мне нужно переговорить с Её Величеством. Где я могу её найти? – Служанки переглянулись, ошарашенные недавней вспышкой негодования.

– Королева, как обычно, в это время в оранжерее. Но...

– Благодарю, – Манриетта уже не слышала ничего. Запыхавшись от тревоги и недавнего марафона ярости, она, спустя пятнадцать минут ходьбы твёрдым шагом, шла по проложенной мелкими камушками дорожке в огромном, цветущем саду королевы.

Увидев тонкий силуэт Виларии, которая спокойно сидела на каменной скамье посреди пышной зелени, Манриетта поначалу прибавила шаг, но когда почти добралась до своей цели заметила, что Вилария не просто сидела на скамье перед разросшейся мелкими белыми цветками поляной. Она тихо роняла слёзы на свои бледные от постоянных тревог щёки. От удивленного, ноги Манриетты изменили ей, и она непроизвольно сделала несколько шагов назад, пытаясь ускользнуть от этой бледной, печальной скульптуры.

– Сегодня такой особенный день для меня, дорогая. Не хочешь присоединиться? – Вилария развернулась в сторону застывшей Манриетты и, выдавив из себя слабую улыбку, указала на пустое место рядом с собой, – обычно в этот день Лоуренс сопровождает меня. Но, видимо, он слишком занят подготовкой к завтрашнему торжеству. Я не могу его винить. Наоборот, я рада, что он нашёл в себе силы идти дальше.

Манриетта молча присела рядом с будущей свекровью и только сейчас заметила, что это не поляна вовсе. Земля была совершенно неровной. Множество холмиков разного размера усеивали её, как самоцветы на перстне Виларии.

– Их слишком много, поэтому я выбрала один день и каждый год прихожу сюда, чтобы составить им компанию. Мой супруг давно перестал считать, а я помню каждого, – осознание того, о чём говорила Вилария, прошибло Манриетту так сильно, что в носу защипало и молчаливая слезинка скатилась по щеке.

– Двадцать три души упокоены в моём оазисе, Гидеона муж отвоевал. Первенец, наследник, любимый сын, гордость династии. Его похоронили в семейном склепе. Кристоф думает, так будет лучше, но я знаю, что ему там душно и холодно. Мой мальчик... супруг видит его не так, как я. Знаешь, дорогая, матери никогда не принимают взрослый облик своих детей. Они хранят в себе лишь образ маленьких душ, которые пришли к ним ещё в утробе. Я совершенно не помню своего сына в день его похорон, но помню, как целовала его пухленькие ручки, когда он просыпался по утрам и щекотал своими светлыми кудряшками мне нос. Я помню каждый раз, когда сама кормила всех своих детей. Мира, моя вторая малышка, так смешно сопела, когда жадно сосала мою грудь, а Лия, моя третья дочь держала своими крохотными пальчиками меня за руку каждый раз, когда засыпала. Оливер, мой третий мальчик, пробыл со мной всего несколько часов, но за это время я не смогла бы полюбить его меньше, чем остальных. Натаниэль, он родился таким маленьким и хрупким. Я помню какие красивые у него были глаза, когда он в последний раз посмотрел на меня, перед тем как покинуть навсегда. Из всех моих детей, осталось лишь двое. Я увидела рождение двенадцати своих малышек, и четырнадцать потеряла ещё в утробе. Но, я любила их всех. Я дала им имена, даже тем, кто не увидел этот свет. Ведь, если у души нет имени, она не сможет найти правильный путь в лучший мир. Как же я надеюсь, моя дорогая, что, там, где они сейчас им тепло и уютно. Надеюсь, им не страшно и они помнят, что сердцем и душой я всегда рядом. Ведь, кто, если не мать должен помнить о своих детях, даже тогда, когда их больше нет?

Вилария ещё долго смотрела на каждый холмик, и Манриетта вздрогнула, когда та молча взяла её за руку и сжала её в своих слегка сухих ладонях.

– Спасибо, что составила мне компанию в этот важный для меня день, – всё также слабо улыбаясь сквозь пелену боли, прошептала Вилария. Она посмотрела на Манриетту, и той стало так стыдно за все свои мнимые невзгоды. – спасибо, что любишь моего сына. Что борешься за его потерянную душу. Он хороший мальчик, просто жизнь в этих стенах сломала его. Я очень надеюсь, что у тебя хватит сил понять его и согреть его сердце. У меня к сожалению на это нет больше сил.

Манриетта не смогла выдать из себя ни одного звука, она ещё долго плакала после того, как Вилария поднялась, шурша атласной тканью, и, ласково поцеловав Манриетту в лоб, молча удалилась из сада.

Глава 17

Амалия

Амалия несколько дней не спала в ожидании своей участи, но вместо новости о ссылке на родину её будили ароматными булочками и горячим кофе с молоком. Потом как куклу наряжали в самые мягкие ткани и устраивали экскурсии по замку, саду, конюшне и даже по прилегающему к замку фермерскому хозяйству.

Колет, с гордостью, не умолкая, рассказывала о всех достижениях их невероятного правителя, которого Амалия так ни разу за эти дни и не видела. И от этого с каждым днём страх превращался сначала в негодование, а потом в тихую ненависть. Он точно её наказывал, либо мать Амалии, а может и отец Лоуренса хорошо заплатили за то, чтобы этот бугай закрыл глаза на её оплошность.

Лишь спустя пять дней этих скитаний, после которых Амалия ела как лошадь во время утреннего туалета, Колет сообщила ей, что Его Величество пригласил Амалию на судный день. Увидев беспокойство Амалии, Колет поспешила пояснить, что так называются дни, в которые любой житель королевства может прийти к королю и попросить о правосудии. И так как Амалия будущая королева Монтолии, ей было бы полезно присутствовать.

Не видя в этом ничего дурного, Амалия даже слегка обрадовалась, ведь это было лучше, чем часами месить ногами грязь на огородах.

Когда Амалия зашла в тронный зал, сразу же заметила, что возле трона Сириуса установили такой же, только поменьше, для неё. Он, что, издевается над ней? Потом Амалия перевела взгляд на уставшие глаза Сириуса. Она сразу поняла, что либо он много работал эти дни и мало спал, либо история произошедшая между ними сильно по нему ударила.

После всех объявлений она уселась на мягкую подушку, которую для неё специально установили, так как у Сириуса такой точно не наблюдалось. Только дерево и минимальное количество украшений.

– Рад видеть, что ты в полном здравии. Колет донесла мне, что ты хорошо питаешься и много времени проводишь на свежем воздухе, – всё было именно так. Амалия даже начала замечать, как тело её стало лучше себя чувствовать, оно словно феникс возрождалось из пепла. Но, её немного задело то, что Сириус даже не взглянул на неё.

– Да, я благодарна Вам за столь тёплый приём, Ваше Величество, – от формальности её слов, он слегка скривился, будто Амалия подсунула ему в ужин червя.

– Я обязан заботиться о тебе, Амалия. Перестань паясничать, мы уже давно перешли на ты, – от его слов ей стало немного легче. Он не злился на неё. Всё выглядело так, словно Сириусу было больно находиться рядом с ней.

– Тогда почему ты не смотришь на меня, когда разговариваешь со мной, Сириус? – Он резко повернулся к ней и от огня в его глазах, она поёжилась. Нет... всё же он ещё злился на неё. Не стоило будить лихо... Поэтому она притихла, как мышь в норке.

Амалия молча наблюдала за тем, как Сириус терпеливо выслушивал всех пришедших. У кого-то корову украли, у кого-то дочь понесла от соседского мальчика, а они даже не женаты. Кто-то вообще пришёл, потому что сосед два медяка год назад задолжал и не отдаёт.

Амалия уже молила богов сжалиться над ней и выволить из этой вереницы скуки. Но в конце, когда в зал зашли сначала бодрой походкой прилично одетый пожилой мужчина, а следом за ним уставшая, очень бедно одетая молодая женщина с вопящим свёртком, у Амалии что-то переклинило. Она выпрямилась и пристально посмотрела на женщину. Та нервничала, пытаясь успокоить ребёнка, а малыш так истошно кричал, что сердце у Амалии сжалось и не отпускаяло, пока Сириус не заговорил.

– С чем же вы ко мне пришли? – Амалия заметила как Сириус напрягся от плача ребёнка.

– Ваша Светлость. Меня зовут Амадэй Тори. Я держу самую большую ферму в Конасе. Тот, что на юге королевства...

– Я знаю где находится Конас. Сам бывал там, когда восстанавливали платину. И тебя помню, что ж случилось Тори?

– Эта женщина, пытается меня оклеветать. Потщила меня к Вам, а я ей говорю, что нет у Его Величества времени на такие пустяки.

– Я уж сам решу пустяки это или нет, – Сириус обратился к женщине, и брови его ещё больше сдвинулись на переносице. Та, шмыгнув носом, вышла немного вперёд, укачивая младенца на руках.

– Я никогда не потревожила бы Вас, мой господин, понапрасну. Я не знаю куда мне деваться. Меня зовут Нэлли, а дочь мою – Кара. Этот человек убил моего мужа, я осталась с ребёнком на улице, – Амалия заметила, как женщина опустила от стыда огромные карие глаза в пол, но младенца всё также крепко сжимала в дрожащих руках. А он всё кричал и кричал.

– Да, тут каюсь. Но он воровал у меня, Ваше Величество. А я по доброте душевной приютил всю его семью, лечил их больного сына. И несмотря на мою доброту, он обворовывал меня. За воровство в наших краях убивают, милорд.

– Что скажешь на это Нэлли? – Отмахнувшись от неприятного на вид мужчины, громко спросил Сириус. Худая, как тростинка, Нэлли тяжело вздохнула и, подняв на Амадэя полные ярости глаза, зашипела.

– Он не платил нашей семье за работу. Мой муж...мой покойный муж Той, он работал без выходных, чтобы прокормить семью. Наш сын сильно болел, Ваша Светлость, и всё уходило на него. Еды не хватало, а я ещё и на сносях. За лекарства для ребёнка Тори вычитал с процентами из жалования. Когда он...когда наш мальчик умер, хозяин не дал нам его даже нормально похоронить. Сказал, что и в мешке от картошки сойдёт. Он мол мёртвый уже, зачем ему похороны, – на этих словах Нэлли всхлипнула, отчего Амалия чуть не подорвалась с трона, – мальцу было всего пять годков, а он его в мешок засунул, да в яме за конюшной закопал. После этого Той начал подворовывать, это правда. Но, то были лишь остатки, что хозяин в любом случае либо свиньям скормил, либо и вовсе выбросил бы.

– А молоко? По литру в день не насчитывал!

– Молчать! Тебе слово я уже давал, – отрезал Сириус, явно закипая. Амалия уже сама разрывалась, поэтому не сразу почувствовала, как надвигается буря.

– Да! Воровал он молоко, лишь потому, что я родила, и от горя по сыну, из-за постоянного голода, у меня совсем пропало молоко. А дочь каждую ночь кричала. Вот муж и начал молоко воровать. А хозяин, уловив его на этом, лопатой его по голове бабахнул, Той как стоял, так замертво и упал. А я уже неделю, как схоронила его и не знаю...не знаю, чем кормить дочь. Она уже совсем истощала. Вон, пищит, как котёнок. Помогите мне, милорд, мне не к кому больше пойти, не у кого попросить помощи.

Амалия, не выдержав, быстро встала и, подбежав к упавшей на колени женщине, схватила ребёнка и по-хозяйски окрикнула служанку. Прыткая Колет подбежала к хозяйке, и Амалия передала ей ребёнка.

– Мигом покормите ребёнка, вымойте и уложите спать, как проснётся покажите её лекарю.

– А Вы, – она еле дыша посмотрела на испуганную женщину. (Нэлли смотрела полными слёз глазами на Амалию, боясь, что сейчас у неё отберут и это дитя тоже), – вам отдадут дочь, не переживайте. Но Вас тоже должны осмотреть и покормить, вы совсем исхудали.

Колет кивнула и также быстро ретировалась из зала, будто чувствовала надвигающуюся опасность.

– Дак, что ж это, эти твари меня обворовывали, а я ещё и плохой? – старик пыхтел от негодования, сложив руки на толстом животе, обтянутом дорогим жилетом.

И тут Амалию переклинило окончательно. Она развернулась и посмотрела в сторону будущего мужа, который хоть и молчал, но был очень недоволен. Это было заметно по вздувшимся венам на его руках, когда он крепко сжимал подлокотники трона.

– Мой господин, мудрейший из мужей. Я ещё мало смыслю в законах вашего королевства. Подскажите пожалуйста, а что будет с человеком, который забрал чужую жизнь, невинную жизнь?

Сириус пристально посмотрел на неё и, видимо уловив ход её мыслей, а также дикую ярость в глазах, лишь пожал плечами и, прикрыв губы рукой, откинулся на спинку трона.

– Их приговаривают к казни, душа моя, – Амалии не нужно было иного разрешения.

Не ведая, что творит, она вытащила из ножен ближайшего стражника длинный кинжал и, с непонятно откуда взявшейся силой, всадила его прямым в сердце изумлённого Амадэя. Горячая кровь хлынула по руке, и от её вида Амалию затрясло.

Что было потом, Амалия помнила крайне смутно. Она слышала, но словно сквозь толщу воды, крики испуганной Нэлли, булькающие звуки от упавшего на пол тела, шумиху и топот ног. Но видела она лишь два ярких изумруда и очень довольную улыбку. Но заметив что-то в глазах Амалии, Сириус вскочил и ринулся к ней. Он вовремя подхватил её, когда после спада бурных эмоций, она начала терять почву под ногами. И уже почувствовав тёплые, крепкие объятия Сириуса, она начала терять сознание. Но перед полным забытием едва уловимо она услышала:

– Добро пожаловать домой, моя королева.

Глава 18

Амалия

Проснувшись от громких воплей и глотая хлопья воздуха, Амалия села на кровати. Испуганными глазами она заозиралась по окутанной полумраком комнате. Ночь. Она задыхалась от ужасных картинок, вереница которых мотыльками проносилась в её голове. Они прилетали и вмиг угасали.

Амалии снился остекленевший, совсем холодный взгляд Амадэя и то, как под аккомпанемент криков и стенаний Нэлли, его тягучая, как мёд кровь стекала по нежным пальцам.

Крики постепенно стихли лишь тогда, когда чьи-то огромные, слегка шершавые ладони накрыли лицо Амалии и рывком прижали её к твёрдой груди.

Почувствовав прикосновение тончайшего хлопка под щекой, а также мерных поглаживаний по длинным, мокрым от пота и слёз волосам, Амалия начала потихоньку приходить в себя. Именно в этот момент она поняла, что вопли, которые разорвали её связь со сном были реальны, они исходили из неё самой.

Амалия ещё долго всхлипывала на груди Сириуса, хватаясь за него как за последнюю надежду остаться за той гранью, которую так глупо перешла этим утром.

Она превратилась в такое же чудовище, как и люди из её прошлого – те, кто годами прикрывался благими намерениями, совершая чудовищные поступки. Амалия долго оставалась безмолвным свидетелем этих злодеяний, а порой и их невольной соучастницей.

– Амалия, сердце моё, посмотри на меня, – Сириус уже несколько минут пытался достучаться до неё, но Амалия, будто находилась в ином мире. И только слегка встряхнув её, Сириус начал замечать просветление в её затуманенном паникой взгляде.

– Амалия, я здесь. Я с тобой, свет мой. Слышишь меня?

Сморгнув с себя остатки страха, Амалия наконец встретила взглядом с весенней листвой, бушующей в глазах будущего мужа. Обрадовавшись, он хотел поправить ей упавшие на лицо волосы, но её передёрнуло. Амалия резко толкнула Сириуса, да так сильно, что тот, не ожидая от неё такого, кубарем слетел с мягких перин.

– Не трогай меня! – Закричала она, сжимая на груди мягкую ткань.

Сириус поначалу изумлённо смотрел на её нахмуренные от негодования и страха брови, а после молча встал, поправил рубаху и с совершенно нечитаемым выражением лица упёрся руками по обе стороны от Амалии. Он навис над ней, как огромный медведь над свежим ужином. Хотя, в случае Амалии, это был скорее перекус.

– Ты перепугала всю прислугу, навела жуткий беспорядок, а также заставила меня отложить все запланированные дела на сегодня и сидеть у твоей постели почти целый день. Порой мне кажется, что ты создана убивать мой покой, Амалия, – от его слов у нее слегка, совсем чуть-чуть, потеплело на душе.

Сириус беспокоился о ней, хотя после всего, что произошло, она была уверена, что он вышлет её, как испорченный товар. Но, когда Сириус плотнее придвинулся к ней, случайно касаясь пальцами её голых ног, Амалия сжалась, выпуская свои колючки. Она отползла от него настолько, насколько могла.

– Что... что ты делаешь, Сириус?

– А на что это похоже, Амалия? – Он пристально следил за её взглядом, и, когда тишина в его глазах сменилась голодом, Амалия напряглась и шумно втянула в себя воздух. Его хриплый голос и искорка плутовства заставили её отвести взгляд. Амалия знала, что последует после этого, слегка приятного на этот раз спектакля. Всё будет так же, как все те разы. Неприятный зуд, возможно ещё пару дней будет болеть, но потом эти мимолётные признаки снова исчезнут вместе с очередной частичкой её души.

Сириус вырвал её из неприятных мыслей, резко, но не больно схватив за подбородок и скинув его. Он заставил Амалию смотреть себе в глаза.

– Смотри мне в глаза Амалия. Я должен понимать, о чём ты думаешь, раз ты сама мне ничего не говоришь, – на этот раз его взгляд был напряженным, совершенно лишенным даже намёка на похоть, – чего ты хочешь от меня?

– Я не хочу, чтобы было больно. Если ты хочешь взять меня, сделай это... не так болезненно, – глаза Сириуса, как и в конце их прошлого подобного разговора, вспыхнули яростью, и Амалия уже напряглась от мысли, что он снова уйдёт или возможно ударит её. Он выпрямился, вытянув перед собой руки, и, будто защищаясь от опасного животного, отошёл от её кровати. Сириус сел напротив Амалии в мягкое кресло, обитое голубым бархатом. Он устало потёр крупной ладонью глаза и переносицу, а потом, откинув голову назад, и вовсе закрыл ею глаза.

– Я в последний раз задаю этот вопрос, Амалия, и надеюсь на честность. Что они сделали с тобой? – она не ожидала, что это единственное, что сейчас его тревожило, – Лоуренс. Он принуждал тебя к...

– Нет, – ответ вырвался ещё до того, как она успела подумать, – он не принуждал меня. Я легла с ним по любви.

– Вот как. Получается, ты любишь его, свет мой? – Сириус вновь смотрел на неё усталым взглядом.

– Получается так, – к сожалению, Амалия не была уверена в своих словах. Она не знала, что такое любовь, лишь то, о чём упорно вбивала в голову мать.

– А он? – А вот тут было сложнее. Она надеялась, что Лоуренс любил её. Что он испытывал к ней такие же тёплые чувства.

– Конечно, – прозвучало это слишком уж на грани. Сириус слегка наклонился к ней, и мышцы на его широких плечах завораживающими волнами перекатились под его слегка загорелой кожей. Она заметила это даже под тонкой тканью рубашки, так туго она на нём натянулась.

– Тогда, что же ты делаешь тут со мной, раз он так сильно любит тебя?

– Всё слишком сложно, Сириус. У него есть долг перед народом и своим королевством, – Амалия невольно поддалась вперёд, отчего они оказались так близко, что его тёплое дыхание, пропитанное запахом имбирного чая, опалило ей ключицы. Ей так захотелось стереть с его лица эту лукавую улыбку.

– Ох нет, Амалия. Всё намного проще, ведь у меня тоже есть долг перед своим народом. Но я даже и не подумал отказаться от тебя.

– Ты ничего не терял от этой сделки, Сириус. Я уверена, моя мать или дядя уже отвалили тебе знатное вознаграждение за то, что лишил их такой крупной неприятности, – Сириус так громко рассмеялся, что аж слегка хрюкнул, отчего у Амалии поползли вверх уголки непослушных губ. Вдоволь насмеявшись, Сириус небрежно развалился на кресле, в котором с трудом помещался, и, едва сдерживая улыбку, кинул ей то, чего она точно не ожидала.

– Ни гроша, они не дали мне ни одного медяка за тебя. Это я, как ты выразилась, отвалил им значительную часть своей казны за то, чтобы сейчас лицезреть тебя, злющую как голодную волчицу на своей постели.

– Что ты несёшь?! – Амалия просто опешила от его лживых речей. Зачем ему выкупать её?

– А что я должен был сделать? Этот кусок дерьма, аргоский тиран сообщил мне, что, ты была крайне неосмотрительна, раз оказалась в столь щепетильном положении. И ему, к превеликому сожалению, придётся послать тебя на волю твоей матери. А я знаю ваши законы, Амалия.

– То, есть... ты пожалел меня? Просто купил меня на потеху, чтобы потом воспользоваться, как и они? – страх, неверие и кипящий огонь внутри сменяли друг друга, пока Амалия переваривала его слова. Её снова поимели.

– О нет, что-то, но не жалость двигала мной, и даже не похоть. Что бы ты не слышала обо мне, я не чудовище, Амалия. Я не разворачиваю города, не разношу по кирпичикам поселения, не убиваю на потеху себе, и даже не насилую юных дев. Хотя, если они того желают, конечно, вполне мог бы согласиться, – Амалия грозно метнула ему предупреждающий взгляд, когда неприятное чувство змеёй начало разворачиваться под рёбрами.

– Да шучу я! Ты же не мешок зерна, чтобы купить тебя. Я понял, что ты теперь свободна, и решил спасти твою жизнь. Но, не для того, чтобы потом воспользоваться. А для того, чтобы, если буду тебе противен, отпустить, – Амалия не верила ему. Сириус чётко сказал ей, что Амалия теперь свободна и вольна уйти в любое время. Но куда ей идти. У неё не было ничего, ни одной крупинки своей собственной жизни.

– Зачем ты это сделал? – Амалия подняла на его полные непролитых слёз аквамаринные глаза и уже знала, что он скажет, хотя боялась это услышать.

– Потому что именно так выглядит любовь, дорогая моя.

– Что ты несёшь, Сириус? Ты даже не знаешь меня, как ты можешь бросаться такими словами? – О боги, это такой абсурд. Либо он играет с ней, либо у него такая форма извращения. Сначала будет обливать её любовным сиропом, чтобы потом делать с ней всё, что угодно, прикрывая это чувствами. Амалия уже видела такое, так что нет, она не верила ему.

– Это ты не знаешь меня, точнее сказать не помнишь, ведь, когда я видел тебя в последний раз ты была лет на семь младше. Сколько же тебе тогда было? Четырнадцать? Война тогда была на самом пике, отца убили, мать исчезла. Потом уже стража нашла... то, что от неё осталось. Я ещё не вошёл в право наследия и находился на ближайших территориях к твоему королевству. Меня туда сослал отец, чтобы... чтобы не потерять. Это официально война была окончена на год позже, а в Монтолии всё завершилось намного раньше, и пока совет попечителей приводил дела отца в подобие порядка, я просто ушёл. Мне нужно было какое-то время, чтобы принять потерю. Я был зол, наполнен такой тёмной, сжигающей разум яростью. Но, помимо всего этого, во мне сидел страх, Амалия. Я боялся ответственности, которая в один миг свалилась на меня, как ушат ледяной воды. Я остановился у знакомого отца – Илая. Он держал постоялый двор недалеко от твоего дома. Видишь ли, отец был простым человеком и не любил всю эту помпезность и роскошь, присущую вашим дворцам. Поэтому, когда он приезжал с политическим визитом в Орту, останавливался у Илая. Это был красивый, уютный дом с огромным садом и прудом. Меня оставляли там: сначала потому, что мне не полагалось посещать собрания, а потом – просто потому, что я сам того не желал. Я помогал Илаю с лошадьми и садом, купался в пруде и жил свою лучшую жизнь в безмятежном покое. Конечно, когда закончилась война, я уехал в то место – в дом, не разрушенный огнём и ублюдками Сатания. Я снова помогал по хозяйству, много отдыхал и восстанавливался наедине с природой. Но злоба и ярость никуда не уходили. С утра до вечера я занимал себя работой, чтобы забыться, а перед началом нового дня, несколько часов плавал – чтобы хоть немного очистить разум. Водная гладь, покрытая пеленой зарождающегося дня, была такой безмятежной, что только в этом месте я мог дать волю своим эмоциям. Там я тебя впервые и увидел. Ты, словно воровка, кралась по берегу пруда, прижимая к мокрой груди свои вещи. До сих пор помню, как туман обвивал твои голые ноги и будто бы впитывался в промокшие насквозь волосы. Ты явно не ожидала кого-то там встретить. До сих пор помню: заметив меня в двух метрах от себя – я обсыхал на берегу после двухчасового заплыва, – ты сначала застыла, словно пытаешься слиться с окружением. А потом, вспомнив, что тонкая сорочка на тебе промокла и ничего не скрывала от моих глаз, ретировалась. До сих пор помню, как блестели от влаги твои ноги, когда ты убегала.

Сириус рассмеялся, вспоминая тот один из самых позорных моментов в её жизни. И тут она вспомнила то, о чём долгие годы не могла забыть. Тогда он выглядел совсем по-другому. Поэтому она его не узнала. Мышцы его могучего тела ещё не обрамляли Сириуса так, как сейчас, а юное, свежесбритое лицо было слегка осунувшимся. Даже голос вместо глубокого и бархатного был мягким и печальным. Глаза тогда были тусклыми и более тёмными что-ли.

Через несколько дней после того инцидента, она снова пришла на то место, куда сбегала несколько раз в неделю поплавать. Там не было удушающего натиска дворцовой жизни, лишь тишина, слегка прохладная чистая вода и свобода. Он ждал её одетый. Она тоже не решалась раздеваться.

Поначалу Амалия вела себя осторожно и близко не подходила к нему. Но когда он после знакомства начал травить байки и смешить её, Амалия расслабилась и проговорила с ним несколько часов. Он назвался иным именем, сказал, что после окончания военных действий решил приехать к другу и помогать по хозяйству, пока не решит, что делать дальше.

Они провели прекрасные несколько месяцев в обществе друг друга. Он учил её разбираться в растениях и мастерить деревянных зверушек, а она – плавать под водой и находить маленькие сокровища на берегу моря, куда они частенько заглядывали. Поначалу, он казался ей слегка озлобленным, но то было и понятно, он прошёл через войну. Видел её собственными глазами. Но потом, злость растворилась, и глаза его наполнились чем-то наподобие успокоения. Он словно обрёл всё, для чего приехал, и решил плыть дальше по течению.

Через два месяца, Амалии исполнилось пятнадцать. В этот день, сбежав из дворца, она прибыла на их место у пруда так рано, что небо ещё не окрасилось в нежно-розовые оттенки, а звёзды всё ещё мелкой россыпью покрывали небо. Юноша, такой красивый и расслабленный, встретил её широкой улыбкой и крепкими объятиями. Именно тогда Амалия, впервые в жизни покрывшись от трепета мурашками, потянулась к нему и поцеловала. Это был её первый поцелуй.

Ей так хотелось почувствовать, каково же быть простым человеком. Девушкой, которая сама может распоряжаться своими чувствами. Он сначала изумился её порыву, а потом, убрав с лица Амалии мешающие пряди, нежно поцеловал в ответ. Поначалу ласковые прикосновения становились всё жарче, и вот уже её руки блуждали по его телу.

Он подарил ей чувство свободы, смелость и веру в то, что в отличии от матери, её может ждать счастливый конец. Но, он не спешил, и, поцеловав её в нос, с затуманенным от желания взором протянул ей подарок. Кулон с маленьким изумрудом висел на тонкой цепочке. Он до сих пор хранится в шкатулке с сокровищами Амалии рядом с последним подарком отца – крошечными серьгами с топазами.

– Ах ты, подонок. Ты оставил меня! Ты обещал вернуться и забрать меня, – Амалия в бешенстве начала бросаться в опешевшего Сириуса то подушками, то подвернувшейся расчёской из чистого серебра, которую подарил ей Лоуренс в последний день рождения, буквально несколько месяцев назад. Она так резко прыгнула с дивана и схватила тяжёлый подсвечник, что Сириус, действительно испугавшись, вскочил и сверля её непонимающим взглядом, с поднятыми руками, пошёл ей на встречу.

– Амалия я... – она зарядила ему подсвечником по плечу, выше не дотянулась, а жаль. Сириус, шипя, схватился за повреждённую руку, которая слегка начала кровоточить, но Амалию это не остановило. Она будто хотела наверстать эти долгие годы, которые давили на неё со всех сторон. Она сделает ему больно, так, как сделал он ей.

Амалия до сих пор помнит, как долго обнимала его и плакала, после того, как через несколько недель после поцелуя он сообщил, что ему нужно уехать на несколько месяцев, а после он вернётся и с разрешения её родителей заберёт в свой дом в качестве жены. Он уверял её, что всё будет хорошо, целовал её заплаканные глаза и опухшие губы.

В Орте выходили замуж с тринадцати лет, поэтому возраст не был помехой, но вот мать. Амалия не сказала возлюбленному кем была на самом деле и решила что, как только он вернётся, просто сбежит с ним. Она готова была жить в маленьком домике в глуши, лишь бы с ним.

Как же она была глупа и наивна. Ведь он пообещал ей, дал слово, что напишет ей, отправит письмо через её верную няню, которую она обозначила, как свою мать. Та часто помогала Амалии со встречами. Но прошло три месяца, потом ещё столько же и ещё. Амалия каждый день расспрашивала няню, бегала на их место. Но он так и не вернулся.

Поначалу она плакала и переживала за него, ведь на его родине было ещё очень опасно. Солдаты Сатания стёрли Монтолию с лица земли. Но потом Амалия просто смирилась с мыслью, что стала глупой жертвой очередного заблудшего солдата.

В её шестнадцатый день рождения мать, видя что с дочерью что-то не так, отправила Амалию погостить к тёте в Аргос на неопределённый период, который затянулся на долгие пять лет. По факту, мать дала распоряжение быть очень ласковой с Лоуренсом. И Амалия, чьё сердце уже ничего не чувствовало, с лёгкостью согласилась. Она была послушной, как и всегда до появления Сириуса в её жизни. Поэтому, по поручению матери, сблизилась с принцем, ведь она всегда делала то, что та говорила. Совсем как в детстве, когда зачем-то крала письма Лоуренса и Манриетты. Мать приказала ей не пропускать ни одного, и Амалия так и сделала.

– Я не лгал тебе, Амалия. Послушай меня, – она не дала ему возможность оправдаться и, как дикая кошка, подбежала и вlepила сначала одну, а потом и вторую пощёчину, выливая на него поток отменной брани.

– Не смей снова лить воду мне в уши, скотина. Я достаточно наслушалась от тебя тогда, лживая ты сволочь, – теперь она не боялась его. Амалия была в бешенстве и совершенно не узнавала себя. Будто впервые за шесть лет их разлуки она отпустила вожжи. А Сириус, пытаясь вставить хоть одно слово, позволял ей лупить себя.

– Амалия, свет мой, посмотри на меня! – Он устало ждал, когда она выпустит пар и снова сможет его услышать. А ему многое предстояло ей рассказать. Но в ней будто второе дыхание открылось. Словно она годами копила весь свой гнев по крупицам.

Амалия кричала, била его в грудь, царапала ему щёки и руки, бранила его. Вся эта эпопея длилась целую вечность. Но наконец она устала и, оттолкнув его в последний раз, как раненное животное, едва волооча ноги дошла до кресла и грузно опустилась в него. Сириус последовал за ней, молча опустился на пол у её ног и взял в свои руки нежные пальцы Амалии. Она была так обессилена, что даже не одёрнула их, смотря на него пустыми глазами.

– Я правда тебе не лгал. В Монтолии дела были хуже, чем я думал. Половину совета пришлось либо лишить полномочий, либо казнить. Я почти не спал полгода, так как выживших людей было так мало, а вся территория была так разрушена, что приходилось работать сутками напролёт. Но я писал тебе, очень много писал, ведь лишь мысли о тебе двигали меня вперёд. Я должен был быстрее тебя увидеть. Но не получив ни одного твоего ответа, я впервые написал на тот адрес, который ты мне оставила на крайний случай.

– Каково же было моё удивление, когда я получил ответ прямиком от королевы Орты. Когда твоя мать чётко разъяснила мне все тонкости нашего положения, я не мог поверить, что моя нежная, ласковая возлюбленная оказалась не той, кем я её представлял. Она писала, что если я, после всего на что обрёл её дочь, готов взять на себя ответственность, тогда должен был выплатить ей сумму назначенную в письме. Амалия, я был в отчаянии, ведь тогда ещё даже на сотую долю не приблизился к той сумме. Мой двор голодал, люди гибли от болезней.

– Я бы продал для этого всё, но никому не нужна была эта богами забытая земля. Поэтому я начал работать ещё усерднее, а когда через два года прибыл к твоей матери снова свататься, я мог предложить ей больше запрошенной суммы. Но она лишь пожала плечами и сказала, что ты уже пристроена и вскоре станешь править в ледяных просторах. Я ничего не знал о соглашении между Ливресом и Аргосом, поэтому выплюнув ей на прощание всё,

что думал о ней, отправился восвояси. Буквально год назад Кристоф сам связался со мной и предложил условия, благодаря которым я мог вызволить тебя. Уверял, что о тебе заботятся, но намекал, что это ненадолго. Буквально за пять дней до твоего отъезда я самолично приехал и подписал бумаги. Раньше, к сожалению, просто не мог. Условия были... слегка сложными.

Амалия быстро вскинула на него горящие глаза, будто вспомнив что-то. Она разлепила высохшие губы и тихо выдохнула.

– Ты... это ты был тогда на балконе, – Сириус наконец расслабился и улыбнулся ей, но звонкая пощёчина обожгла его щеку. Инстинктивно он схватил её за запястье. Амалия тяжело дышала от вновь поднявшейся волны гнева.

– Ты можешь лупить меня хоть каждую секунду нашей жизни, но я просто пытаюсь донести до тебя истину Амалия. Ты свободна, ты никому ничего не должна, если ты так сильно меня ненавидишь, я смирюсь. Я выделю тебе титул, поместье, людей. Ты никогда в своей жизни ни о чём меня не попросишь. Всё будет у твоих ног ещё до того, как ты этого пожелаешь. Но, если в твоём сердце найдётся хоть одна крупинка надежды для меня, и ты сможешь дать мне шанс всё исправить, снова завоевать твоё сердце, – останься. Останься со мной.

– Когда я просила, нет... я умоляла тебя остаться со мной. Убережь меня от всей той грязи, к которой готовила меня мать, ты ушёл, – от её слов Сириус напрягся, боясь, что она снова покинет его. Выбросит из своей памяти, как уже сделала однажды. Но, Амалия лишь размякла в мягких объятиях кресла, и, подняв на Сириуса глаза, тихо принялась выдвигать ему приговор.

– Я никуда не уйду, Сириус. Я буду блуждать по этому замку как привидение, как укор тебе за всё, на что ты обрёк меня тогда. Холодная и неприступная, я никогда не отвечу на твои пылкие чувства. Во мне больше нет любви, она умерла, иссохла в тот год, когда ты меня бросил. Я больше не подпущу никого к своему сердцу. К телу, пожалуйста, мне не привыкать, но сердце я тебе больше не отдам.

– Мне не нужно твоё тело без твоего сердца. Ты нужна мне вся, Амалия, – процедил он, борясь со страхом.

– Как жаль, Сириус, но это всё, что я могу тебе предложить, – месть промелькнула в её глазах. Он понял, на что теперь уже она обрекла его. Амалия хотела быть рядом, но никогда полностью ему не принадлежать, чтобы он также мучался как и она. Но проблема заключалась в том, что он не переставал мучиться. Он никогда не переставал её любить. Сириус поднёс её ладонь, которую всё это время не отпускал, к губам и ласково поцеловал запястье, вдыхая знакомый запах её кожи.

– Прости меня, Амалия.

– За что же?

– За то, что те, кто должен был оберегать тебя, использовали тебя в своих грязных делах, а меня не было рядом, чтобы им помешать. А также за то, что боясь обречь тебя на бедность и ужасные последствия войны, я потерял тебя. Если ты хочешь меня наказать, валяй. Я уже тысячи раз сам себя наказывал за свою трусость. Я хотел для тебя лучшей жизни. Хотел, чтобы ты вошла в мой дом, как полноправная хозяйка. Прости меня, мой свет, за всю боль, что я тебе причинил. Прости, что не уберёг.

Сириус так и не понял, что повлияло на дальнейшие действия Амалии. Но, после его слов она, не сводя с него взгляда, опустилась перед ним на колени, и, схватив его лицо ловкими пальцами, впилась своими потрескавшимися губами в его.

Сириус не сразу ответил на её поцелуй, но когда это случилось, растворился в нём, хоть и подозревал, что это всё не так просто, как кажется. Амалия не простила его, и Сириус чувствовал это по тому, как её острые ногти больно впились ему в щеку и нижнюю челюсть. Но, он терпел, понимая, что слов недостаточно, чтобы вернуть её до конца. Он решил, что будет усердно работать над тем, чтобы обуздать её ярость, над тем, чтобы она простила его.

Быстро схватив Амалию одной рукой за талию, а второй подхватив за мягкие ягодицы, Сириус поднял её как пушинку. Он ни на секунду не обрывал потока горячих поцелуев, а Амалия всё продолжала свою немую борьбу с ним. Она кусала его губы, царапала шею и всего на несколько секунд оторвалась от Сириуса, когда до боли схватила его за волосы и резко дёрнула за них, чтобы посмотреть ему в глаза, пока будет переводить дыхание.

Она наслаждалась мнимым контролем над его чувствами. Теперь не с ней играли, не её использовали как куклу. Она могла диктовать свои правила и не ждать наказания. Подумав об этом, Амалия окончательно выключила голову, а также любые чувства, которые могли бы отвлечь её от этой животной похоти, что прожигала всё её тело.

Выдохнув горячей поток воздуха ему в губы, Амалия снова впиалась в них, как умирающий от жажды в пустыне. Это было совсем не похоже на то, что было с Лоуренсом. Она никогда не теряла над собой контроль с ним. Всё было максимально банально, пару поцелуев, скинутая наспех одежда и близость, поначалу слегка утомляющая, а потом, когда она слушала, как он зовёт её по имени, начинала чувствовать тепло от осознания своей значимости в его сердце. Это были часы передышки.

С Сириусом, в этот самый момент, ей хотелось лишь отдаться, не задумываясь о том, что будет. Если бы он оттолкнул её сейчас, Амалия бы заплакала. Так сильно она хотела его. Томление между её ног было таким неутолимым, что ей было больно, и, лишь теснее прижимаясь к нему, становилось немного легче.

Почувствовав насколько её влага пропитала его брюки, Сириус простонал ей в губы и одним резким движением бросил Амалию на мягкую кровать. Она была так прекрасна в этом облаке светлых волос, отливающих лунным светом в ночи. Раскрасневшаяся, с покрытыми лёгкой пеленой желанием глазами, наконец она ожила. Её грудь набухла и была такой чувствительной, что, когда Сириус коснулся большим пальцем сквозь хлопковую сорочку её правого соска, Амалия зашипела от боли.

Она никогда не чувствовала такого, это была иная боль. Если прежнюю можно было перетерпеть, эта делала её похожей на дикое животное, которое наглухо заперли в деревянном ящике. Ей срочно нужен был воздух, разрядка. Амалия извивалась под Сириусом, когда он стянул с неё лишнюю ткань, и прохлада ночи слегка остудила её раскалённое тело.

Он не спешил, а Амалия уже чувствовала себя на грани, поэтому, когда Сириус, оставляя цепочку горячих поцелуев на её шее и теле, спускался всё ниже и ниже, она схватила его голову, дёрнула вверх, дав понять, как сильно нуждается в нём, и, повалив Сириуса на кровать, оседлала его одним быстрым движением. Он ничего не мог сделать, да даже если бы мог, явно не хотел. Сириус наслаждался тем, какой Амалия была в этот момент. Ни страха, ни холода в глазах. Она была так раскрепощена, что страшно уже стало ему. Она явно что-то задумала. А вдруг она доведёт его до предела и уйдёт, оставив наедине со всем этим безумием?

Но Амалия так и не остановилась, и не ушла. Она целовала его, дрожащими руками снимая с него рубашку, а потом расстегнула его брюки из плотного хлопка. Не снимая их, Амалия высвободила его член и, найдя правильное положение, быстрым движением погрузила его в себя. От этого бурного действия, Сириус впиался руками ей в бёдра и инстинктивно приподнял, а после медленно опустил. Она не обращала внимания на то, как он с мольбой в голосе звал её по имени. Сириус был на грани, а Амалия словно этого не замечала. Она, закрыв глаза, мерными движениями раскачивалась на нём, откинув голову назад.

Амалия громко стонала, впитывая пряное удовольствие на грани с болью, постепенно ускорялась и, когда в очередной раз она не услышала хриплого стога Сириуса, тот больно сжал её ягодицы и, не выходя из неё, резко перевернул её на спину. Лишь тогда она, очнувшись от сладкой надвигающейся истомы, посмотрела ему в глаза. Сириус сразу осознал ход её мыслей и уже не мог сдерживаться. Он слегка сжал её небольшую грудь рукой и, перехватив другой её бедро, сменил темп.

Он играл с её соском, пока сильными, короткими толчками доводил Амалию до агонии. И в этот момент она, прижатая к постели его сильным телом, впервые почувствовала себя обожаемой. Ей нравилось чувствовать вес его тела на себе, ощущать его всего в себе, от этого становилось так горячо внутри. Он заполнял её собой, и, когда Сириус начал немного ускоряться, а потоки её влаги и их пота смешались, она схватила его за волосы и поцеловала так горько и отчаянно, будто и вправду хотела его убить.

Если бы она не почувствовала соль на его губах, просто потерялась бы в неизвестных ей ощущениях. И это её жутко испугало.

Сириус сделал ещё несколько толчков, шепча ей в губы, как сильно любит, как она прекрасна в этой своей порочности и Амалия не выдержала. Она почувствовала, как стенки влагалища сильно сжались вокруг его члена, и вспышка наслаждения вспорхнула в его губы в виде её громкого стога.

Это было настолько волшебно, что сначала она подумала, что умерла и очутилась в небесных садах.

Амалия никогда не чувствовала себя такой живой. Ей было нужно больше близости, больше тяжести его тела, больше всего. Возможно она озвучила часть своих мыслей, а может Сириус понял всё по тому, как Амалия пыталась хватать ртом прохладный воздух, пока её разгорячённое тело слегка подрагивало от отголосков его любви.

– Подожди немного, солнце моё. Мне нужно время чтобы продолжить, – он улыбался, мурлыча ей на ухо, – не думал, что я так мил твоему сердцу, любовь моя.

– А ты и не мил, я же сказала тебе не питать напрасных надежд, Сириус, – о боги зачем она говорит это ему сейчас. Амалия знала, что будет, хотя и не понимала, что на самом деле чувствует в этот момент. Но ей хотелось сделать ему больно. Так же больно, как делали ей.

Когда смысл её слов дошёл до Сириуса, он резко отпрянул от Амалии, и бешеным взглядом встретился с её одурманенными глазами. Она лишь упёрлась на локти, слегка приподнимая своё обмякшее тело, и с вызовом отвечала на его выпад.

– Ты трахнула меня как шлюху, Амалия. Это...

– Больно?

– Слишком, – он сжал руки, смотря как она спокойно приподнимается и накидывает на влажное тело халат. Безмятежность, с которой Амалия прошла мимо него добила Сириуса окончательно.

– Когда свадьба Сириус? Мне нужно подготовиться.

– Вот как... знаешь, я забыл тебе сообщить, что пока ты не скажешь мне, что любишь меня, я не стану обременять тебя брачными обязательствами, дорогая, – Амалия резко развернулась в его сторону со страхом в глазах.

– Ты не посмеешь, – прошипела она.

– Почему же? По договору я имею право жениться на тебе тогда, когда пожелаю. Казна твоей матери начала пополняться ещё неделю назад.

– Ах ты ж... – она хотела его ударить, но вовремя остановилась. Откуда в ней столько злости? Амалии оставалось лишь принять поражение и молча наблюдать, как злощий Сириус молча оделся и прошёл мимо неё к двери.

– И это всё?

– А чего ты хотела? Выйти за меня, чтобы наказывать подобным образом всю жизнь, периодически трахая меня, как свою подстилку? Ты просчиталась Амалия, своим порывом ты ничего не изменила во мне. Только в самой себе. То, что только что произошло между нами. Ты ведь тоже это чувствовала. Мне жаль, но дороги назад нет. Я не стану спать с тобой, пока ты не признаешься сначала самой себе, а потом уже и мне, что всё ещё любишь меня. Ведь я люблю тебя, и я очень долго ждал. Подожду ещё.

Она чуть не взорвалась, когда он, сделав пару шагов, схватил её в охапку и жадно поцеловал на прощание, а потом ушёл, оставив Амалию наедине со своим безумием.

Глава 19

Манриетта

Начало последнего дня своей свободы Манриетта встречала на полу своих покоев. Она отослала Мисси на всю ночь, чтобы просто побыть наедине со своими спутанными мыслями. Она всю жизнь ждала этого дня. Момента, когда, взяв Лоуренса за руку, она окунётся в этот загадочный любовный водоворот под названием “брак”. Сейчас же, сидя на полу в одном лишь лёгком халате, Манриетта, не отрываясь от звёздного неба, перебирала в голове всё в чём просчиталась. Человеку, которого она любит, она не нужна. Его сердце занято, поэтому ей уже нет там места. Через несколько часов её начнут наряжать, как куклу в белоснежное нечто, обвешивать бриллиантами и давать непрошенные советы. Она даже не знала, что из всего этого хуже. Плюс ко всему, странное тянущее чувство в области сердца не давало ей уснуть. Ощущение было такое, словно кто-то пытался позвать её, но Манриетта ничего и не услышала. Осознание, что она так и не увидит этого незнакомого ей нахала, слегка удручало. Возможно, это и к лучшему, было бы странно и неуместно, если бы он пришёл к ней во сне, когда Манриетта лежала бы рядом со спящим Лоуренсом.

Лоуренс...

Не выдержав больше этого потока мыслей, Манриетта натянула наспех плотную белую сорочку и тяжёлый красный халат, всё равно она больше не уснёт. Она даже не стала заморачиваться с длинными волосами, что ниспадали багровой рекой ей до середины бедра. Закончив быстрые приготовления, Манриетта тихо переступила порог своих покоев и лёгкой поступью побежала в оранжерею. Как же успокаивало её это место. Именно там после разговора с Виларией, Манриетта долго блуждала, приводя мысли в порядок.

В такое время все ещё спали и встанут лишь через несколько часов, поэтому она могла спокойно побыть наедине с памятью о своих близких, как делала Вилария.

Добежав до каменной скамьи, на которой они с королевой молча лили горячие слёзы, Манриетта снова встала как вкопанная, заметив Лоуренса. На этот раз светлые завитки непослушных ото сна волос на его голове будто боролись друг с другом не на жизнь, а насмерть. Он сидел в расшитом серебром домашнем халате и, до боли сжав ладони, молча смотрел на небольшие холмики на поляне.

– Не спишь? – Лоуренс резко развернулся и уставился на Манриетту, как на привидение.

– Что ты тут делаешь? Особенно в такое время, – он не был зол, лишь слегка напряжён, и Манри могла поклясться, что заметила: щёки его были влажными. Он плакал.

– Не могу уснуть. Я уже всё перепробовала, но даже молоко с мёдом не помогло, – Манриетта присела рядом с Лоуренсом, также, заключив ладони в обоюдный плен.

– Твоя матушка вчера рассказала мне об этом месте. Я не хотела ей мешать, но не могла уйти, когда она заметила моё присутствие. Ей всё ещё больно Лоуренс.

– Она рассказала мне, когда пришла пожелать удачи. Спасибо, что побывала с ней в этот день. Я не смог, – Манриетта удивлённо вскинула на него взгляд и встретила с его небесно-голубыми глазами, которые будто горели в темноте.

– Что?

– Ой, Манриетта, не заставляй меня повторять это, – возможно этот её поступок повлиял на него, а может Лоуренс уже смирился с неизбежным, но он больше не кричал на неё, не подпрыгивал от протянутых рук и даже не пытался её обидеть.

– Мне тоже это было нужно.

– Почему же? – Лоуренс смотрел на невесту с лёгким недоумением.

– Когда я поняла, что у тебя кто-то есть в сердце, моё разбилось окончательно, и мне потребовался якорь, чтобы не разлететься на куски от осознания того, во что мы оба попали.

Поэтому, когда произошёл инцидент с платьем, я пришла сюда. И когда твоя мама рассказала про них, про всех своих потерянных малышей, я поняла, что наша с тобой проблема – это лишь капля в море. Я очень благодарна ей за то, что она поделилась этим со мной.

– Инцидент с платьем? – брови Лоуренса взлетели от недоумения.

– Это всё, что ты услышал из моего монолога? – Манриетта понимала, что он не хотел обсуждать все остальные пункты. Но даже тот факт, что они сейчас сидят на этой скамье перемирия уже много чего стоил, – твоя мама, судя по всему, по наставлению отца, приказала мне надеть белое платье на свадьбу. Оно, конечно, очень красивое, ты не подумай, просто я хотела сохранить традицию своей семьи и выйти к алтарю в золотом.

– Да, я помню, как в детстве ты говорила, что, когда будешь выходить замуж, закажешь себе самое красивое платье из золотого шёлка с кучей рюш и оборок, чтобы все поумирали от зависти.

– Лоуренс, мне было семь и я думала, что чем помпезней, тем волшебней.

– А разве что-то поменялось?

– К рюшам добавили драгоценные камни и золотую вышивку на подоле, – пошутила Манриетта, ожидая увидеть на его губах хотя бы намёк на улыбку.

– А, ну конечно, совсем другой вариант, – они, как и в детстве, смеялись, не обращая внимания ни на что вокруг. Это было так странно и умиротворённо, будто долгожданное перемирие после многих лет военных действий.

– Прости меня, что впихнула нас в эту клетку. Я своими же руками заперла нас и выбросила ключ, – Манриетта смотрела на сгорбленную фигуру будущего мужа, и дикая тоска снова заставила её напрячься. Он не был виноват, что за столько лет затишья полюбил другого человека. Уж точно не был виноват в том, что она всё ещё любила его. Любила той наивной, совсем детской любовью. Той, что затуманивает разум, отчего Манриетта, несмотря ни на что, не могла увидеть в Лоуренсе причину не любить, – я что-нибудь придумаю Лоуренс. Я сделаю всё, чтобы ты не страдал от моих обременений.

– Хватит Манри, – Лоуренс, смотря на могилы своих братьев и сестёр, выглядел так, будто среди них сегодня похоронил и себя тоже, – Амалию уже не вернуть, а разводов в Аргосе, в отличие от твоей родины, не дают. Да и если бы давали, мы не можем развестись, пока у нас не появится как минимум один наследник. Это прописано в договоре. Я вчера раз десять перечитал этот чёртов документ. Поэтому нам в любом случае придётся...

Манриетту задело как он скривился от мысли об их потенциальной близости. Она была ему неприятна, и это не могло не ранить.

– Серьёзно Лоуренс? – Манри почувствовала, как в ней закипает гнев. Она могла понять, хоть принять и не получалось, что он не любит её, но то, как от самой мысли о близости с ней его выворачивает наизнанку, доводило её до бешенства. Он будто брезговал даже прикоснуться к ней. Не то чтобы поцеловать или...

– Да Манриетта, я не могу спать с женщиной, если люблю другую. Ты должна понимать, как это устроено. Тем более что ты – та, кто ты есть, а я не сплю с такими... – он осёкся, будто что-то вспомнив. Лоуренса передёрнуло, и, скривив в ярости губы, он отвернулся от Манриетты.

– Почему она?

– О чём ты?

– Почему ты выбрал Амалию, хотя изначально был моим... другом, – ей нужно было знать. Иначе она не сможет выйти сегодня к нему. Она не сможет прожить с ним всю жизнь, если они хотя бы не постараются снова стать друзьями и быть хоть чуточку честными друг с другом.

– Мы выросли вместе и если бы не она, меня бы сейчас не было...

– Что ты имеешь в виду?

– Всё очень просто. Мне тогда было лет одиннадцать, я только потерял старшего брата, своего единственного защитника, и, несмотря на мамино водное наследие, как оказалось, совершенно не умел плавать. Мы тогда только приехали в Орту на ежегодный бал в честь дня рождения Амалии. Ты, конечно, не помнишь, тебе было всего лет восемь, но в тех местах есть огромное Живое Озеро, из него они черпают воду для лечения ран. Оно было такое чистое и спокойное, словно зеркало. Я не помню, почему решил войти в воду, помню только, как она обволокла меня, словно вязкие пески, помню, как пела девчонка, таким звонким голоском, и ещё – совершенно невнятными словами. Когда я очнулся, Амалия смотрела на меня своими прекрасными голубыми глазами. С того момента, я понял, что единственный человек, с которым я бы разделил жизнь, будет именно она. Именно она защитит меня от всего. Я могу положить на неё, Манриетта. Тебе этого не понять...

– Это была не она... – Манриетта поёжилась, хотя в оранжерее было довольно тепло, и проговорила это так отрешённо и тихо, застыв, словно каменное изваяние, такое же бледное и невероятно прекрасное в этом свете. Лоуренса насторожило то, как глубоко она задумалась после его рассказа.

– Что?

Скорее всего, она даже не поняла, что проговорила это вслух, но услышав растерянность в его голосе, спохватилась.

– Ничего, Ваше Высочество. Думаю, нам стоит постараться немного поспать. Сегодня будет трудный день, – Манриетта встала, отряхнула невидимые пылинки с платья из серебряной парчи и упрямым шагом пошла по направлению к выходу.

– Манриетта! – крикнул Лоуренс. Что-то нехорошее заставило его помедлить. Он не мог понять этого смятения. Лоуренс точно видел Амалию, и никого другого там не было. Когда он, выплёвывая отвратительную на вкус воду, открыл испуганные глаза, она смотрела своими огромными глазами и поглаживала его по волосам, чтобы хоть немного успокоить. Он не мог ничего перепутать.

– Да подожди ты!

Лоуренс успел схватить Манриетту за руку. Она так быстро улетала от него, будто боялась оставаться с ним наедине. Манриетта резко развернулась и, встретив на его лице смятение и страх, лишь улыбнулась и накрыла ладонь Лоуренса своими горячими пальцами. Почему она улыбается ему так искренне, ведь никто, даже его собственная мать боялась открыто показывать свою любовь.

– Лоуренс, это не она вытащила тебя из воды. Амалия даже платье тогда не намочила, как ты мог не заметить этого? – И тут его прошибло. Она просто хочет запутать его, заставить сомневаться в собственных чувствах. Она всегда так поступает с ним, играет с ним.

– Не может быть... Она держала меня в объятьях, когда я открыл глаза. И...

Воспоминания, словно осколки разбитого стекла, вновь срастались в его памяти, причиняя такую острую боль, что перехватывало дыхание... Вспышки прошлого возникали стремительно – и ещё быстрее растворялись во тьме, погружая его в оцепенение. Он отчетливо помнил, как капли воды стекали по волосам Амалии и падали ему на лицо, а её умиротворённый, неземной взгляд навсегда врезался в его встревоженное сердце. Амалия казалась ему куда храбрее, чем он сам. Пока все остальные доставляли ему боль, она спасала его.

– Ты специально говоришь мне это, чтобы очернить Амалию? О боги, Манриетта, тебе это не поможет! Ты совсем помешалась, – Лоуренс смотрел на неё разгневанным взглядом. Он не верил в то, что Манриетта пыталась донести до него. А она, лишь одёрнув руку, тяжело дышала от нарастающей злости.

– Зачем мне лгать, Лоуренс? Это была не она, и я это точно знаю! – Манриетта уже почти шипела. Её слегка трясло от его слов.

– А кто же?! Кто Манри? Я так и знал, что ты такая же лживая, как и вся твоя чокнутая семейка! – И тут она не выдержала. Манриетта влепила Лоуренсу такую сильную пощёчину, что его голова откинулась в сторону, а в глазах заплясали огоньки. Вместе с ними в голову ворвался эпизод, которого он совершенно не помнил.

Разум Лоуренса будто перенесли сквозь года в ту самую ночь, когда он по непонятным причинам полез в то самое озеро. Он плакал на берегу, так как все, кого он любил бросили его одного. Матушка, которая стала заложницей своих страхов. Брат, который всегда защищал его и мать, а теперь лежал в холодном склепе, вечно юный. А теперь и Манриетта, его самый лучший друг, его единственное успокоение.

Лоуренс писал ей каждую ночь после смерти брата. Писал обо всех своих страхах и о пережитой боли, но она так и не ответила ему ни на одно письмо. И когда на балу он увидел её такую маленькую, но крепкую, с пухлыми щёчками, он правда хотел к ней подойти. Но, Амалия так отвлекала его своими рассказами и танцами, что когда он снова попытался найти Манриетту, она уже исчезла. Он не помнил как залез в воду, только, как она поглотила его в считанные минуты и потянула на дно. Он барахтался и плевался, всплывал, чтобы глотнуть воздуха, но так устал, что всё таки сдался.

Его лёгкие горели, а голова совсем перестала работать. Последнее, что он заметил перед тем, как отключиться, – чья-то тёмная фигура, обрамлённая длинными волосами, плыла за ним и пыталась схватить Лоуренса за руку. Но, сейчас он был лишь наблюдателем. Лоуренс заметил себя, совсем маленького, идущего по направлению к гладкой поверхности.

– Лоуренс! Нет! – Манриетта быстро бежала в его сторону, но была ещё так далеко.

– Стой! Не иди, там глубоко!! – Крикнул он ей, она ускорялась, держа в руках клубок из ткани своего воздушного платья.

Как только вода поглотила Лоуренса с головой, она, не задумываясь, прыгнула за ним в воду. Хотя Лоуренс точно мог поклясться, что тогда она ещё боялась плавать. Её маленькая ручка схватила Лоуренса за запястье мёртвой хваткой и потянула вверх. А пока она вытягивала его, пытая от тяжести его тела, её длинные, тяжёлые волосы хлестали Лоуренса по лицу. Как только он приоткрывал глаза, она нервно вздыхала. Она пела, чтобы не впасть в панику, когда тащила Лоуренса до берега. Так вот откуда эта песня.

А после того, как его тело, содрогаясь, извергнуло большое количество воды, Манриетта, благодаря богов, заплакала и прижала Лоуренса к груди.

– Дыши, Лоу! Дыши... – её руки блуждали по его лицу, пока оттенок его кожи не начал приобретать хоть какой-то отголосок жизни.

– Манриетта! Что ты делаешь?! – Амалия, покрытая с головы до ног шелками и подаренными украшениями, мерно шагала в их сторону. Она была на два года старше Манриетты, но казалось, что младше -так хрупко она выглядела.

– Амалия, позови придворного лекаря и кого-то из старших, он очень тяжело дышит! – Манриетта вскинула, полные слёз, глаза на Амалию в поиске поддержки. Она очень боялась, что потеряет Лоуренса.

– Я не могу, Манри. Мать убьёт меня, если узнает, что я была здесь, – она не растеряна, скорее расстроена. Почему она не переживает?

– Ладно! Просто побудь с ним, а я позову лекаря. Просто подожди, пока он не очнётся, а потом, как услышишь шаги – уходи, – Манриетта быстро подобрала насквозь промокшую юбку и, как только могла, побежала к замку.

– А если...а если он умрёт? Что мне с ним делать? Манри, мне страшно, – Манриетта даже не останавливаясь, кинула ответ как спасательный канат.

– Просто не отпускай его руку. Слышишь, Амс? Он не должен быть один!

Не может быть...это просто невозможно. Эта дикарка, своенравная и безумная, она просто не могла спасти его тогда. Лоуренс очнулся от этого видения, и усталился на Манриетту

бешеными глазами. Он не понимал. Когда он открыл глаза, точно помнил, что волосы Амалии были мокрыми и растрёпанными. А в видении, она только вышла из дворца, цветущая и счастливая. Только подумав об этом, следующий эпизод, как недостающий пазл, расставил всё на свои места.

Как только Манриетта скрылась за густыми кустарниками, Амалия вмиг изменилась. Следы страха и растерянности будто смыли с её лица. Ей явно не нравилась вся эта ситуация, но шумно вздохнув, она поджала губы и аккуратно положила голову Лоуренса на песок, быстрыми шагами добралась до воды и окунувшись один раз, побежала обратно.

– Прости меня, Лоуренс, но мне сказали, что так надо. Прости я... – она села на песок и положила его голову себе на колени. Лишь на секунду отблеск сомнения проскользнул в её глазах. Также быстро вместо него появилась тёплая, слегка вымученная улыбка, а за спиной уже слышался топот нескольких пар ног.

Слишком быстро... Манриетта не успела бы добежать даже до замка за это время. То есть...

Лоуренса снова выбросило обратно в реальность, где пылающая гневом Манриетта смотрела на него с презрением. Потирая руку, она молча отвернулась от Лоуренса и ушла, громко захлопнув двери оранжереи. Он понял, что она не знала о том, что он увидел. Но как теперь с этим жить. Лоуренс в оцепенении простоял там ещё минимум минут десять, а после на нетвёрдых ногах ушёл в свои покои, но до них он так и не дошёл.

Глава 20

Лоуренс

– Входите, – мать сидела с книгой в руках, в своём любимом кресле у камина. Лоуренс любил это кресло, ведь именно его, мать привезла со своей родины перед свадьбой. Оно было частью её прошлого, не омрачённого болью.

Деревянные вставки на подлокотниках были покрыты мелкими ракушками всевозможных цветов. После того как отец перестал мучать её своими визитами, она снова начала читать в этом кресле, а также писать письма давним подругам, ездить верхом и навещать жителей столицы. Она была хорошей королевой, великодушной и сердобольной. Как жаль, что мало кто знал, через что приходилось проходить этой всё ещё прекрасной, но уже сломленной женщине.

Лоуренс знал, что она редко спит в такое время, поэтому решил в последний момент подняться на этаж выше и поговорить с матерью о том дне. Именно она, прогуливаясь под руку с сестрой, первая заметила их с Амалией на берегу. Лоуренс до сих пор помнил, как страх так и норовил выплеснуться из глаз матери непослушным водопадом.

После случившегося, Вилария не выпускала сына из постели ещё неделю. Сама кормила его, сама меняла ему одежду и постельное бельё. Когда у него на следующий день сильно поднялась температура, она не спала целые сутки, пока сама не сбивала её холодными компрессами и настойками. Она была прекрасной матерью, но несмотря на все её достоинства, Лоуренс иногда ненавидел её за бездействие и трусливость.

– Сынок! – Вилария с лёгкостью вскочила на ноги и, отложив книгу на светлый столик, бросилась обнимать сына.

– Мам, мне нужно кое-что узнать... – то, как он обратился к ней, заставило Виларию остановиться с уже протянутыми руками и застывшей на устах улыбкой.

Она хорошо знала Лоуренса и все оттенки его настроения, поэтому с лёгкостью могла считывать его, как открытую книгу. То, что было сейчас, ей очень не нравилось. Потухший, слегка блуждающий взгляд. Он снова, как в детстве, когда отец в очередной раз знакомил Лоуренса с “прелестями” взрослой жизни, пришёл к ней, чтобы успокоить свою душу. Как же Вилария ненавидела своего мужа. Этот ублюдок испортил ей всю жизнь. Но не это её сломало, а то, что из-за его жестокости и легкомыслия она теряла своих прекрасных детей. После смерти Гидеона она потеряла последнего нерождённого малыша. После этого Вилария пообещала себе, что никогда больше не увидит, как умирают её дети.

– Мама, – голос сына вытянул Виларию из болезненных мыслей.

– Да, дорогой мой. Не стой в дверях, проходи, – она взяла Лоуренса за руку и потянула его к огромному креслу, что стояло напротив её.

Раньше, в первые годы брака, это кресло принадлежало Кристофу. Тогда он ещё не был так жесток с матерью и часто проводил с ней ночи, разговаривая и смеясь над шутками, понятными только им двоим. И хотя время тех дней давно испарилось, память о них жила в этом массивном изделии. Когда, Лоуренс уселся, как делал когда-то его отец, Вилария поёжилась, так сильно они были похожи.

– Мам, я кое-что узнал и это не даёт мне покоя. Но сначала, ответь честно на вопрос. Хорошо?

– Конечно, сын мой. Как же иначе? – Лоуренс поднял на мать растерянный взгляд.

– Когда я чуть не утонул тогда в Орте, кто спас меня? Ты была там, – Лоуренс заметил проблеск понимания в её глазах. Мать знала, что её будут допрашивать, и что-то явно скрывала, ведь услышав его вопрос, сначала принялась сжимать на коленях худые ладони, а потом и вовсе повернула голову к камину, будто не хотела встречаться с сыном взглядом.

– Я думала умру там вместе с тобой. Ты был такой холодный, весь дрожал и бормотал что-то невнятное, – Лоуренс уже так устал от этой неразберихи, что начинал закипать. Мать явно пыталась отвести его от разговора.

– Мама! – Вилария вздрогнув, повернулась и пристально посмотрела в глаза сына.

– Манриетта. Мы видели, как она бежала, вся насквозь мокрая, в нашу сторону. Именно она сообщила, что вытащила тебя из воды.

– Но тётя сказала, а ты, на секундочку, подтвердила, что вы случайно наткнулись на нас, прогуливаясь по саду возле озера.

– Октавия попросила меня подтвердить, а я не могла ей отказать.

– Что?! Да что ты вообще такое говоришь, ты... Зачем ей понадобилось обманывать меня?

– Милый... понимаешь ли, мы не рассчитывали, что отец подпишет соглашение на брак с Манриеттой. Никто даже и подумать не мог. С самого начала все рассчитывали на Амалию. Такова традиция, что наши дома заключали браки между наследниками. Но ты так помешался на этой девочке, что Октавия переполошилась. Поэтому, когда я сказала ей, что не стану запрещать тебе общение с ливреской принцессой, да и как я вообще могла, она взяла всё в свои руки. Я, правда, так сожалею, милый, – Вилария кинулась в ноги к опешевшему сыну так, что Лоуренс вскочил и отошёл от неё, как от прокажённой. Он просто отказывался верить в это. Мать плакала, она помнила, как тяжело ему дался тот период, как сильно он был привязан к Манриетте. Внезапное озарение ударило его под дых, отчего стало так тяжело дышать, что ему пришлось трясущимися руками расстегнуть пуговицы на плотном халате.

– Письма... ты забирала мои письма? – Несмотря на то, что мать нервно замотала головой в знак полного отрицания, Лоуренс знал, что что-то она явно не договаривала.

– Кто-то другой это делал? – Мать внезапно застыла и подняла на Лоуренса полные страха глаза. Он знал почему. Тон его голоса в этот момент напоминал отцовский, когда тот готовился к расправе.

– Мама... – он шагнул к матери, отчего та сжалась и начала выдавать то, что хранила уже много лет, надеясь, что оно исчезнет вместе с ней в один прекрасный день.

– Октавия подговорила Амалию воровать ваши письма. Она хотела свести вас. Даже когда я сказала ей о соглашении, та лишь махнула рукой, а через пару месяцев я узнала, что вы с Амалией стали близки. Я делала ей настойку польша, чтобы не... чтобы избежать последствий, – Лоуренс, которому никогда не было холодно, почувствовал, как озноб сводит его мышцы по всему телу.

Его использовали в своих грязных играх как придворную шавку. Он бы понял, если бы это был отец. К его выходкам Лоуренс уже давно привык. Но мать и любимая женщина... Они обманывали его все эти годы. И судя по рассказу матери, Амалия просто действовала по намеченному Октавией плану. Она лгала ему о любви, но зачем тогда спала с ним. Ведь, и без этого он обещал быть лишь с ней одной. Обещал.

– Ты подложила мне змею в постель, матушка. О боги, даже не отец, именно ты, – Лоуренс сорвался на истерический смех, просто не веря, что его собственная мать, такая хрупкая и верная, та, что подарила ему жизнь и всегда любила его, станет именно той, кто его и погубит.

– Лоуренс, сынок, ты не понимаешь, у меня не было выхода, – он не дал ей договорить. Подняв руки в знак капитуляции, весь багровый от переизбытка противоречивых чувств, он молча направился к выходу из материнских покоев.

– Лоуренс! Лоуренс стой! – Вилария с невероятной прыткостью подскочила к нему и попыталась остановить, но он скинул её руки, как надоедливое насекомое и напоследок перед тем, как уйти, бросил через плечо: Вы все заставили меня поверить в то, что она меня погубит.

А оказалось, только Манриетта и спасала меня всё это время, а я дурак верил вам. Знаешь, мама, ты совсем не отличаешься от своего супруга. Он бьёт ремнём, а ты предательством.

Лоуренс оставил трясущуюся от страха мать и направился туда, где уже давно должен был быть. Он добрался до покоев Манриетты так быстро, что даже не успел обдумать, что ей скажет. Лоуренс чувствовал только неуёмное желание высказать ей всё, что копил годами. В нём было столько ярости и боли, что ничего хорошего он ей точно предложить не мог. Но когда Лоуренс бешеным зверем влетел в её покои и встретился с её медовыми глазами, он застыл, как вкопанный. Манриетта, распаренная после купания в облаке витающего повсюду аромата сочных мандаринов, сидела напротив него на куче огромных подушек, закинув полностью голые ноги на невысокий столик. Полупрозрачная ткань её сорочки задралась, и, заметив покрытые каплями воды бёдра Манриетты, у Лоуренса слетел последний гвоздь запирающий его самообладание.

Манриетта опрокинула ногой вазу с распустившимися лилиями, когда Лоуренс с затуманенным взглядом в несколько шагов оказался возле неё, схватил её на руки, и, посадив голым задом на стоящий поблизости письменный стол, обхватил её лицо руками и жадно поцеловал.

Манриетта ничего не понимала, ведь только недавно он чуть ли не посылал её в своих мечтах на родину, а буквально через час после их последней ссоры в нём что-то перевернулось и вуаля, сейчас он не отрывал от неё полные желания глаза. Лоуренс же не сводил с неё кипящего страстью взгляда и хрипло дышал. Освободившись от крепких лап оцепенения, она схватила его за волосы и оторвала от своих губ.

– Что ты делаешь? – Лоуренс не был пьян. От него не пахло алкоголем, лишь потоком неуёмной энергии. Он казался взвинченным.

– То, что давно должен был. Прошу Манриетта, если я сейчас не сделаю то, что должен, я просто умру. Просто позволь мне, – он знал, что эти слова подействуют на Манриетту, и она всё же позволила.

Она ответила на его чувства. Возможно, ей казалось это всё нереальным. То, с каким голодом в глазах он смотрел на её губы, будто просил хотя бы одного глотка воды. Ее дыхание спёрло, когда Лоуренс резким движением раздвинул ей ноги, и, пристроившись между ними поудобнее, снова обхватил её руками и впился в губы с таким отчаянием, что Манриетте стало больно. Но ей нравились эти ощущения, хоть и не так она представляла свой первый поцелуй с ним. Он был не романтичным и нежным, а звериным, жёстким и необузданным. Она стала терять себя в этом вихре, постепенно подстраиваясь под него. И как только она поняла в каком направлении нужно двигаться, внизу живота заныло.

Лоуренс оторвался от неё лишь затем, чтобы, скинув с плеч бретельки её лёгкой, почти невесомой сорочки, оголить полную грудь. Он двигался так быстро, что затуманенный разум Манриетты вообще не поспевал за его движениями. Лоуренс хотел её всю прямо сейчас, а она совсем не понимала, что он делает и действовала лишь по наитию. Поэтому, когда он начал целовать её шею, плечо и, наконец, добрался до груди, тело Манриетты начало отзываться на его звериные ласки тихими вздохами. И если всё это она ещё могла понять и принять, то, когда он опустил ниже и резким движением задрал ей сорочку, так что невозможно было хоть что-то потаённое оставить вне его взора, ей захотелось прикрыться.

Манриетта ошалело уставилась на то, как Лоуренс, схватив её за мягкие бёдра, раздвинул их пошире и начал целовать сначала внутреннюю часть, а затем всё ближе подходить к заветному месту. Как же ей стало страшно от того, что он делал, от того, что она чувствовала. Ей хотелось, чтобы он остановился, иначе она распадётся на кусочки. Но, в тоже время, ей так хотелось продолжения, почувствовать его на себе, в себе, где угодно.

Лоуренс же вообще не думал, он, несмотря на дикую злость, так наслаждался внутренней свободой, появившейся с первым прикосновением губ этой незнакомой, но когда-то очень близкой ему, молодой женщины. Его голова не работала, именно поэтому страхи его детства

не успели вынуть рожки и снова оттолкнуть Лоуренса от её тела. И где-то в глубине души он понимал, что позже ему придётся за это ответить. Но после всего хаоса, что окутывал его в последние несколько дней, ему просто было необходимо тепло её тела. Он не мог ей ничего сказать в этот момент, только показать. Поэтому, когда он искусно покусывал и облизывал все её нежные складочки, периодически тоже самое проделывая с клитором, его сердце делало кульбиты от каждого её вздоха, от вздрагиваний её тела и от того, как её грудь вздымалась в преддверии приближающейся кульминации.

И вот, когда Манриетта готова уже была взорваться, она наконец открыла глаза и встретилась с двумя чёрными ониксами, горящими от такого неудержимого гнева, что Манриетте захотелось сбежать из собственных покоев.

– Твою ж мать, Манриетта, я же не это имел в виду, – хрипло процедил Дарий.

Он стоял в распахнутых дверях её покоев и таранился на Манриетту будто впервые увидел. А она наконец познакомилась с ним до конца. Буквально за несколько секунд она отметила, что он высок и плечист. Волосы, чёрными прядями обрамляли загорелое лицо и уверенный подбородок. Он был так красив, что Манриетта к своему стыду, чуть не задохнулась.

– Дарий... – она выдохнула его имя с тоской в голосе, отчего что-то в сердце начало натягиваться, причиняя ужасную боль. Он тяжело дыша, зашипел и схватился за сердце.

Ну а дальше последовало то, чего не ожидал никто. Лоуренс закричал, когда что-то тяжёлое прилетело ему в голову, а Манриета, одёрнувшая подол сорочки, ошалело уставилась на Алисану, держащую в руках неизвестные Манри мешочки.

– Ты вроде говорил, что ей нужна помощь, братец. Что-то не похоже, – Дарий дал ей подзатыльник, и Алисана, надув губы, ретировалась.

– С чего ты решил, что мне нужна твоя помощь?! – Манриетта подскочила к нему, стараясь не задеть лежащего на полу Лоуренса. Он не был ранен. Его просто огрели по голове стоящей у двери статуэткой Фай.

– Я перестал тебя чувствовать, думал они могли сделать тебе больно, – Дарий даже не отшатнулся, когда взбешённая Манриетта, накинув поверх сорочки халат из золотого тюля, подбежала к нему и ткнула пальцем ему в грудь.

– Убирайся отсюда, у меня свадьба! – Дарий хотел что-то сказать, но повернулся в сторону какого-то шума, и, осознав, что времени осталось совсем мало, схватил Манриетту за шею и прижав к себе, поцеловал, стирая с её губ следы Лоуренса. От него снова пахло кофе и шоколадом. Этот запах так дурманил её, а может и не он вовсе, а то, как нежно он касался её губ, при этом углубляя поцелуй – это завораживало.

– Когда в следующий раз мы встретимся, я надеюсь, что слижу с тебя каждый его поцелуй, каждое касание на всех частях твоего прекрасного тела. Ты будешь умолять меня дать тебе больше, – его била гневная дрожь, но от чего – Манриетта не понимала. Когда времени совсем не осталось, Дарий резко её оттолкнул и, уже убегая в сторону ожидавшей его сестры, как бы между прочим, бросил Манриетте:

– Вернись ко мне, мне не хватает наших ночных randevu.

Они скрылись за поворотом как раз в тот момент, когда Манриетта захлопнула дверь и, слушая звук удаляющихся шагов, медленно сползла по двери на пол.

Глава 21

Амалия

Этот сукин сын сдержал своё слово с лихвой. Амалия, как загнанная лошадь, наматывала круги по своим покоям уже неделю. Поначалу всё было неплохо. Когда утром после той ночи Амалия спустилась в обеденную, Сириус уже доедал свой завтрак. Он пожелал ей славного утрачка и, довольно улыбнувшись, поцеловал ей кончики пальцев, отчего у Амалии по всему телу прошла манящая волна. А потом он ушёл и не появлялся ни на обеде, ни на долгих, изнуряющих прогулках по владениям, ни даже на ужине.

Колет сообщила, что его высочество так занят все эти дни переговорами и встречами, что даже не обедает – только ужинает в своих покоях. Но Амалия точно знала, что он просто от неё прячется. Трус поганый. И если первые двое суток она могла это терпеть, наслаждаясь своим личным триумфом, то спустя три дня, переполненных целым вихрем сновидений, в которых его сильные руки хватили Амалию за уже слегка сдобренные вкусной пищей бёдра и грудь, она начала звереть.

Гордость и остатки навязанной привязанности к Лоуренсу не давали ей ни единого шанса хотя бы обдумать свои чувства. А их было так много, что Амалии хотелось кричать от безысходности. Вся её жизнь последние годы была под контролем. Зачем судьба снова послала ей этого человека?

Возможно, если бы у неё была возможность его видеть, как-то подколоть, начать наконец свою игру, Сириус не выдержал бы и отменил свои глупые условия, но, увы, он словно растворился в этом вечно жужжащем, словно улей, замке.

Буквально этим утром, Амалия не выдержала и попросила Колет разузнать у Сириуса, сможет ли он присоединиться к ней на ужине в её покоях. Амалия уже успела принять ванну, наполненную самыми приятными ароматами, которые смогла найти, красиво убрать волосы в небрежную косу и даже надеть хоть и не самый удобный, хотя нет, совершенно неудобный комплект белья, но зато красивый. Больше под плотным, расшитым медной вышивкой халатом цвета дубовых листьев на ней ничего не было. Она дала распоряжение подготовить его любимые блюда и лучшее вино из лесных ягод. Но когда после стука Колет тихонько вошла в её покои с виноватым видом, Амалия поняла, что Сириус всё же придерживался намеченного плана – добить её окончательно.

Возможно, если бы не то наваждение, которое овладело её телом, она смогла бы всё стерпеть и со временем выиграла бы эту глупую партию. Но от мысли о возможном повторении, внутри её лона будто щекотали десятки маленьких пёрышек, и это выводило её из себя. Поэтому, взяв поднос с тушёной говядиной и графин с вином, Амалия, бухча себе под нос, направилась в сторону его покоев, что находилась двумя этажами выше.

Она пыхтела от тяжести своей ноши, шипела от ноющей боли между ног, но всё равно шла. Она толкнула тяжёлую дверь своим мягким задом, вихрем ворвалась в покои Сириуса – и лишь спустя мгновение осознала: что-то здесь было не так.

– Я понимаю, что ты так дико занят, но если ты не поужинаешь со мной, видят боги, я снова отлуплю тебя подсвечником, и в этот раз буду метить выше, – последнее она успела сказать, как только наконец дошла до открытой двери в его кабинет, в которой Сириус, всё же нашёлся, но не один.

Нахмутив брови, он переводил сердитый и слегка уставший взгляд то на свою возлюбленную, то на другую женщину, облокотившуюся о его стол. Она держала руку на плече Сириуса и видимо что-то говорила ему до того, как услышала сердитый голос Амалии. Женщина развернулась и оглядев Амалию с ног до головы, хищно улыбнулась своими полными и чувственными губами. Она была очень красива. Тёмная кожа переливалась в свете свечей, а почти

чёрные волосы были собраны в высокую косу, которая как плотный канат обвивала её талию. Тренировочный костюм из дорогой кожи так плотно облегал все её формы, что Амалия слегка зарделась.

Когда она встретилась взглядом с незнакомкой, то заметила как игриво блеснули её светло-зелёные глаза. Она плавно отошла от стола и направилась в сторону Амалии, из-за чего та слегка отпрянула.

– А ты не говорил, что она так хороша, Сириус. Слегка худощава, но на ваших знаменитых булках быстро мяса наест, – у Амалии дёрнулся глаз.

Да кто вообще эта...

– Магна, будь добра, смойся уже из моего кабинета, – Магна... женщину звали Магной. Амалии подумалось, что это имя очень ей шло.

– Конечно, дорогой. Сообщи, как что-нибудь ещё понадобится. Кстати, классные трусишки, дорогуша! – поравнявшись с Амалией, Магна щёлкнула ту по носу длинным ноготком и со смехом, оставила опешевшую Амалию с уже потирающим переносицу Сириусом.

– Это что такое было? Она... о боги, она что, твоя шлюха? – Сириус, который уже несколько минут пытался сдержать рвущийся наружу смех, аж слегка подавился от рвущейся лавины хохота.

– Тебе смешно? Ты неделю меня избегаешь, чтобы трахать каких-то экзотических дамочек?! – Амалия уже не чувствовала, как перешла на визг, в ней всё кипело и бурлило, а Сириус, посмеявшись всласть, вальяжно развалился в кресле и молча выслушивал её эмоциональные выплески.

– Сначала ты выливаешь на меня поток своих лживых речей о любви и преданности, а потом, помахав перед моим носом отблеском свободы, склонил к близости. А теперь делаешь вид, что меня не существует в твоём доме. Ты что совсем сдурел, Сириус? – Он устало вздохнул со спокойной улыбкой в глазах, молча встал и побрёл к Амалии, отчего она мигом притихла и стушеввалась. – Что ты делаешь?

– Будет обидно, если от переизбытка твоих чувств я останусь без ужина, дорогая, – Сириус взял из трясущихся рук Амалии еду, едва задев её пальцы своими, отчего она вздрогнула. Позже, забрав и графин, поставил всё на стол и снова обратился к ней.

– Хватит играть со мной Сириус, мне правда не смешно, – Амалия посмотрела своими полным обиды взглядом в глаза Сириуса, и, не услышав ответа, повернулась к дверям, чтобы уйти, хоть немного сохранив остатки гордости. Но он не позволил. Сириус легко обхватил её плечи крепкими руками и прижал Амалию к своей груди. Она замерла в его объятиях, как кролик, попавший в капкан, и не могла в этот момент видеть его глаз, чтобы считать его чувства.

– Я очень устал, Амалия. У меня так много дел, что не было времени даже поесть. Спасибо, что позаботилась обо мне, – он поцеловал её в макушку и крепче обнял, вдыхая запах её волос. От такого тёплого жеста, Амалия немного остыла, голова слегка прояснилась и ей стало легче дышать.

– То есть ты не избегал меня, чтобы заставить к тебе прийти?

– Ну, получилось же. Ты делаешь успехи, – она попыталась вырваться, чувствуя, как снова закипает.

– Ну ты и говнюк, Сириус! – Прошипела Амалия, стукнув его по руке, чем только рассмешила.

– Я тоже тебя люблю, солнце моё, – лёгкий стук давно мёртвого сердца заставил Амалию немного запаниковать. Ей не нравилось, что он так на неё действует. Сириус, правильно поняв её молчание, поцеловал Амалию в шею, а потом, сдвинув плотную ткань с плеча, оставил ещё несколько неспешных поцелуев и там.

– Ты ведь за этим пришла, любовь моя, чтобы что-то мне сказать, – он медленно просунул руку в вырез на халате и, наткнувшись на лёгкое кружево, неспешно сдвинул его лёгким движением, а затем начал дразнить.

Амалия втянула побольше воздуха и почувствовала, как краска залила её лицо, а давно томящее чувство между ног стало просто невыносимо. Если он не продолжит, ей придётся умолять. А он не даст Амалии то, что ей нужно без этой дурацкой фразы. Конечно, она могла сама себя развлечь, и видят боги, она каждую ночь пыталась. Но надолго этого не хватало. Ей нужны были его руки, почувствовать его внутри себя.

– У тебя такая хорошая фантазия, Сириус. Но нет, даже не мечтай, – он, будто не слыша её слов, начал вытворять такие вещи с её клитором, что Амалия не удержалась и простонала, да так громко, что губы Сириуса на её шее медленно поползли вверх.

– Правда? Ты уверена? – Ей оставалось совсем немного, считанные секунды и она снова взорвётся в его объятиях. Но когда Амалия произнесла свои слова, Сириус быстро убрал от неё руки и прошёл к своему столу, а потом плюхнулся в кресло и стал уплетать ужин руками, облизывая те самые пальцы, что буквально несколько минут назад побывали у неё между ног.

– Какой же ты... – она кипела, наблюдая, как Сириус, довольный, как кот после плотного ужина, жевал и периодически кидал Амалии игривые усмешки. Он знал, как действует на неё, и поэтому эту игру ей не выиграть честным путём.

– Какой? Великолепный? Я много практиковался, – он помахал ей теми самыми пальцами, и это жутко разозлило Амалию, когда она поняла его намёк.

– Вот как? А я думала, ты был слишком занят все эти годы, думая обо мне, подлая ты свинья! – Она уже хотела уйти, послав ему поток любви в виде среднего пальца.

– Амалия.

– ДА!

– Тебе пришло два письма, мой человек перепроверил их и отправил в твои покои.

– Что? – *да как он посмел копаться в её личной переписке?*

– Одно от твоей матери, другое от Лоуренса. Если тебе будет легче, я их не читал.

– Нет, мне не легче, не смей проверять мои письма, это личное, – Амалия с пылающими глазами пригрозила Сириусу пальцем, но наткнулась лишь на ухмылку.

– Я обязан, сейчас небезопасно на границе. Так что все письма, как мне, так и тебе будут проверять на наличие... неприятных сюрпризов.

– О чём ты? – Амалия застыла, чувствуя, как волоски на затылке зашевелились от неприятного предчувствия. Она никогда не слышала, чтобы после официального перемирия, случались нападения.

– Давай поговорим, когда я закончу дела. Я правда очень устал, так что был бы тебе очень признателен, если бы ты набралась терпения и дала мне отдохнуть. Или может... ты хочешь сдать позиции и отдохнуть вместе со мной? – Игриво произнёс Сириус.

Амалия даже не стала утруждать себя дальнейшим разговором. Всё равно это ни к чему не приведёт. Нужно быть хитрее, придумать, как обвести его вокруг пальца. Раньше ей легко это удавалось.

Она шла к себе уже с холодной головой, обдумывая как же выйти из этой ситуации. Но стоило ей закрыть за собой двери своих покоев, она услышала свист и чудом успела увернуться от маленького кинжала, который с глухим звуком влетел в деревянную дверь именно в том месте, где она только что стояла. Липкий пот покрыл её спину и ладони, когда она повернулась и снова увернулась от летящего в неё кинжала.

Сириус был прав лишь в одном. Было опасно, но к сожалению, не на границе, а в его собственном доме.

Глава 22

Манриетта

– Твою ж мать... – Лоуренс даже не понял, как очутился в кровати. Буквально минуту назад он был с Манриеттой, точнее между её ног, а потом хлопок и темнота.

– Сильно болит? – Манриетта, замуровавшись в тёплый предсвадебный халат, смотрела на него как-то странно, будто чувствовала вину за шишку на его голове.

– Говоришь, я упал и сильно ударился головой? – Она так быстро закивала, что Лоуренс начал переживать, как бы она не потеряла голову в прямом смысле слова.

– Наверное, я слишком сильно сдавила тебе голову бёдрами, – Лоуренс совершенно ничего не помнил, только боль, когда свет в его глазах потух.

– Возможно... – Манриетта такая красивая в этом украшенном серебряной вышивкой одеянии.

Скорее всего она жутко перепугалась, так как на лице её застыла маска волнения, перемешанного с нотками страха. Когда он открыл глаза в её кровати, первое что он увидел – два янтаря в обрамлении густых ресниц. Её волосы шекотали Лоуренсу нос, обдавая лёгким ароматом мандариновой корки, отчего он чихнул пару раз.

– Лоуренс, нам нужно спешить. Через полчаса придут Мисси и матушка, нам нельзя быть вместе до свадьбы. Понимаешь?

– Почему? Они посчитают нас слишком бесстыжими и порочными и решат, что не стоит нас женить? Идеальный план, рыжик! – Хмыкнул Лоуренс.

Манриетта выпрямилась и посмотрела на него, словно увидела совсем другого человека. Хотя он точно помнил, что в детстве часто её так называл.

– Нет, потому что мне нужно подготовиться к церемонии, а тебе надают тумачков за нахождение в моей постели раньше положенного.

– Ну и ладно, мне она больше нравится, чем моя, – Лоуренсу понравилось снова чувствовать себя свободным в её присутствии. Он словно вернулся домой.

Он закинул руки за голову и, поудобнее устроившись, закрыл глаза. Но спустя буквально минуту Манриетта скинула его с кровати. Не успел он и слова сказать, как в комнату без стука огненной вспышкой вошла Элиза, а следом за ней влетела маленькая женщина.

Несмотря на то, что Элиза была радушна и весела, Лоуренса всегда отвращала эта женщина. Он знал её истинное нутро, и от этого любить Манриетту было сложнее. Лоуренс напрягся, когда их взгляды встретились, и пугающие воспоминания накрыли его с головой. Он сразу вспомнил, почему последние шесть лет избегал даже мысли о Манриетте. Как же он ненавидел весь её род. Но мать... мать не переносил больше всего.

Элиза, вмиг прочитав в его взгляде знакомую враждебность, сразу собралась и, улыбнувшись дочери, как ни в чём не бывало, подошла к ней и поцеловала в макушку.

– Смотрю, вы голубки не могли дождаться заветного часа, – мать заговорщицки подмигнула Манриетте, и та вмиг вспыхнула, вспомнив то, чем на самом деле они занимались буквально несколько часов назад.

– Мама... твои шутки неуместны. Мы просто проговорили всю ночь, давно не виделись, знаешь ли, – Лоуренс, вскочив, поправил одежду и, протолкнув неприятный ком, застрявший поперек горла, уставился на Манриетту. Она так хорошо лгала, сама невинность.

Сейчас, когда уже все сбившие его с ног эмоции поубавились, Лоуренс не мог понять, как решился на то, что сделал. Да, Амалия лгала ему, предала его доверие, но он любил её. Его чувства никто не отменял. И те чувства, которые снова появились к его прекрасной невесте, пугали Лоуренса.

– Прошу простить меня, я не мог уснуть, волнение, – Элиза, словно пчела возилась вокруг дочери, но снова бросила ему этот, присущий ей, слегка настораживающий взгляд и вмиг нацепила свою фирменную улыбку.

– Конечно, Ваше Высочество. Как не переживать в такой-то день, правда, милая? Помню, когда мы плыли сюда, Манриетту от нервов рвало целых три дня, притом что у неё нет морской болезни, – расмеявшись, мать погладила Манриетту по волосам и поспешила выпроводить Лоуренса из покоев.

– Вы ещё встретитесь, милорд. Но сейчас мне нужно подготовить дочь к свадьбе, которая... – Элиза вскинула глаза на большие часы в золотой оправе и, всплеснув руками, поспешила закрыть за Лоуренсом дверь, – осталось всего два часа. А ну кыш.

Как только они с Лоуренсом поравнялись, Элиза схватила его за руку и так тихо, чтобы никто их не услышал, прошептала:

– Она всё равно не поверит, поэтому не портить ей жизнь. А если всё же попытаешься, отец давно с тобой не говорил... наедине.

Не дав ему опомниться, она помахала ему обильно украшенной роскошными перстнями рукой и закрыла перед носом дверь.

– Мам, я бы сама за тобой послала. К чему это представление?

– Знаю я вас, молодых, невозможно отлепить вас друг от друга. Вы как переваренные клёцки.

– Мам!

– А ну мигом в купальню. Мисси приведёт тебя в порядок. Скоро придут слуги, чтобы навести финальные штрихи и запихнуть тебя в эти... доспехи, – мать, недовольно поморщившись, посмотрела на стоявшее вдалеке белое платье.

Это определение хорошо ему подходило. На примерке Манриетта не могла в нём пошевелиться. А тугой, обитый драгоценными камнями и жемчугом корсет тисками сжимал её грудь, отчего дышать становилось просто невозможно.

Когда распаренную, намазанную всеми ливрескими кремами Манриетту начали приводить в поистине королевский вид, она поняла, что это последнее приготовление в статусе свободной птицы. Она была рада, что Лоуренс наконец осознал свои истинные чувства, ведь как же было бы им сложно жить без душевной близости. От каждого нового штриха на её лице и в волосах у Манриетты подрагивали пальцы, а улыбка становилась всё более натянутой.

Мисси нанесла на её веки серебристую пудру, щёки и нос слегка натёрла розовым порошком для придания коже более свежего вида, а губы подвела красным. Этот единственный яркий акцент согревал Манриетте душу, напоминая о ярких красках её родины. Волосы заплели в тонкие косы и завернули в сложную причёску, а поверх неё нацепили тяжеленный венец, полностью покрытый жемчугом и кристаллами.

Когда Манриетта в последний раз посмотрела на себя в зеркале, то заметила, что посередине венца вырезан круг, пересечённый двумя линиями. Знак Аргоса. Вот теперь и она стала частью этого замкнутого круга.

– Милая? – Манриетта, очнувшись, посмотрела на взволнованную мать и улыбнулась, хотя на душе было тяжело и тоскливо.

– Я сказала, что хотела бы обсудить с тобой кое-что. У нас ещё есть несколько минут, – только в этот момент, Манриетта заметила, что осталась с матерью наедине.

– Конечно, – Манри с трудом присела возле матери, и та ласково взяла её ладонь в свою.

– О браке и всех его... трудностях я уже тебе говорила, дорогая. Просто хотела напомнить тебе, что если вдруг тебе станет совсем тяжело с Лоуренсом, ты всегда можешь приехать домой, – Манриетта нахмурилась, так как не узнавала мать. Элиза никогда не говорила с ней с такой тоской в глазах.

– Матушка, со мной всё будет хорошо. Лоуренс любит меня, я наконец увидела это в нём сегодня.

– Манриетта, я уже говорила тебе, что не стоит в него влюбляться окончательно. Он аргосец, а они любят не так, как ты того хочешь. Им чужды глубокие чувства.

– Откуда тебе знать, мама? Он хороший человек и никогда меня не обидит, – Манриетта выдернула руку и, несмотря на тяжесть своего обмундирования, вскочила. Ей не нравился настрой матери.

– Если ты позволишь себе влюбиться в него всем сердцем, то не успеешь оглядеться, как он просто уничтожит и тебя, и всё, что вас связывает. Не будь глупым ребёнком, Манриетта. Его чистые глаза не такие, какими кажутся. Не позволяй своему пылкому сердцу стать таким же холодным, как и у всех представителей данного рода.

– Хватит! Я не понимаю, зачем ты это говоришь. Сейчас я выйду из своих покоев и больше никогда в них не вернусь, так как теперь моя жизнь – его жизнь, его судьба – моя судьба. Я знаю, что ты переживаешь за меня, ведь я твой единственный ребёнок. Но я уже выросла и должна идти своей дорогой, мама. Даже если тебе это не по душе, тебе придётся это принять, – Элиза, с трудом выравнивая дыхание, поджала губы и будто по новому взглянула на дочь.

– Ты права, – она встала, поправив складки на украшенном белым бисером атласном платье, подошла к дочери и поцеловала её в лоб, – нам пора.

Они долго шли, держась за руки, по холодным от обилия белых оттенков коридорам. Мать так крепко сжала дрожащие пальцы Манриетты, что в конце их пути от боли она выдернула свои пальцы из рук матери.

Манриетта не понимала этой излишней нервозности у матери, ведь до того, как они приехали, та хоть и волновалась, но всё же была рада за дочь.

Перед тем, как двери открылись и впустили их в новую жизнь, Элиза вновь схватила дочь за руки и, повернув её к себе, тихо затараторила:

– Послушай меня, я не смогу остаться после свадьбы. Вилион прислал мне весточку из Ливреса, и мне придётся покинуть тебя раньше на несколько недель, но...

– Что-то случилось? Мам, если так, я должна знать, – что-то нехорошее поселилось глубоко в груди и ложкой начало черпать Манриетте нервы.

– Нет, мелочь, но им нужно моё присутствие, как твоего опекуна. Как только всё разрешится, я напишу тебе и всё объясню. Ладно? Не беспокойся милая, это простые формальности, но если я не отплыву до рассвета, могу опоздать, – Элиза ласково погладила по щеке дочь, отчего Манриетта немного успокоилась. Она доверяла матери, как самой себе, ведь ближе неё у Манриетты никого не было.

После смерти отца матушка вот уже почти шесть лет ведёт дела Ливреса, да так проворно, словно всегда этим занималась. Дела порта и торговли улучшились благодаря новым связям. Поток новых людей и различных диковинных товаров нахлынул, наполнив до краёв улочки Ливреса, из-за чего начали строить больше домов и новых улочек, расширяя границы королевства.

Но, самое главное это то, что положение женщин стало намного лучше. Новые законы оберегали их и их детей от неверности и гнева мужей. Закон о бастардах был исключён. До смерти отца Ливрес был единственным королевством, в котором можно было не только развестись, но и посадить на трон бастарда. Мать оставила разводы, как толику надежды на свободу для женщин, но отменила права бастардов и любовниц, чему были не рады в первую очередь мужчины.

– Манриетта, дочка, – Элиза вглядывалась в глаза дочери пытаясь переманить её внимание, – пообещай принимать лекарство, как и раньше.

– Но мама...

– Пообещай! – Мать слегка встряхнула Манриетту, и от этого жеста та невольно согласилась.

Вся церемония осталась в памяти Манриетты яркой вереницей мелких неприятностей. Поначалу всё было прекрасно. Вплыв в пышно оформленный зал для торжеств, Манриетта держала букет кристалловидных роз, который аккуратно оформила сама Вилария и самолично вручила ей накануне. Их аромат, такой тёплый и сладкий, наконец, начал её успокаивать, и, когда Лоуренс взял её руку в свою, она наконец встала подле него с кристально чистым разумом.

Манриетта озиралась на колонны, увитые серебряными лентами и полосками тюля, на пышные букеты белых роз и гортензий в пузатых напольных вазах, а также на украшенный облаками белых цветов и нитями огромных жемчужин. Всё было ослепительно. Вилария действительно была в этом хороша. Музыка лилась плавной рекой, а одетый в богато украшенный камзол из белой парчи Лоуренс, хоть и нервничал, что было довольно заметно, но злостью не полыхал. Уже спасибо. Когда жрец начал свою речь, Лоуренс быстро наклонился к её уху и прошептал так, чтобы его слышала только Манриетта:

– Прости, что всё не так, как ты мечтала, я пытался уговорить отца, но он был непреклонен. Ты... ты выглядишь просто волшебно, – так же быстро он выпрямился и едва уловимо сжал её руку в знак поддержки.

– Сегодня дом аргоских снежных львов принимает в свои объятия ливреского феникса. Столетиями боги обходили стороной подобные браки, но наконец враждующие Фай, богиня огня и света, и Норт, бог льда и холодных ветров, примут перемирие в лице вашего союза. Произнесите ваши клятвы перед ними и закрепите союз фамильными перстнями. Сначала вы, Ваше Высочество, – жрец обмотал их руки тугой атласной лентой, покрытой неизвестными Манриетте знаками, и обратился сначала к Лоуренсу. Ну конечно...

– Я, Лоуренс, наследный принц Аргоса, вечно холодных земель, сын великих воинов, истинный потомок Норты и его сын, клянусь быть верным телом и душой мужем, быть защитником наших детей, уважать и покровительствовать своей жене. В болезни и здравии, пока тени не заберут меня в свои владения.

Манриетта знала, что ей придётся принизить свой титул, ведь так положено, но что-то не давало ей выплюнуть эти слова.

– Я, Манриетта, королева Ливреса, правительница золотых земель, потомок Фай и её детей, клянусь быть верной телом и душой женой, следовать за мужем своим, быть ласковой колыбелью нашим детям, уважать и почитать своего мужа. В болезни и здравии, пока тени не заберут меня в свои владения.

Как только она договорила последнее слово, грудь её опалило жаром. Ей пришлось сильно сжать ладони Лоуренса, чтобы не упасть. В его глазах мелькнуло непонимание, будто в его груди не бушевал такой же огонь. Боль постепенно стихла, но в области спины всё ещё слегка покалывало.

Страхнув с себя оцепенение, Манриетта поняла, что все ждут, когда она наденет Лоуренсу перстень, и ритуал завершится. На её безымянном пальце уже красовался ободок из белого золота, покрытый крупными бриллиантами. Кольцо было очень красивое, но невероятно тяжёлое, отчего Манриетте сразу захотелось его снять. Перстень Лоуренса был из того же материала, но без особых излишеств. Единственным украшением служила алмазная крошка по всему диаметру. Но едва Манриетта поднесла его к пальцу Лоуренса, кольцо выпало и покапало к ногам Антонио. Тот вытаращил глаза на Манриетту, прочистил горло и, едва собравшись, поднял кольцо, чтобы отдать своему другу. Инцидент породил волну пересудов и подозрений. Не зря боги порицали подобные союзы. Возможно сегодня не их день.

– Её Высочество разволновалась, особый день, знаете ли, – Антонио поддержал её улыбкой, и Манриетта почувствовала, как напряжённые плечи слегка расслабились.

Она всю жизнь ждала этого момента, и вот она наконец надела на палец Лоуренса перстень, и всё закончилось.

– Да одарят боги вас крепким и счастливым браком, а также здоровым потомством в дар за ваше терпение и любовь, – жрец окропил их запястья розовым маслом и снял с их рук повязку, – закрепите церемонию поцелуем.

Под бдительными взглядами окружающих, Лоуренс неуверенно подошёл к жене и, с горящими глазами, легко коснулся её губ так, будто впервые их касался. Но Манриетта всё ещё помнила, как действительно он мог её целовать. Так, словно хотел поглотить целиком не только её саму, но и её душу.

Спустя несколько часов, Манри хотела умереть, чтобы с неё наконец сняли это орудие пыток и поместили в чан с горячей водой для омовения. Как же она устала. Все поздравляли их фальшивыми словами, и не менее фальшивыми улыбками. Счастье так и витало вокруг них, но всё это казалось инородным. Не настоящим.

– Тебе нехорошо? – В очередной раз спросил Антонио.

Он почти всё время не отходил от Манриетты, оберегая её покой. Он приносил ей маленькие пирожные с лимонным курдом, финики в шоколаде и просто невероятно вкусное персиковое вино, пузырящееся в хрупком бокале. Таким же хрупким, как и её терпение. Лоуренс почти сразу куда-то улизнул, оставив Манриетту на попечении друга.

– Если тебе потребуется кого-то пытать – позови меня, я одолжу вам свой свадебный наряд, – Антонио прыснул в бокал и, отложив его, приблизился к ней со спины.

Так как все были уже так пьяны, что не замечали их, стоящих в глубине ниши, Антонио аккуратно, быстрыми движениями проворных пальцев расстегнул ей несколько верхних пуговиц на спине, а потом что-то потянул, и ей стало намного легче дышать. Когда она изумлённо посмотрела на него, он лишь отшутился, что у него была сестра, которая будучи той ещё модницей, вечно заставляла его поправлять ей платье.

– Ты часто видишься с семьёй?

– Нет, я... уже очень давно их не видел.

– Но, ведь война окончена, ты можешь их повидать. Я уверена, что Лоуренс будет только рад за тебя.

– Если бы я знал, где они похоронены и похоронены ли вообще, я бы их навестил.

Стыд опалил Манриетте шею и щёки. Логично, что если бы они были живы, Антонио давно бы их навестил. Как же она не сообразила?

– Извини...

– Ничего, ты же не знала.

Антонио улыбнулся ей, дав понять, что совершенно не держит на неё зла.

– Я не думала, что всё будет так...

– Скучно?

– Скорее суетно.

– Это синоним слову “брак”, как и слово “скучно”.

– Ой да ну, ты что женат?

– Я? Ни в коем случае! Всё это явно не для меня. По крайней мере, добровольно я на это не согласился бы. Я, знаешь ли, люблю свободу, – Манриетта, не удержавшись от его наигранной гримасы, расхохоталась и слегка толкнула его в плечо.

Они ещё долго болтали и смеялись. Это казалось странным, ведь в этот день ей было положено быть с другим человеком. Но Лоуренс куда-то подевался.

– Он обязательно вернётся, возможно, его окружило это огромное скопище прибывших дам, у которых сегодня разбилось сердце. Я не шучу, самолично видел, как некоторые из них лили слёзы от проигрыша.

– Да ладно? Он такой завидный жених?

– Он будущий король, Манриетта, так что да, власть сладка для многих.

– Если бы они только знали её истинную цену, – Манри устало вздохнула и немного пошатнулась.

Крепкие руки Антонио подхватили её за талию и придержали, пока она не почувствовала себя лучше. Он мягко улыбнулся, поцеловал ей руку и отпустил.

– Не смей приставать к моей жене! – Лоуренс выскочил из толпы и крепко сжал руку Манриетты, чтобы прижать её к себе.

– Лоуренс это глупости, Антонио просто подхватил меня, когда я чуть не упала. Я очень устала, – нервно улыбаясь, произнесла Манриетта. Но встретившись с ним взглядом, она поняла что, что-то не так. Он был действительно зол и, судя по запаху, слегка пьян.

– Да, я заметил, – Лоуренс стрельнул гневным взглядом в друга и поволол Манриетту к выходу.

– Куда мы идём? Подожди, я не могу бежать! Лоуренс.

Манриетта еле двигалась, спотыкаясь и кряхтя от натуги. Она звала его, пыталась высвободить руку, но он тащил её в сторону её покоев.

– Лоуренс! Остановись! Ты делаешь мне больно!

В нём кипело столько злости, что когда Лоуренс, громко открыв дверь, затолкнул сопротивляющуюся Манриетту в спальню, она отпрянула от него. Он ничего не говорил, но глаза его бешено блуждали, а сам Лоуренс был белым, как полотно.

– Лоуренс... любовь моя, что случилось?

Его передёрнуло от её слов, и всё также молча, подняв на неё полные гнева глаза, он быстро расстегнул свой и так на три пуговицы открытый камзол, скинул его, как и жилет, а потом принялся за ремень. Манриетта в ужасе сделала пару шагов от него.

– Что ты делаешь?

– А на что это похоже?

– Лоуренс... ты пьян.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.